

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2024. Т. 69, № 4

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2024. Т. 69, № 4

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. В. Гниломедов** – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного
учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси», Минск, Беларусь
- В. Л. Гурский** – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- А. Е. Гучок** – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- Т. И. Довнар** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения
«Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»,
Минск, Беларусь

- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. Н. Яромлинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булько** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2024. Т. 69, № 4.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 17.10.2024. Выход в свет 30.10.2024. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 74 экз. Заказ 210.

Цена номера: индивидуальная подписка – 14,01 руб., ведомственная подписка – 32,74 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2024

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2024, vol. 69, no. 4

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

E d i t o r - i n - C h i e f:

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d:

Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vladimir V. Gnilomedov – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution
“Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk, Belarus

Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk,
Belarus

Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center
for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk,
Belarus

Andrei D. Korol’ – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution
“Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk, Belarus

Alla S. Shamruk – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Veronika N. Yarmolinskaya – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Editorial Council:

Aleksandr N. Bulyko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Vladimir I. Vasilyev – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia

Gerd Hentsthal – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany

Sergey Yu. Glazyev – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia

Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland

Aleksey Ye. Daineko – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus

Vladimir A. Il'in – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia

Sergey L. Kandybovich – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia

Sergey P. Karpov – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia

Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland

Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China

Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.

Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2024, vol. 69, no. 4.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*

Computer imposition *S. N. Kostsyuk*

Signed to print on 17.10.2024. Published on 30.10.2024. Format 60×84¹/₈. Offset paper.

Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 74 copies. Order 210.

Number price: individual subscription – BYN 14.01, departmental subscription – BYN 32.74.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.

Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,

distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.

Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2024

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

- Кнаус О. Ю.** Актуальныя праблемы развіцця праваславно-католіцкага інстытуцыянальнага дыялога.... 271
Чарвінскі А. С. Дылема прыгожага і карыснага ў нарматыўным вызначэнні якасці навакольнага асяроддзя 278

ГІСТОРЫЯ

- Дубіцкая Н. Н.** Полуземляночные постройки второй четверти I тыс. н. э. вблизи д. Юрковичи в Нижнем Посожье..... 284

МОВАЗНАЎСТВА

- Елынцова И. В.** Сопоставительное исследование морфемной структуры лексических единиц русского и белорусского языков 291

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

- Марозава А. І.** Эвалюцыя ментальнай мадэлі «радзіма» ў перадачах беларускага тэлебачання 1956 – сярэдзіны 1990-х гг.: актуалізацыя прагматычнага кампанента 299

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

- Мікуліч М. У.** Паэзія Заходняй Беларусі: забытыя аўтары і творы 309
Данилович Т. В. Представления русских писателей – сторонников автономии искусства о причинах существования утилитарного подхода к литературе 321

ПРАВА

- Протасовицкий С. П.** Финансовая деятельность в неоклассической теории финансов 333

ЭКАНОМІКА

- Вертинская Т. С.** Перспективы формирования рынка газомоторного топлива в Республике Беларусь в аспекте союзного строительства..... 342

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

- Knaus O. Yu.** Current issues in the development of orthodox-catholic institutional dialogue 271
Chervinsky A. S. Normative principles in the structure of a comprehensive assessment of environmental quality 278

HISTORY

- Dubitskaya N. N.** Semi-dugout buildings near the village of Yurkovichy in Lower Sozh region of second quarter of the first millennium AD..... 284

LINGUISTICS

- Yalyntsava I. U.** To the question of comparative study morphemic organization of lexical units of the Russian and Belarusian languages..... 291

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

- Marozawa A. I.** Evolution of the mental model of “homeland” in belarusian television programs 1956 – mid. 1990s: pragmatic component 299

LITERARY SCIENCE

- Mikulich M. U.** Poetry of Western Belarus: forgotten authors and works 309
Danilovich T. V. Reasons for the existence of the utilitarian approach to literature in Russian writers – supporters of the autonomy of art’s ideas 321

LAW

- Pratasavitski S. P.** Financial activity in the neoclassical theory of finance 333

ECONOMICS

- Vertinskaya T. S.** Prospects for the formation of the gas motor fuel market in the Republic of Belarus in the aspect of union construction..... 342

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 26.009
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-271-277>

Поступила в редакцию 10.11.2023
Received 10.11.2023

О. Ю. Кнаус

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ПРАВОСЛАВНО-КАТОЛИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА**

Аннотация. На сегодняшний день существует достаточно обширная научная литература, посвященная истории Брестского Собора 1596 г. и последующим событиям, а также основным действующим персонам, борьбе униатов и православных и т. д. Тем не менее в ракурсе исторических исследований не входит рассмотрение самого принципа унии как способа достижения единства христиан. Исследуется проблема унии как фактора, затрудняющего диалог между Православной и Римско-католической церквями. Анализируется, как в условиях современности уния влияет на межконфессиональные контакты. Эта тема особенно важна в контексте осмысления возрождения религиозной жизни в Беларуси и рефлексии белорусского общества по поводу религиозной составляющей национальной идентичности. Исследования, посвященные данной теме, актуализируются в связи с кризисом институционального православно-католического диалога. Вследствие богословского диалога в конце XX – начале XXI в. церкви совершили ретроспективный анализ унии и заключили, что заданная формула унии не обеспечивает результатов, к которым стремятся конфессии в отношении друг друга. Несмотря на десятилетия интенсивного диалога, а также принятие общих богословских заключений, проблема унии была не до конца преодолена.

Ключевые слова: уния, Православная церковь, Римско-католическая церковь, межконфессиональный диалог, Греко-католическая церковь, прозелитизм

Для цитирования: Кнаус, О. Ю. Актуальные проблемы развития православно-католического институционального диалога / О. Ю. Кнаус // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 271–277. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-271-277>

Oksana Yu. Knaus

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT
OF ORTHODOX-CATHOLIC INSTITUTIONAL DIALOGUE**

Abstract. At present, a fairly extensive historical literature has emerged devoted to the themes of the Brest Council of 1596 and subsequent events, the main characters, the struggle between the Uniates and the Orthodox, etc. At the same time, the perspective of historical research does not include consideration of the very principle of union as a way to achieve the unity of Christians. The study addresses the problem of union as a factor complicating dialogue between the Orthodox and Roman Catholic Churches. It seems relevant to consider how, in modern conditions, the union affects interfaith contacts. This topic is especially important in the context of understanding the revival of religious life in Belarus and the reflection of Belarusian society on the religious component of national identity. Also, research on this topic is updated in the light of the crisis in the institutional Orthodox-Catholic dialogue. As a result of theological dialogue at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries. The churches made a retrospective analysis of the union and concluded that the given formula of the union does not provide the results that the confessions strive for in relation to each other. Despite decades of intensive dialogue and the adoption of common theological conclusions, the problem of union was not completely overcome.

Keywords: union, Orthodox Church, Roman Catholic Church, interfaith dialogue, Greek Catholic Church, proselytism

For citation: Knaus O. Yu. Current issues in the development of orthodox-catholic institutional dialogue. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 271–277 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-271-277>

Введение. В белорусском научном поле тема Брестской церковной унии 1596 г. представлена в основном в исторических исследованиях. Проблематикой унии занимаются как церковные ученые и исследователи, так и светские. В настоящее время существует достаточно обширная

научная литература, посвященная истории Брестского Собора 1596 г. и последующим событиям, а также основным действующим персонам, борьбе униатов и православных и др. Вместе с тем в ракурсе исторических исследований не входит рассмотрение самого принципа унии как способа достижения единства христиан. В отечественных научных трудах недостаточное внимание уделяется межконфессиональному диалогу как таковому. Существуют многочисленные работы, посвященные современному состоянию белорусского религиозного поля, тем не менее малоизученной остается сфера взаимодействия конфессий. Отдельные статьи, в которых изучается тема межконфессиональных коммуникаций, принадлежат белорусским исследователям А. В. Данилову, М. А. Можейко, В. А. Одиноченко, Р. Г. Смогоржевской, Е. В. Шкуровой и др.

Автор статьи интересуется проблема унии как фактора, затрудняющего диалог между Православной и Римско-католической церквями. Рассмотрим, как в условиях современности уния влияет на межконфессиональные контакты. Эта тема особенно важна в контексте осмысления возрождения религиозной жизни в Беларуси и рефлексии белорусского общества по поводу религиозной составляющей национальной идентичности. Исследования по данной теме актуализируются также в связи с кризисом институционального православно-католического диалога.

Цель исследования – на основании официальных заявлений Православной и Римско-католической церквей в конце XX – начале XXI в. проанализировать их отношение к унии как методу достижения церковного единства.

Методологической основой исследования являются положения и идеи классиков философии диалога М. Бубера и Ф. Розенцвейга. Предлагаемое М. Бубером понимание диалога как личностной (субъектной) встречи «Я–Ты» [2, с. 10–12] предполагает более глубокое осмысление и уважение между различными конфессиональными группами, несмотря на их теологические различия, что способствует совместному поиску решений. В основе диалогической философии Ф. Розенцвейга – термин «контингентность», под которым подразумеваются взаимоотношения, лишённые любого типа насилия [14, с. 266]. В основе теоретической базы также находятся труды и концепции современных религиоведов. В исследовании применяются общеполитологические принципы и методы, а именно комплексный анализ, объективность, системность. Для осмысления унии в православии и католичестве используется сравнительный анализ. Стремление автора к более полному освещению фактора унии в православно-католическом диалоге обусловлено использованием таких заимствованных методов религиоведения, как каузальный анализ и феноменологический метод. Материалами исследования послужили совместные заявления конфессий, а также коммюнике и богословские документы.

Автор рассматривает следующие вопросы: как и на каких принципах формировалось общее понимание конфессиями метода унии в обозначенный период? Почему уния явилась препятствием для православно-католического диалога в эпоху активизации межконфессионального примирения и взаимодействия? Как преодолеть проблему для продолжения богословского диалога?

Основная часть. Причины, обусловившие раскол между Поместными церквями, заключаются в конфликте религиозных ценностей и/или конфликте светских интересов. Длительный разрыв евхаристического общения между церквями способствует дистанцированию традиций и развитию богословских разногласий [15, с. 78]. Примером такого длительного разрыва является раскол в 1054 г. между Поместными Восточными церквями и Римской кафедрой. Ему предшествовали кратковременные разрывы церковного общения, которые относительно быстро преодолевались. За столетия канонического разрыва Православная и Католическая церкви развивались как два независимых друг от друга института.

XX в. ознаменован новыми формами межрелигиозного и межконфессионального взаимодействия. В 1965 г. произошла историческая встреча Папы Павла VI и Патриарха Константинопольского Афинагора, на которой состоялось взаимное снятие анафем 910-летней давности. Встреча инициировала активизацию диалога на всеправославном уровне.

Революционными для католического богословия и экклезиологии стали постановления II Ватиканского Собора (1962–1965 гг.), которые регламентируют католическое отношение к православию и другим вероисповеданиям. В декрете «Unitatis Redintegratio» было провозглашено, что отделенные от католичества церкви или общины христиан имеют инструменты спасения, однако именно Католическая церковь обладает полнотой спасительных средств [3, с. 174]. Католическое

богословие признало наличие благодати за пределами католической общины и изменило отношение к ранее критикуемому экуменическому движению, сохранив принцип эксклюзивной экклезиологии. Ранее сложность активизации православно-католического диалога на институциональном уровне и в богословской плоскости заключалась в том, что Римско-католическая церковь ограничивала свое участие в мировом экуменическом движении и ее контакты с Поместными Православными церквями были достаточно скромными. Православные церкви с самого основания экуменического движения (конец XIX – начало XX в.) являлись участниками этого процесса и имели богословские коммуникации с представителями иных христианских течений. Смена богословского вектора Римско-католической церкви сняла ограничения на межконфессиональный диалог, что послужило фактором установления православно-католических конструктивных коммуникаций.

На разных этапах христианской истории возникала острая проблема унии в православно-католических взаимоотношениях. Присоединение части верующих одной конфессии к другой – позитивное событие для того, кто приобрел новую паству, и негативное для того, кто паству потерял. Отличие экуменизма и унии заключается в следующем: экуменизм базируется на более «демократических» принципах и реализуется через равенство сторон; экуменизм предполагает достижение единства через консенсус, а не через компромисс (в отличие от унии экуменизм не стремится к немедленному единству). Следует отметить три основные унии в христианской истории, в результате которых часть православных верующих была объединена с Католической церковью: Лионская (1261 г.), Ферраро-Флорентийская (1439 г.), Брестская (1596 г.) унии. Кроме того, имел место ряд уний с меньшим масштабом охвата верующих. Последствия унии тяжело преодолеваются церквями. Зачастую инициатива реализации унии имела прагматические предпосылки и предполагала приобретение некоторых привилегий ценой компромисса.

В католической терминологии православные, вступившие в унию с Римско-католической церковью, именуется греко-католиками, в православной – униатами.

В доктринальных основах Православной и Римско-католической церковей существует положение о стремлении к единству. Согласно классификации профессора А. В. Карташева [5], существуют два самостоятельных пути восстановления единства церковей: присоединение и воссоединение. Метод присоединения относится к еретическим, или раскольническим группам, которые через отказ от ложного учения и покаяния входят в состав церкви. Другой же метод, метод воссоединения, применяется в случае длительного разрыва между Поместными церквями для восстановления между ними евхаристического общения и на основании принципа равенства церковей. Метод предполагает двустороннее разрешение богословских разногласий. По мнению профессора, если выделять унию как третий метод восстановления евхаристического общения церковей, то можно говорить об этом методе как о синтезе первых двух методов [11, с. 128]. Фактор существования представителей унии в межконфессиональном диалоге затрагивает интересы как Православной, так и Римско-католической церковей. Здесь одна конфессия присоединяет к себе другую не на правах равной себе, а на условии подчинения и неравноценности частей церкви, при этом богословский приоритет остается за присоединяющей конфессией. Тем не менее некоторые внешние особенности присоединяемой конфессии могут оставаться без значительных изменений. Чаще всего метод унии воспринимается как религиозная аннексия.

Уния (возвращение в лоно Католической церкви – «миссионерский апостолат») с Восточными церквями с позиции католической стороны интерпретируется как полезность разнообразия литургической и духовной традиции церкви при условии принятия первыми догматов и принципиальных экклезиологических постулатов Римско-католической церкви [1; 21]. Греко-католические церкви действуют в системе канонического права по принципу «церкви *Sui iuris* (лат. – своего права)» и регулируются Кодексом канонов Восточных церковей (1991 г.) [17]. Согласно Кодексу, церкви своего права обязаны сохранять характерный для них обряд. На 2023 г. в статусе «церкви своего права» действуют 20 церковей [20]. Белорусская Греко-католическая церковь также подчиняется каноническому праву Восточных церковей.

Инспирируя предстоящие обсуждения на межконфессиональном уровне, Православная церковь (в частности, Московский патриархат) крайне однозначно обозначила на III Всеправославном совещании в Женеве (1986 г.) свое отношение к проблеме унии: «Наличие отрицательного в жизни наших церковей факта унии, как в исторических ее формах, так и современных проявлениях, а также осу-

ществляемый в какой бы то ни было форме прозелитизм – это факты, недопустимые для православия, они становятся факторами негативными, затрудняющими дальнейший ход диалога» [13, с. 56].

В начале 1990-х гг. катализаторами затруднения диалога между церквями стали выход униатов из катакомб в Украине и попытки утвердить в белорусском обществе тезис «униатская церковь есть национальная церковь Беларуси» [18, с. 65]. Фактор католической миссии в этом регионе значительно усложнил выстраиваемый конструктивный диалог Ватикана с Московским патриархатом, обозначившим Украину и Беларусь в качестве своей канонической территории. Создалась конфликтная ситуация на западе Украины, которая сопровождалась захватом действующих православных храмов, утраченных греко-католиками после 1946 г. Конфессиональный состав Украины в 2018 г. был представлен следующим соотношением: православные – 82 %, греко-католики – 6,5 %, католики – 1 % [19, с. 273]. Из запрещенного религиозного сообщества за почти 30-летний период Греко-католическая церковь превратилась во вторую по численности конфессию в Украине. Ситуация в Беларуси кардинально отличалась умеренностью действий с трех сторон и отсутствием открытого религиозного конфликта. За 27 лет (с 1996 по 2023 г.) количество православных приходов возросло от 938 до 1733, католических – от 372 до 500, греко-католических приходов – от 11 до 16 [12]. В современном белорусском обществе уния не нашла массовой поддержки, наблюдается поляризация на православных и католиков.

Важным шагом к выстраиванию конструктивных отношений между церквями стало создание Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между Римско-католической и Православной церквями в 1979 г. Цель комиссии заключалась не в точечных контактах, а в создании официальной площадки для обсуждения эклезиологических разногласий между Католической и Поместными Православными церквями. В рамках исследования рассмотрим совместные заявления по теме унии, которые отразились в документах комиссии и выражают по сути официальную (институциональную) позицию церквей: «Униатство» [4] (1990 г., Фрайзинг) и «Униатство как метод единения в прошлом и нынешний поиск полного общения» (1993 г., Баламанд) [9, с. 309–317].

На встрече во Фрайзинге комиссия создает богословское обрамление проблемы унии в современном православно-католическом диалоге и артикулирует, что обострение проблемы унии в Восточной Европе требует незамедлительного решения для снижения напряженности в христианском обществе; уния как метод достижения единства церквей не согласуется с общим преданием церквей и служит разделению [4, с. 55]. Также комиссия осознает, что в условиях качественно нового диалога между конфессиями инициативы унии провоцируют ухудшение взаимоотношений между церквями.

Развитие православно-католического диалога на тему унии отразилось в следующей декларации, подготовленной комиссией к седьмому пленарному заседанию в Баламанде. Несмотря на двустороннюю критику отдельных пунктов и богословских формулировок данного документа, следует признать, что православные и католики пришли к общей оценке исторического опыта унии и ситуации, которая явилась следствием возникновения греко-католических общин. Баламандский документ однозначно формулирует сущность унии: присоединение ряда православных общин к римскому престолу привело к разрыву их с церквями Востока, что образовало восточные католические общины [21]. Присоединение православных приходов в отдельных случаях по внецерковным (в частности, политическим) мотивам к Католической церкви не привело к ожидаемому воссоединению церквей или части Православной церкви, а явилось поводом для длительного противостояния. Этот процесс стал катализатором большего догматического расхождения: римский престол в надежде ускорить ход присоединения восточных общин разработал теорию о единственно возможном способе спасения – через католическую веру [7, с. 183]. Аналогичный тезис развивается и в сотериологии православия. Официальное богословие церквей второй половины XX в. перестает быть таким категоричным в отношении друг друга, стороны избегают ригорических интонаций в отношении благодатности церквей, благодаря чему и становится возможным диалог на тему пути к единству.

В Декларации констатируется, что подход, требующий единства любой ценой, не принимающий во внимание богословский аспект достижения единства церквей, совершенно недопустим как метод единства и осуждается обеими сторонами диалога. Документ осуждает прецедентные случаи варварского способа возвращения общин в первоначальную церковь, призывает отказаться от насильственного захвата храмов и соблюдать этические нормы в отношении друг друга.

Также следует отметить, что стороны диалога не считают декларацию окончанием дискуссий по теме унии, а лишь этапом, который формирует общее понимание истории взаимоотношений церквей и задает новые перспективы поиска взаимопонимания.

В документе также акцентируется внимание на проблеме, близкой унии, – прозелитизме. Митрополит Иларион (Алфеев) (в 2009 – 2022 гг. – председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата) указывает на некоторые различия в понимании конфессиями прозелитической деятельности, которая существовала в 1990-х гг. [10]. В Российской Федерации 60–70 % граждан идентифицируют себя православными по факту крещения, при этом воцерковленных 3–5 %. Католики полагают, что крещеные, но не практикующие православные входят в целевую аудиторию миссионерской деятельности, наряду с этим православное духовенство считает себя ответственным за их воцерковление. В части, которая регламентирует практические действия конфессий по поддержанию добрососедских и мирных отношений, отмечается о прекращении расширения количества верующих за счет их перехода в другую конфессию, т. е. о прекращении прозелитической деятельности и миссионерской работы в среде другой конфессии, что, соответственно, устранил локальные конфликты между духовенством обеих церквей. Одним из важных принципов здесь должна быть гласность действий иерархов. Во избежание соперничества создателям католических миссионерских проектов предписывается осуществлять консультации с православными той территории, на которой планируется деятельность [9, с. 313].

Следует отметить, что после подписания Баламандской декларации снизилась напряженность в православно-католической коммуникации по теме унии и прозелитизма в Восточной Европе. Вместе с тем, как было отмечено ранее, некоторые богословские формулировки документа вызывают неоднозначную реакцию у части духовенства и академического сообщества церквей. Этот фактор в значительной степени повлек критику в отношении комиссии и снизил интенсивность богословского диалога между конфессиями, что подтверждают длительные интервалы между встречами дискутирующих сторон (1990 г. – Фрайзинг, 1993 г. – Баламанд, 2000 г. – Балтимор, 2006 г. – Белград). Несмотря на это, православно-католические контакты продолжают сохраняться в сфере партнерского диалога [8, с. 314], находящегося в плоскости светских тем: защита семейных ценностей, социальная справедливость, проблемы экологии и др.

Следующий этап переговоров – сессия в Балтиморе, на которой комиссия не пришла к единому знаменателю, а общий документ «Экклезиологические и канонические следствия униатства» не был утвержден сторонами и привел к выводу, что необходимо разрешить фундаментальные вопросы разобщения католиков и православных: о церковной иерархии, первенстве римского епископа и др. Православные и католические члены комиссии с различной регулярностью проводят совещания, которые пока не обеспечили устойчивое движение к богословскому единству.

В XXI в. тенденция к снижению богословского элемента в диалоге на институциональном уровне отразилась и в документе по итогам встречи Папы Римского Франциска и Патриарха Московского Кирилла (2016 г., Гавана), который имеет в основном миротворческий и социальный характер: фокус внимания сосредоточен на притеснении христиан в странах Ближнего Востока и ряде современных проблем глобального Запада. Тем не менее в ряде пунктов (5–7, 24, 28) затрагивается вопрос единства православных и католиков: последователи церквей должны объединить усилия для эффективного свидетельства обществу о ценностях христианства [16]. 25-й пункт документа гласит: «Сегодня очевидно, что метод «униатизма» прежних веков, предполагающий приведение одной общины в единство с другой путем ее отрыва от своей церкви, не является путем к восстановлению единства» [16]. Данное определение унии иерархами церквей является прецедентным: прежде в документах не использовался термин «униатизм». Использование нового термина создает дифференциацию: «униатизм» – насильственное принуждение к унии. Таким образом, уния как прежде осуждаемый метод достижения единства перемещается в «серую зону», лежащую вне четких оценок.

В белорусском религиозном поле тема унии ввиду исторической памяти является болезненной и вызывает множество дискуссий, зачастую содержащих ложные и стереотипные представления об унии. Об этом свидетельствует беспокойство православной иерархии и верующих об изменении административного статуса белорусской Греко-католической церкви [6].

Выводы. Подводя итог, следует отметить, что XX в. ознаменовался новой формой межконфессионального диалога, которая характеризуется организованными институциональными бого-

словскими контактами между представителями Православной и Католической церквей. В результате специально была создана Смешанная международная комиссия по богословскому диалогу между Православной и Католической церквями. Необходимо подчеркнуть, что с теологической точки зрения разрешение уникальной конфликтной ситуации лежит в плоскости устранения основополагающего разногласия между Православной и Римско-католической церквями, заключающегося в первенстве власти.

Добрососедское межцерковное сосуществование также является одной из детерминант стабильности общества. Активизация возрождения унии на постсоветском пространстве привела к фактам насилия, имущественным противоречиям и реакции, далекой от толерантности религиозной полемики предыдущих веков. Следует отметить, что в этом регионе отношение к исповедующим католическую веру является более терпимым, чем к греко-католикам. Созданная площадка для диалога позволила церквям совершить ретроспективный анализ унии и заключить, что заданная формула унии не обеспечивает результатов, к которым стремятся конфессии в отношении друг друга. Несмотря на десятилетия интенсивного диалога, а также принятие общих богословских заключений и практических мер сосуществования, проблема унии была не до конца преодолена ввиду неулаженных фундаментальных богословских разногласий. В силу разных причин в последние годы наблюдается значительное снижение интенсивности диалога между представителями конфессий, что увеличивает дистанцию между церквями.

Список использованных источников

1. *Oriente lumen* (Свет Востока) [Электронный ресурс]: Апостольское послание // Единая Церковь: ист.-богосл. портал о духов. жизни и единстве христиан. – Режим доступа: <https://www.cerkva.od.ua/official/ecumenism/386-orientale-lumen#two>. – Дата доступа: 21.06.2023.
2. Бубер, М. Я и ты / М. Бубер; пер. В. В. Рынкевича // Два образа веры: пер. с нем. / М. Бубер; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. – М., 1995. – С. 15–92.
3. Документы II Ватиканского Собора / пер. с лат. А. Коваль. – М.: Паолине, 2004. – 710 с.
4. Заявление Смешанной комиссии по богословскому диалогу между Поместными Православными Церквями и Римско-Католической Церковью на VI пленарной сессии // Журн. Моск. Патриархии. – 1990. – № 10. – С. 55–56.
5. Карташев, А. В. Соединение церквей в свете истории / А. В. Карташев // Церковь. История. Россия: статьи и выступления / А. В. Карташев. – М., 1996. – С. 271–302.
6. Коммюнике Синодального информационного отдела Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Официальный портал Белорусской православной Церкви. – Режим доступа: <http://church.by/news/kommjunkte-sinodalnogo-informacionnogo-otdela-belorusskoj-pravoslavnoj-cerkvi?ysclid=lwusjmw3m353977409>. – Дата доступа: 15.07.2023.
7. Лортц, Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей: в 2 т. / Й. Лортц; пер. с нем. – М.: Христиан. Россия, 2000. – Т. 2: Новое время. – 580 с.
8. Мельник, С. В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации / С. В. Мельник; отв. ред. Г. В. Хлебников. – М.: ИНИОН РАН, 2022. – 397 с.
9. Православие и католичество: от конфронтации к диалогу: хрестоматия / сост. А. Юдин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Библейс.-богосл. ин-т св. ап. Андрея, 2005. – 590 с.
10. Православно-католические отношения на современном этапе [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: офиц. сайт Моск. Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1319482.html>. – Дата доступа: 19.05.2023.
11. Ранне, А., прот. Проблема унии и православно-католический диалог / прот. А. Ранне // Вестн. Ленингр. духов. акад. – 1990. – № 1. – С. 125–135.
12. Религиозные общины в Республике Беларусь (на 1 января 2023 г.) [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религий и национальностей. – Режим доступа: <https://belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvara-2019-g>. – Дата доступа: 29.06.2023.
13. Решения III Предсоборного Всеправославного Совещания. Отношение Православной Церкви к прочему христианскому миру // Журн. Моск. Патриархии. – 1987. – № 6. – С. 54–56.
14. Розенцвейг, Ф. Звезда избавления = *Der Stern der Erlösung* / Ф. Розенцвейг; [пер. с нем. Е. Яндугановой]. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. – 543 с.
15. Слесарев, А. В. Расколоведение: введение в понятийный аппарат: учеб. пособие / А. В. Слесарев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Познание, 2021. – 198 с.
16. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: офиц. сайт Моск. Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>. – Дата доступа: 23.07.2023.
17. *Codex Canonum Ecclesiarum Orientalium* [Electronic resource] // The Holy See. – Mode of access: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/la/apost_constitutions/documents/hf_jp-ii_apc_19901018_index-codex-can-eccl-orient.html. – Date of access: 21.06.2023.

18. Текущие события // Мин. епарх. ведомости. – 1996. – № 12. – С. 64–65.
19. Ярем, Р., прот. Межконфессиональные конфликты на Украине в XX–XXI веках / прот. Р. Ярем // Причины и вызовы текущего кризиса межправославных отношений: материалы науч.-практ. конф., Москва, 25–26 февр. 2019 г. / Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т; гл. ред. прот. В. Воробьев. – М., 2020. – С. 273–291.
20. Eastern-Rite Synods of Bishops [Electronic resource]: inter-diocesan structures // GCatholic.org. – Mode of access: <http://www.gcatholic.org/dioceses/conf-eastern.htm>. – Date of access: 19.07.2023.
21. Иоанн Павел II. Ut unum sint («Да будут все едино») [Электронный ресурс]: энциклика Святого Отца Иоанна Павла II об экуменическом служении / Иоанн Павел II; пер. Е. С. Твердисловой // Единая Церковь: ист.-богосл. портал о духов. жизни и единстве христиан. – Режим доступа: <https://www.cerkva.od.ua/official/ecumenism/81-56#d93>. – Дата доступа: 21.06.2023.

References

1. Apostolic Epistle Orientale lumen (Light of the East). *United Church: historical and theological portal about spirits, life and unity of Christians*. Available at: <https://www.cerkva.od.ua/official/ecumenism/386-orientale-lumen#two> (accessed 21.06.2023) (in Russian).
2. Buber M. *Ich und du*. Heidelberg, L. Schneider, 1958. 116 p. (in German).
3. *Documents of the II Vatican Council*. Moscow, Paoline Publ., 2004. 710 p. (in Russian).
4. Statement of the Mixed Commission on theological dialogue between the Local Orthodox Churches and the Roman Catholic Church at the 6th plenary session. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchy], 1990, no. 10, pp. 55–56 (in Russian).
5. Kartashev A. V. Connection of churches in the light of history. *Church. Story. Russia: articles and speeches*. Moscow, 1996, pp. 271–302 (in Russian).
6. Communiqué of the Synodal Information Department of the Belarusian Orthodox Church. *Russian Orthodox Church: official website of the Moscow Patriarchate*. Available at: <http://church.by/news/kommjunkte-sinodalnogo-informacionnogo-otdela-belorusskoj-pravoslavnoj-cerkvi-?ysclid=lwusjmwa3m353977409> (accessed 15.07.2023) (in Russian).
7. Lotz J. *Geschichte der Kirche in ideengeschichtlicher Betrachtung. Bd. 2. Die Neuzeit*. Münster, Aschendorff, 1965. 592 p. (in German).
8. Mel'nik S. V. *Interreligious dialogue: typology, methodology, forms of implementation: monograph*. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 2022. 397 p. (in Russian).
9. Yudin A. (comp.). *Orthodoxy and Catholicism: from confrontation to dialogue: reader*. 2nd ed. Moscow, Biblical Theological Institute of St. Andrew the Apostle, 2005. 590 p. (in Russian).
10. Orthodox-Catholic relations at the present stage. *Russian Orthodox Church: official website of the Moscow Patriarchate*. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1319482.html> (accessed 19.05.2023) (in Russian).
11. Ranne A., prot. The problem of the union and the Orthodox-Catholic dialogue. *Vestnik Leningradskoi dukhovnoi akademii* [Bulletin of the Leningrad Theological Academy], 1990, no. 1, pp. 125–135 (in Russian).
12. Religious communities in the Republic of Belarus (as of January 1, 2023). *Commissioner for Religious Affairs and Nationalities*. Available at: <https://belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvarya-2019-g> (accessed 29.06.2023) (in Russian).
13. Decisions of the III Pre-Council Pan-Orthodox Conference The attitude of the Orthodox Church to the rest of the Christian world. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchy], 1987, no. 6, pp. 54–56 (in Russian).
14. Rosenzweig F. *Der Stern der Erlösung*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1988. 549 p. (in German).
15. Slesarev A. V. *Split studies: introduction to the conceptual apparatus*. 2nd ed. Moscow, Poznanie Publ., 2021. 198 p. (in Russian).
16. Joint statement of Pope Francis and His Holiness Patriarch Kirill. *Russian Orthodox Church: official website of the Moscow Patriarchate*. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html> (accessed 23.07.2023) (in Russian).
17. Codex Canonum Ecclesiarum Orientalium. *The Holy See*. Available at: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/la/apost_constitutions/documents/hf_jp-ii_apc_19901018_index-codex-can-eccl-orient.html (accessed 21.06.2023).
18. Current events. *Minskie eparkhial'nye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 1996, no. 12, pp. 64–65 (in Russian).
19. Yarem R., prot. Interfaith conflicts in Ukraine in the XX–XXI centuries. *Prichiny i vyzovy tekushchego krizisa mezpravoslavnykh otnoshenii: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 25–26 fevralya 2019 g.* [Causes and challenges of the current crisis in inter-Orthodox relations: proceedings of the scientific and practical conference, Moscow, February 25–26, 2019]. Moscow, 2020, pp. 273–291 (in Russian).
20. Eastern-Rite Synods of Bishops: inter-diocesan structures. *GCatholic.org*. Available at: <http://www.gcatholic.org/dioceses/conf-eastern.htm> (accessed 19.07.2023).
21. Ioannes Paulus PP. II Ut unum sint: on commitment to Ecumenism. *The Holy See*. Available at: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_25051995_ut-unum-sint.html (accessed 21.06.2023).

Информация об авторе

Кнауc Оксана Юрьевна – аспирант. Институт филологии, Национальная академия наук Беларусі (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: knausoxana1323@gmail.com

Information about the author

Oksana Yu. Knaus – Postgraduate Student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: knausoxana1323@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК /61:/67.7

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-278-283>

Паступіў у рэдакцыю 29.04.2022

Received 29.04.2022

А. С. Чарвінскі

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ДЫЛЕМА ПРЫГОЖАГА І КАРЫСНАГА Ў НАРМАТЫЎНЫМ ВЫЗНАЧЭННІ ЯКАСЦІ НАВАКОЛЬНАГА АСЯРОДДЗЯ

Анотацыя. Исследованы теоретические основания функционального расширения возможностей комплексной оценки качества окружающей человека природной среды обитания посредством включения в ее структуру эстетических критериев. Дилемма красивого и полезного в природной среде рассматривается в контексте ретроспективного анализа философских подходов к проблеме И. Канта, Сократа, производится концептуальная апелляция к мнению Ч. Дарвина в отношении функций красивого в природе. Анализируется проблема адаптации эстетических критериев к традиционным оценочным системам, обосновывается прикладная состоятельность экологической оценки в том случае, если она базируется на признании функциональной значимости красивого или безобразного в природной среде. Эстетические критерии в комплексной оценке качества окружающей среды выступают как показатель уровня эстетической комфортности условий жизни. Они базируются как на эмоционально-чувственном восприятии природного объекта, так и на рациональном осознании его функционально-прикладной состоятельности. Эмоционально-положительная либо эмоционально-отрицательная оформленность экологической оценки носит нормативный характер, может быть выражена в баллах, система которых условно отражена в социально-экологическом понятии «эстетическая комфортность». Делается вывод, что такой подход позволит обеспечить функциональную состоятельность критериев и, следовательно, сделать их практически востребованными в процедуре комплексной оценки качества окружающей человека природной среды обитания.

Ключевые слова: эстетические критерии в экологической оценке, нормативные показатели, «эстетическая комфортность»

Для цитирования: Чарвінскі, А. С. Дылема прыгожага і карыснага ў нарматыўным вызначэнні якасці навакольнага асяроддзя / А. С. Чарвінскі // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 278–283. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-278-283>

Alexander S. Chervinsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

NORMATIVE PRINCIPLES IN THE STRUCTURE OF A COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF ENVIRONMENTAL QUALITY

Abstract. Theoretical foundations for the development of the functional capabilities of a comprehensive assessment of the quality of the natural environment surrounding a person by including aesthetic criteria in its structure are studied. The dilemma of the beautiful and the useful is considered in the context of a retrospective consideration of the approaches to the problem of the philosophers I. Kant, Socrates, a conceptual appeal is made to the opinion of Ch. Darwin regarding the functions of the beautiful in nature. The problem of adapting aesthetic criteria to traditional evaluation systems is analyzed, the applied viability of environmental evaluation is substantiated if it is based on the recognition of the functional significance of beautiful or ugly in the natural environment. Aesthetic criteria in a comprehensive assessment of the quality of the environment act as an indicator of the level of aesthetic comfort of living conditions. They are based both on the emotional and sensory perception of a natural object, and on the rational awareness of its functional and applied viability. Emotionally positive or emotionally negative design of environmental assessment is of a normative nature, can be expressed in points, the system of which can be conditionally reflected in the socio-ecological concept of “aesthetic comfort”. It is concluded that this approach will ensure the functional viability of the criteria, and, therefore, make them practically in demand in the procedure for a comprehensive assessment of the quality of the natural habitat surrounding a person.

Keywords: aesthetic criteria in environmental assessment, regulatory indicators, “aesthetic comfort”

For citation: Chervinsky A. S. Normative principles in the structure of a comprehensive assessment of environmental quality. *Vesti Natsyonal'noi akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 278–283 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-278-283>

Уводзіны. Экалагічная ацэнка якасці прыроднага асяроддзя з эстэтычнага пункту гледжання характарызуецца тым, што ў адрозненне ад іншых нарматыўных канструктаў (біягеаэналагічных, медыка-біялагічных, радыэкалагічных, санітарна-гігіенічных і інш.) грунтуецца не на рацыя-

нальных, а на эмацыянальна-пачуццёвых прынцыпах і практычна на вызначэнні розніцы паміж эмацыянальна станоўчым і эмацыянальна адмоўным успрыманнем прыроднага аб'екта.

У сувязі з гэтым аўтару ўяўляецца лагічным выказаць меркаванне аб наяўнасці анталогічных падстаў эстэтычнай ацэнкі непасрэдна ў прыродным асяроддзі, а менавіта ў сферы эталагічных паводзінскіх структур, паколькі яшчэ Ч. Дарвін адзначаў наступную асаблівасць: тое, што з'яўляецца прывабным у самой прыродзе (яркі выгляд самца ў шлюбны перыяд, прыгожая кветка і г. д.), эмацыянальна станоўча ацэньваецца і самім чалавекам [1].

Варта адзначыць, што праблема прынцыповай магчымасці дылемы «станоўчае – пачварнае» ў прыродзе з'яўляецца прадметам актыўнай дыскусіі аб перадумовах і канцэптualiных вытоках фарміравання эстэтычных падыходаў да эмацыянальнага ўспрымання чалавекам знешняга свету. На працягу доўгага перыяду даследчыкамі вырашалася пытанне аб тым, ці магчыма ў прынцыпе эстэтычнае ўспрыманне ў прыродным асяроддзі. У залежнасці ад таго, ці прызнавалася прынцыповая магчымасць «станоўчага – пачварнага» ў прыродзе, безадносна да чалавека, навуковец мог быць аднесены або да ліку «прыроднікаў», або да ліку «грамадскіх».

Пры гэтым часта дастатковай падставай для такога азначэння з'яўляўся сам факт пошуку фундаментальных асноў эстэтыкі як сферы і, адначасова, практычнага механізма эмацыянальна-пачуццёвага ўспрымання ў прыродным асяроддзі. Так, айчыннымі даследчыкамі, прадстаўнікамі крыла «грамадскіх» (М. С. Каган, Л. М. Сталовіч, Э. С. Маркарян) [2–4], да ліку «прыроднікаў» быў аднесены беларускі філосаф М. І. Крукоўскі, хоць ён актыўна адмаўляў такую прыналежнасць [5].

Адрозненні і нават пэўны канцэптualiны антаганізм паміж «грамадскімі» і «прыроднікамі» да гэтага часу яшчэ не пераадолены, і таму аўтар гэтага артыкула, не прымяняючы актуальнасці праблемы першаснасці ў вызначэнні вытокаў эстэтыкі, ставіць наступныя мэты: на аснове існуючых філасофскіх і прыродазнаўчанавуковых падыходаў абгрунтаваць правамернасць уключэння ў структуры комплекснай экалагічнай ацэнкі эстэтычных крытэрыяў; распрацаваць працэдурныя асновы іх інкарпарацыі ў ацэначную структуру сацыяльнай экалогіі; абгрунтаваць апісальную эфектыўнасць канцэпту «эстэтычная камфортнасць» і прапанаваць яго ў якасці нарматыўнага сацыяльна-экалагічнага паняцця.

Асноўная частка. У структуры комплекснай ацэнкі якасці прыроднага асяроддзя эстэтычным паказчыкам традыцыйна адводзіцца не самае прыярытэтнае месца. Разам з тым пашырэнне функцыянальных магчымасцей, як і ўзмацненне ацэначнай адэкватнасці эстэтычных крытэрыяў, мае як тэарэтычную значнасць, так і практычную запатрабаванасць. Гэта звязана з неабходнасцю павышэння эмацыянальнага камфорту ўмоў жыццядзейнасці чалавека ў прыродным асяроддзі.

Магчымасць разгорнутай і досыць поўнай экалагічнай ацэнкі рэалізуецца, як правіла, пры наступных умовах: захавання асноўных біягеаэналагічных параметраў існавання прыродных экасістэм; падтрымання асноўных параметраў нармальнай жыццядзейнасці чалавека; адсутнасці экалагічна-крызісных станаў у развіцці сацыяльна-прыродных адносін.

Відавочна, што значэнне эстэтычных паказчыкаў значна ўзрастае ва ўмовах экалагічнай аптымальнасці сацыяльна-прыродных адносін, калі ацэначная структура імкнецца да формы паслядоўных крытэрыяў, пры якой розныя аспекты комплекснай ацэнкі (медыцынскія, біялагічныя, сацыяла-экалагічныя, эканамічныя, эстэтычныя і г. д.) першапачаткова прызнаюцца ацэначна раўназначнымі.

У сітуацыі ж экалагічнай экстрэмальнасці, перш за ўсё ў посткатастрафічны перыяд, структура комплекснай ацэнкі набывае выяўленую іерархічную форму, для якой характэрны: структурызацыя ацэначных крытэрыяў па прынцыпу цэнтралізаванай іерархіі; прысутнасць крытэрыяў прыярытэтнага ўзроўню (першым чынам медыка-біялагічных) ва ўсіх наступных; пірамідальная форма ўсяго комплексу крытэрыяў у забеспячэнні функцыянальна-мэтавай агульнасці ацэнкі якасці прыроднага асяроддзя.

У гэтых умовах значэнне эстэтычнага аспекту ў сістэме крытэрыяў комплекснай ацэнкі значна зніжаецца.

Для сітуацыі экалагічнай аптымальнасці характэрна вызначаная залежнасць эстэтычных паказчыкаў ад умоў захавання асноўных параметраў устойлівага развіцця сацыяльна-прыродных адносін, пры якім значэнне эстэтычнай ацэнкі можа ўзрастаць у сувязі з запатрабаваннем у забеспячэнні камфортнага псіхаэмацыянальнага асяроддзя ў форме стварэння і падтрымання рэкрэацыйных зон: нацыянальных паркаў, запаведнікаў, заказнікаў і г. д. У экалагічна экстрэмальнай

сітуацыі адаптацыя эстэтычных крытэрыяў да іншых паказчыкаў, іх структурызацыя па прынцыпу іерархіі ўскладняюцца ў сувязі з адсутнасцю аб'ектыўных, незалежных ад індывідуальнага ўспрымання крытэрыяў ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя.

Паколькі ў такой сітуацыі аспектамі ацэнкі выступаюць суб'ектыўныя адчуванні, калі асабістае ўспрыманне стану прыроднага асяроддзя робіцца не толькі прэваліруючым у сістэме ацэнкі, але часта адзіным паказчыкам экалагічнай якаснасці прыроднага комплексу, то ўзнікае пагроза таго, што празмерная суб'ектыўнасць ацэначнай працэдуры можа значна абмежаваць сферу практычнай рэалізацыі эстэтычных крытэрыяў. Гэта ўскладняе супастаўленне з іншымі крытэрыямі (экалагічнымі, эканамічнымі, медыка-гігіенічнымі і г. д.).

Неабходна ўлічваць, што залішняя рацыянальнасць у ацэначнай трактоўцы пачуццёвых успрыманняў заўсёды мае магчымасць памылкі, таму ставіцца зняважліва да спосабаў выяўлення «логікі прыгажосці» падчас эстэтычнай ацэнкі не варта. Досыць прызнаць, што прыярытэт у структуры эстэтычных крытэрыяў належыць, безумоўна, пачуццёва-эмацыянальнай сферы. У гэтым, відавочна, складаецца асноўнае патрабаванне да практычнага выкарыстання ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя па эстэтычных паказчыках. Суб'ектыўнасць у такой працэдуры непазбежны, таму ацэнка якасці навакольнага прыроднага асяроддзя па эстэтычных прынцыпах дагэтуль не мае свайго канцэптualaнага ўвасаблення ў сістэме іерархічнай узаемазалежнасці. Мінімізацыя верагоднасці ацэначнай памылкі ў эстэтычнай адзнацы дагэтуль з'яўляецца адной з важнейшых задач канцэптualaнай інтэрпрэтацыі праблемы комплекснасці ацэначнай якасці навакольнага асяроддзя.

Адзначым, што гэта праблема выступае прыватным аспектам традыцыйнай у гісторыі філасофіі нявырашанасці пытання аб тым, ці ўласцівы ўспрымання «вельмі прыгожага» і «пачварнага», «прыгожага» і «брыдкага», г. зн. эстэтычна якаснага і эстэтычна няякаснага, безадносна да ўтылітарных запатрабаванняў альбо такая ацэнка ўласціва чалавечаму ўспрымання ў кантэксце ўсведамлення яго практычнай карыснасці.

Гісторыя філасофіі мае шмат розных тэарэтычных пабудоў, якія вывучаюць гэту праблему, аднак у рамках дадзенага артыкула лагічным уяўляецца абмежавацца спасылкай на аўтарытэт дзвюх гістарычна значных велічынь – Сакрата і Канта – прадстаўнікоў процілеглых падыходаў у разуменні характару ўзаемаадносін эстэтычнага, г. зн. уласна пачуццёвага, і ўтылітарнага зместу ў ацэначным успрымання.

Катэгарычнасць кантаўскага падыходу характарызуе безапеляцыйнае, з нашага пункту гледжання, сцвярджэнне: «...Кожны павінен пагадзіцца, што меркаванне аб прыгажосці, да якога прымешваецца найменшая цікавасць, вельмі аб'ектыўнае і не з'яўляецца чыстым меркаваннем густу. Таму для таго, каб быць суддзёй у пытаннях густу, нельга ні ў найменшай ступені быць зацікаўленым у існаванні рэчы, і ў гэтым стаўленні трэба быць цалкам абыякавым» [6, с. 205]. Дэкларуемае філосафам патрабаванне «быць абыякавым» да факта існавання рэчы выступае ўмовай «чыстага» ўспрымання з'явы, незалежна ад пэўных формаў існавання «рэчы ў сабе». Па сутнасці, гэта ўяўляе аксіяматыку ўласна кантаўскага, г. зн. суб'ектыўна-ідэалістычнага, разумення прыроды пачуццёвага пазнання. Аднааспектнае разуменне прыроды эстэтычнага ўспрымання не дапускае комплекснай ацэначнай інтэрпрэтацыі і ў гэтым сэнсе ўяўляецца метадалагічна малапрадуктыўным у апісанні якасці навакольнага асяроддзя. Такі падыход, безумоўна, пакідае па-за рамкамі ацэначнай інтэрпрэтацыі любую з функцыянальных характарыстык аб'екта, які ацэньваецца, і, такім чынам, робіць прынцыпова немагчымым сістэмны падыход да ацэнкі.

Значна больш метадалагічных патэнцый у плане забеспячэння комплекснасці ацэначнай працэдуры змяшчае сакратаўскі падыход з яго патрабаваннем спалучаць эстэтычны і функцыянальны змест ацэньваемага аб'екта. Вядомае сцвярджэнне Сакрата аб тым, што «...усё добрае і выдатнае да таго, для чаго яно прыстасавана і, наадварот, дрэннае і пачварнае ў адносінах да таго, для чаго яно дрэнна прыстасавана» [7, с. 90], сугучна нашаму разуменню, з аднаго боку, структурнай паўнаты, а з другога – функцыянальнай эфектыўнасці эстэтычнага крытэрыю ў сацыяэкалагічнай ацэнцы якасці прыроднага асяроддзя.

Відавочна, што такі крытэрыі павінен грунтавацца як на эмацыянальным успрымання прыроднага аб'екта, так і на рацыянальным усведамленні яго функцыянальна-прыкладной прыдатнасці. Менавіта такая комплексная структура дазволіць забяспечыць функцыянальную прыдатнасць крытэрыю і, такім чынам, зробіць яго практычна запатрабаваным у ацэначнай працэдуры.

Згодна з этымалагічным патрабаваннем спалучэння эмацыянальна-пачуццёвых і функцыянальна-прыкладных аспектаў, з ацэнным прыярэтам менавіта эмацыянальнага зместу, у найбольшай ступені адпавядае, на наш погляд, тэрмін «эстэтычная камфортнасць». Такім чынам, адзначым, што эстэтычны крытэрыў у комплекснай ацэнцы якасці навакольнага асяроддзя выступае як паказчык узроўню эстэтычнай камфортнасці ўмоў жыцця ў прыродным асяроддзі.

Лагічна падкрэсліць, што такое разуменне крытэрыю сугучна дарвінскаму разуменню эстэтычна прыдатнага альбо, наадварот, непрыдатнага (з пазіцыі чалавечага ўспрымання) у прыродзе. Ч. Дарвін лічыў выпадковым супадзенне чалавечага ўяўлення аб выдатным у прыродным асяроддзі з пазітыўнай рэакцыяй на гэта «выдатнае» прадстаўнікоў як фларыстычнай, так і фаўністычнай складаючай прыродных сістэм. Так, па меркаванні Ч. Дарвіна, прыгажосць матыля, прывабнасць кветкі з'яўляюцца вынікам своеасаблівай вылучанасці з ардынарнага шэрагу ў той жа меры, як і пачварнасць некаторых праяў у жывёльным і раслінным свеце. Такія праявы, як пачварнасць і прыгажосць, якія ацэньваюцца чалавекам па эстэтычных параметрах, маюць, па меркаванні навукоўца, функцыянальную перадумову. Калі сітуацыя, вызначаная чалавекам як праява прыгажосці ў прыродзе, абумоўлена імкненнем да самазахавання якой-небудзь расліны як віду, то і праяўленне «пачварнасці» абумоўлена тымі ж самымі матывамі – запатрабаваннем захавання віду з дапамогай адпужвання драпежніка. Характэрныя словы Ч. Дарвіна аб тым, што «...прыгажосць, паводле нашага паняцця аб ёй, не ўяўляе ўсеагульнай з'явы, дапусціць кожны, хто зірне на некаторых атрутных змей, на некаторых рыб і некаторых пачварных кажаноў, якія ўяўляюць скажонае падабенства з чалавечай асобай. Палавы адбор надаў самыя прыгожыя фарбы, самыя вытанчаныя формы і іншыя ўпрыгожанні самцам, а часам абодвум палам шматлікіх птушак, матылёў і іншых жывёл... Кветкі і плады сталі адрознівацца яркай афарбоўкай, якая вылучае іх на зеляніне лістоты, дзеля таго, каб кветкі маглі быць лёгка заўважанымі, наведанымі і аплодненымі насякомымі, а насенне расейвалася б пры дапамозе птушак. Якім чынам здарылася, што шматлікія колеры, гукі і формы даюць асалоду і чалавеку, і найніжэйшым жывёлам, – іншымі словамі, як узнікла пачуццё прыгажосці ў яго найпрасцейшай форме? Мы гэтага не ведаем, як і не ведаем таго, чаму вядомыя пахі і густы сталі прыемнымі» [1, с. 223].

Відавочна, падыход Ч. Дарвіна можа з'яўляцца прыродазнаўчанавуковай асновай канцэптуальнай інтэрпрэтацыі феномена эстэтычнай ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя. Прыродныя аб'екты (дрэвы, кусты, лугавыя экасістэмы і інш.) вылучаюцца з прывычных стэрэатыпаў пачуццёвых выяў, уласцівых індывіду, і, відавочна, такая ж арыгінальнасць знаходзіцца ў аснове эстэтычна станоўчага ўспрымання ландшафтных няроўнасцей, якія абумоўліваюць разнастайнасць прасторавых даляглядаў, характэрных для пагорыстай мясцовасці. Усё, што вылучае і адрознівае аб'ект ад штодзённых, традыцыйных формаў, якія ўспрымаюцца як праява ардынарных кампазіцый, мае сур'ёзныя падставы для эстэтычна пазітыўнага ўспрымання і наадварот. Функцыянальная складаючая забяспечвае магчымасць прыкладнага выкарыстання пералічаных уласцівасцей прыроднага асяроддзя для забеспячэння неабходнай эстэтычнай камфортнасці ва ўмовах захавання асноўных біягеаэналагічных, медыка-біялагічных, санітарна-гігіенічных і іншых характарыстык [8, с. 148].

Асноўная цяжкасць фарміравання крытэрыю на аснове спалучэння функцыянальна-прыкладных і эмацыянальна-пачуццёвых аспектаў заключаецца перш за ўсё ў тым, што ў ім пераважае пачуццёвая складаючая, якая змяшчае ў сабе аспекты перажывання ці эмацыянальна станоўчых або эмацыянальна адмоўных момантаў успрымання. У той жа час у паняццёвым выяўленні, у сістэме біягеаэналагічных, экалага-эканамічных, санітарна-гігіенічных і іншых крытэрыяў аб'ектыўная рэальнасць паўстае ў агрубелым, спрошчаным выглядзе. Прыроднае асяроддзе ў паняццёвым выяўленні непазбежна паўстае ў выглядзе асобных фрагментаў, урыўкаў, няскончаных абагульненняў. Ні адна нават найбагацейшая паняццёвая структура не ў стане адлюстраваць у дастатковай паўнаце ўсю сукупнасць сувязяў, адносін і асаблівасцей міжэлементнага і міжузроўневага ўпарадкавання, характэрнага для рэальнага аб'екта. Таму адносіны канцэптуальнай структуры да аб'ектыўнай рэальнасці характарызуюцца ізамарфізмам, калі ў адным або ў некаторым абмежаваным комплексе паняццяў адлюстроўваецца вялікая сукупнасць рэальных элементаў [9, с. 30].

Вызначэнне якасці прыроднага кампанента на падставе крытэрыяў экалагічнай камфортнасці павінна суадносіцца з іншымі ўласцівасцямі прыроднага комплексу: рэкрэацыйнымі, сельскагаспадарчымі, лесагаспадарчымі і г. д. Пры гэтым неабходна канцэптуальная карэляцыя элементаў,

бо ацэнка якасці асяроддзя на практыцы можа ажыццяўляцца толькі комплексна, з улікам усіх або, прынамсі, асноўных аспектаў якаснай пэўнасці экасістэмы. Эмпірычная ацэнка заўсёды дапускае момант суб'ектывізму, паколькі не мае выразных, лагічна абгрунтаваных рацыянальных параметраў сваёй інтэрпрэтацыі, пры якой індывід успрымае пачуццёва-навакольны свет у адпаведнасці са сваёй унутранай схільнасцю, якая ў сваю чаргу засноўваецца на яго ментальных, культурных, псіхаэмацыянальных асаблівасцях. Спроба лагічнай сістэматызацыі эмацыянальных успрыманняў традыцыйна абмяжоўваецца колькасным абагульненнем адзінкавых або індывідуальных комплексаў эмацыянальнага ўспрымання. Таму сучасныя метадыкі ацэнкі навакольнага асяроддзя ў сваёй рацыянальнай праяве ўяўляюць сабой спробу падсумоўваць як эмацыянальна станоўчыя моманты ўспрымання прыроднага асяроддзя, так і эмацыянальна адмоўныя.

Для таго, каб забяспечыць сумяшчальнасць эстэтычнай ацэнкі якасці навакольнага асяроддзя з эканамічнай, біягеаэкалагічнай, радыёэкалагічнай і іншымі ацэнкамі, у якіх пераважае не эмацыянальны, а рацыянальны аспект, неабходна звесці ўсю сукупнасць эмацыянальных адзнак да рацыянальнай формы, якая можа быць прадстаўлена ў паняццёвым выражэнні і, такім чынам, адаптавана да ўмоў комплекснай і шматфактарнай ацэнкі. Паводле заключэння А. Ф. Лосева, «...эстэтыка прыроды не можа будавацца на выпадковых уражаннях, асабістых густах і, як усякая навука, мае патрэбу ў лагічных вызначэннях, катэгорыях і прынцыпах» [10, с. 203].

Рашэнню такой задачы служаць розныя спробы «аб'ектывізацыі» эстэтычнай ацэнкі якасці прыроднага асяроддзя. Найбольш удалымі ў гэтых адносінах варта прызнаць варыянты, у якіх рэалізуецца прынцып якасна-колькаснай звязанасці, які дазваляе ўзровень якаснасці прыроднага кампанента выказаць праз колькасную ацэнку комплексу эстэтычна мадальных успрыманняў. Відавочна, што, нават атрымаўшы поўную, досыць разгорнутую экспертную ацэнку якасці прыроднага асяроддзя па паказчыках яе эстэтычнасці, даследчык, тым не менш, пры спробе комплекснай інтэрпрэтацыі непазбежна сутыкаецца з супярэчнасцю, якая імпліцытна змяшчае ў сабе эмацыянальны і паняццёва-катэгарыяльны спосабы ўспрымання.

Прынцыпова новым павінен быць падыход да распрацоўкі механізма ацэначнай працэдурі: абгрунтавання новых, адэкватных у сітуацыі, якая склалася, крытэрыяў, фарміравання сістэмы экалагічных нарматываў, што ўлічваюць магчымасць утварэння сінергетычных эфектаў узаема-накладання фактараў, абгрунтавання ацэначных прынцыпаў, якія адлюстроўваюць іерархічную залежнасць якасных характарыстык прыродных працэсаў. У прыкладным плане гэта задача можа рэалізавацца шляхам увядзення «мяккіх», рухомых крытэрыяў, здольных да адаптацыі да экалагічных умоў, якія змяняюцца ў сувязі з магчымым абвастрэннем або, наадварот, згладжваннем сацыяльна-прыродных супярэчнасцей ва ўмовах экалагічнага крызісу.

Функцыянальна такая аперацыя можа быць эфектыўна ажыццёўлена з дапамогай якасна-колькаснай інтэрпрэтацыі, у якой комплекс эмацыянальных успрыманняў якасных характарыстык прыроднага ландшафту падвяргаецца колькасным абагульненням. Наступнае колькаснае супастаўленне эстэтычна станоўчых і эстэтычна адмоўных успрыманняў дазваляе, з пэўнай ступенню дакладнасці, вызначаць якасную грунтоўнасць прыроднага комплексу, што, у канчатковым выніку, будзе карысным пры распрацоўцы экалагічнай палітыкі ў рэгіёне. Галоўнай калізіяй, якая вызначае ацэнку прыроды на такім ўзроўні, з'яўляецца супярэчнасць паміж тым, у якім выглядзе існуюць жыццёва важныя элементы ў навакольным асяроддзі, і тым, як яны патрэбны чалавеку. Вырашэнне гэтай супярэчнасці выступае ў форме антрапагеннага пераўтварэння прыроднага асяроддзя. Наяўнасць сацыяльнага стымулу прыводзіць да значнага паскарэння ўсяго эвалюцыйнага працэсу, рэзка павялічваючы маштаб біягеннай міграцыі рэчыва і энергіі.

Такі падыход, які вызначыў у якасці перадумовы пераходу на ўзровень сацыяльнага кіравання біясферай развіццё навуковай думкі, падкрэслівае значэнне свядомай мэтазгоднай ацэначнай дзейнасці ў фарміраванні стратэгіі сацыяльнага прыродакарыстання.

Выкананне патрабавання комплекснасці, з уключэннем крытэрыю эстэтычнай камфортнасці, значна павышае дакладнасць ацэнкі якасці навакольнага прыроднага асяроддзя і, такім чынам, пашырае сферу яе практычнай рэалізацыі.

Высновы. Такім чынам, можна зрабіць наступныя высновы: 1) у прыродзе прыгожае і, як яе супрацьлегласць, пачварнае – функцыянальныя, практычныя і часта жыццёва значныя. Пры дапамозе своеасаблівай вылучанасці з ардынарнага шэрагу і прыгожае, і пачварнае служаць вызна-

чанай практычнай мэце (адпужванню драпежніка ці, наадварот, прыцягненню ўвагі носьбітаў генетычнага патэнцыялу); 2) у сувязі з гэтым лагічным уяўляецца прызнаць грунтоўнасць экалагічнай ацэнкі якасці прыроднага асяроддзя па эстэтычных падставах у выпадку, калі яна засноўваецца на прызнанні функцыянальнай значнасці прыгожага або пачварнага ў прыродным асяроддзі; 3) эмацыянальна станоўчая або эмацыянальна адмоўная аформленасць экалагічнай ацэнкі мае нарматыўны характар і можа быць прадстаўлена ў балах, сістэма якіх умоўна адлюстравана ў сацыяэкалагічным паняцці «эстэтычная камфортнасць».

Выкананне патрабавання комплекснасці, з уключэннем крытэрыю эстэтычнай камфортнасці, значна павялічвае дакладнасць комплекснай экалагічнай ацэнкі якасці навакольнага прыроднага асяроддзя і, такім чынам, пашырае сферу яе практычнай рэалізацыі.

У прыкладным плане магчымасць ацэнкі якасці прыроднага асяроддзя на эстэтычнай аснове абумоўлена шмат у чым перспектывай развіцця экалагічнага турызму як аднаго з найбольш прыродаахоўных варыянтаў сацыяльнага прыродакарыстання (не звязанага са значнымі зменамі экалагічных сістэм), якія не патрабуюць павелічэння аб'ёму тэхнагеннай нагрузкі на прыроднае асяроддзе і ў той жа час захоўваюць традыцыйныя для беларускага менталітэту экалагічныя каштоўнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Дарвін, Ч. Насколько верен утилитарный принцип: как приобретается красота // Происхождение видов / Ч. Дарвин. – М., 1952. – С. 222–225.
2. Каган, М. С. Искусствоведение и художественная критика / М. С. Каган // Избр. ст. – СПб.: Мир, 2000. – С. 168.
3. Столович, Л. М. Философия красоты / Л. М. Столович. – М.: Политиздат, 1978. – 118 с.
4. Маркарян, Э. С. Принципы системного исследования культуры (опыт культурологического анализа науки) / Э. С. Маркарян // Диалектика и системный анализ / отв. ред. Д. М. Гвишиани. – М., 1986. – С. 71–80.
5. Крюковский, Н. И. Homo pulcher. Человек прекрасный: очерк теоретической эстетики человека / Н. И. Крюковский. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 303 с.
6. Кант, И. Сочинения: в 6 т.: [пер. с нем.] / И. Кант. – М.: Наука, 1963–1966. – Т. 5. – 1966. – 564 с.
7. История эстетики: в 5 т. / Акад. художеств СССР, Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразит. искусств. – М.: Мысль, 1962–1970. – Т. 1: Античность. Средние века. Возрождение. – 1962. – 682 с. – (Памятники мировой эстетической мысли).
8. Вернадский, В. И. Биосфера: избр. тр. по биогеохимии / В. И. Вернадский. – М.: Мысль, 1967. – 376 с.
9. Фролова, М. Ю. Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов / М. Ю. Фролова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. – 1994. – № 2. – С. 27–33.
10. Лосев, А. Ф. Эстетика природы (природа и ее стилевые функции у Р. Роллана) / А. Ф. Лосев, М. А. Тахо-Годи. – Киев: Collegium, 1998. – 242 с.

References

1. Darwin C. Utilitarian doctrine, how far true: beauty, how acquired. *On the origin of species*. Moscow, 1952, pp. 222–225 (in Russian).
2. Kagan M. S. *Art history and art criticism: selected articles*. St. Petersburg, Mir Publ., 2000. 527 p. (in Russian).
3. Stolovich L. M. *Philosophy of beauty*. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 118 p. (in Russian).
4. Markaryan E. S. Principles of a systemic study of culture (the experience of cultural analysis of science). *Dialectics and system analysis*. Moscow, 1986, pp. 71–80 (in Russian).
5. Kryukovskii N. I. *Homo pulcher. Beautiful man: essay on the theoretical aesthetics of man*. Minsk, Publishing house of BSU, 1983. 303 p. (in Russian).
6. Kant I. *Essay: in 6 vol. Vol. 5*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 564 p. (in Russian).
7. *History of aesthetics. Vol. 1. Antiquity. Middle Ages. Renaissance*. Moscow, Mysl' Publ., 1962. 682 p. (in Russian).
8. Vernadskii V. I. *Biosphere: selected works on biogeochemistry*. Moscow, Mysl' Publ., 1967. 376 p. (in Russian).
9. Frolova M. Yu. Evaluation of the aesthetic merits of natural landscapes. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geographiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 5. Geography], 1994, no. 2, pp. 27–33 (in Russian).
10. Losev A. F., Takho-Godi M. A. *Aesthetics of nature (nature and its stylistic functions in R. Rolland)*. Kyiv, Collegium Publ., 1998. 242 p. (in Russian).

Информация об авторе

Червинский Александр Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальной экологии и биоэтики. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: a.chervinski@gmail.com

Information about the author

Alexander S. Chervinsky – Ph. D. (Philos.), Senior Researcher of the Department of Social Ecology and Bioethics. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: a.chervinski@gmail.com

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 903.33'1(476.2)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-284-290>

Поступила в редакцию 11.09.2024
Received 11.09.2024

Н. Н. Дубицкая

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ПОЛУЗЕМЛЯНОЧНЫЕ ПОСТРОЙКИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э.
ВБЛИЗИ Д. ЮРКОВИЧИ В НИЖНЕМ ПОСОЖЬЕ**

Памяти О. А. Макушниковой

Аннотация. Статья посвящена особенностям домостроения во второй четверти I тыс. н. э. в Нижнем Посожье. Особое внимание уделено формированию традиции сооружения полуземляночных построек с центральным опорным столбом, дальнейшему развитию и региональным особенностям домостроения в третьей четверти I тыс. н. э.

Ключевые слова: Нижнее Посожье, киевская культура, культура Абидня, домостроение, полуземляночная постройка с центральным опорным столбом, полуземляночная постройка с печкой-каменкой

Для цитирования: Дубицкая, Н. Н. Полуземляночные постройки второй четверти I тыс. н. э. вблизи д. Юрковичи в Нижнем Посожье / Н. Н. Дубицкая // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 284–290. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-284-290>

Natalia N. Dubitskaya

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**SEMI-DUGOUT BUILDINGS NEAR THE VILLAGE OF YURKOVICHI IN LOWER SOZH REGION
OF SECOND QUARTER OF THE FIRST MILLENNIUM AD**

Memory of O. A. Makushnikov

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of house-building in the second quarter of the first millennium AD in the Lower Sozh region. Particular attention is paid to the formation of the tradition of constructing semi-dugout buildings with a central support pillar, further development and regional peculiarities of house-building in the third quarter of the first millennium AD.

Keywords: Lower Sozh region, Kiev culture, Abidnya culture, house building, semi-dugout building with a central support pillar, semi-dugout building with a stone stove

For citation: Dubitskaya N. N. Semi-dugout buildings near the village of Yurkovichi in Lower Sozh region of second quarter of the first millennium AD. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 284–290 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-284-290>

Введение. Поселение расположено в 0,8–1,0 км к западу от д. Юрковичи Ветковского района Гомельской области, оно занимает площадку надпойменной террасы правого берега р. Сож (рис. 1). Памятник обнаружен в 1926 г. К. М. Поликарповичем. В 1992 г. на нем были произведены раскопки О. А. Макушниковым [1]. Следует отметить, что вблизи д. Юрковичи в 1982 г. О. А. Макушниковым и В. А. Литвиновым был выявлен грунтовый могильник I тыс. н. э., на котором в 1985–1986 гг. А. И. Дробушевский произвел раскопки. В результате было вскрыто 19 погребений [2, с. 119–129].

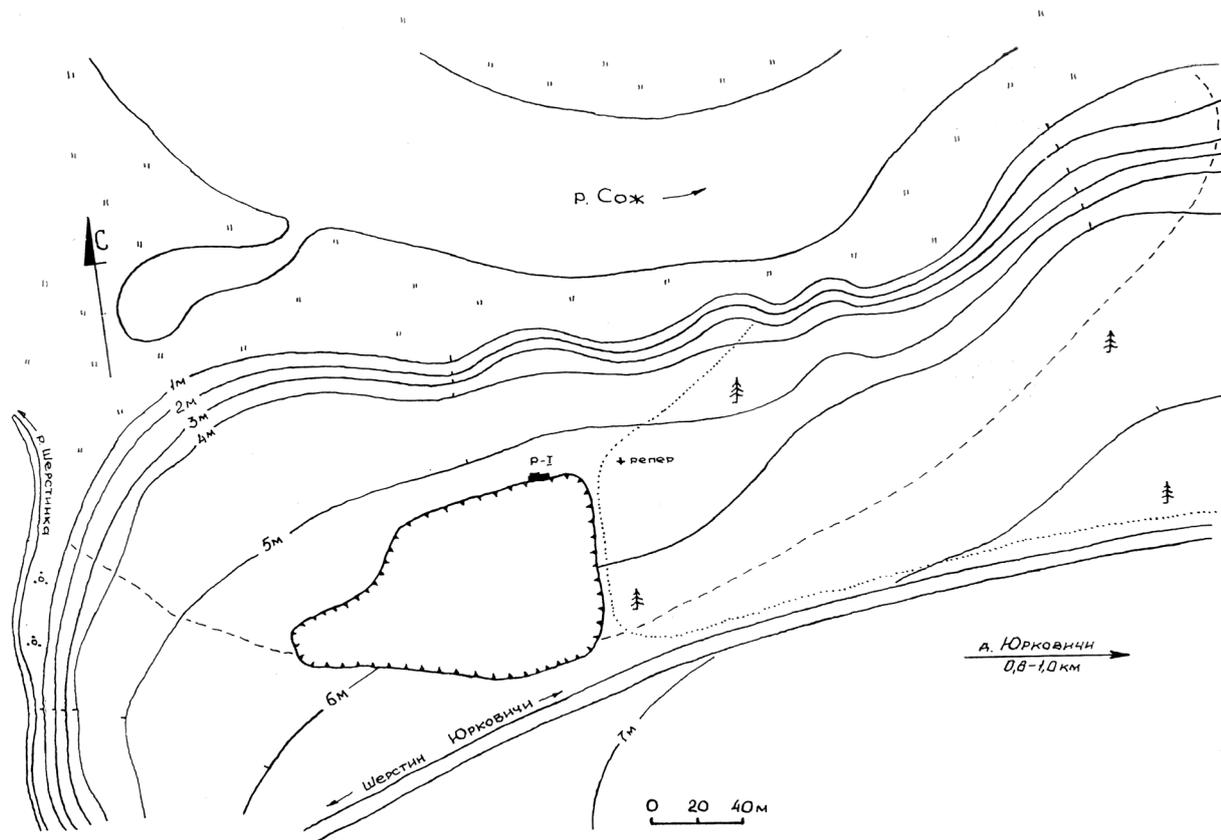

Рис. 1. Поселение у д. Юрковичи Ветковского района Гомельской области, 1992 г.

Fig. 1. Settlement near the village Yurkovichi, Vetka district, Gomel region, 1992

Основная часть. На поселении выявлены остатки двух полуземляночных построек (рис. 2), которые были повреждены карьером, лучше всего сохранилась постройка № 2. Постройки прямоугольной формы, ориентированы стенами почти по странам света. Судя по отсутствию столбовых ям по углам, обе постройки имели срубную конструкцию. Сохранившиеся размеры постройки № 1 на уровне материка $4,0 \times 1,5$ м, размеры котлована, углубленного в материк на $0,6$ м – $2,6 \times 1,4$ м, пол земляной ровный, ближе к северо-западному углу расположено углисто-сажистое пятно размером $1,0 \times 0,55$, мощностью до $0,1$ м, возможно, это остатки очага. Постройка № 2 меньше повреждена, ее размеры приблизительно $4,0$ – $4,1 \times 3,8$ – $4,1$ м, углублена в материк на $0,35$ – $0,4$ м, пол земляной, плоский, утрамбованный. В центре постройки находилось углисто-сажистое пятно размером $1,4 \times 0,8$ м, мощностью $0,2$ м – остатки очага, под которым располагалась круглая яма от опорного столба диаметром $0,5$ ($0,6$) м по верхнему и $0,3$ м по нижнему уровню, глубиной в материке $0,4$ м. Не исключено, что центральный опорный столб могла иметь и постройка № 1. Полуземлянки из д. Юрковичи относятся к уникальным срубным жилым сооружениям с центральным опорным столбом.

Присутствие центрального опорного столба не характерно для жилых полуземляночных построек Могилевского и Гомельского Поднепровья во второй четверти I тыс. н. э. (культура Абидня), тем более срубной конструкции. До настоящего времени для домостроительства культуры Абидня было известно только две жилые полуземлянки столбовой конструкции с центральным опорным столбом (Гудок, Дедново), причем в Гудке постройка отапливалась печью-каменкой, занимающей угловое расположение, в Дедново – угловое расположение очага [3, с. 306, табл. 5, 6].

В третьей четверти I тыс. н. э. в домостроительстве носителей колочинской культуры встречается большее разнообразие конструктивных схем. В частности, кроме столбовой жилой полуземлянки с центральным опорным столбом в Колочине, известны срубные полуземлянки как с центральным опорным столбом, так и без него. Жилые срубные полуземлянки с центральным

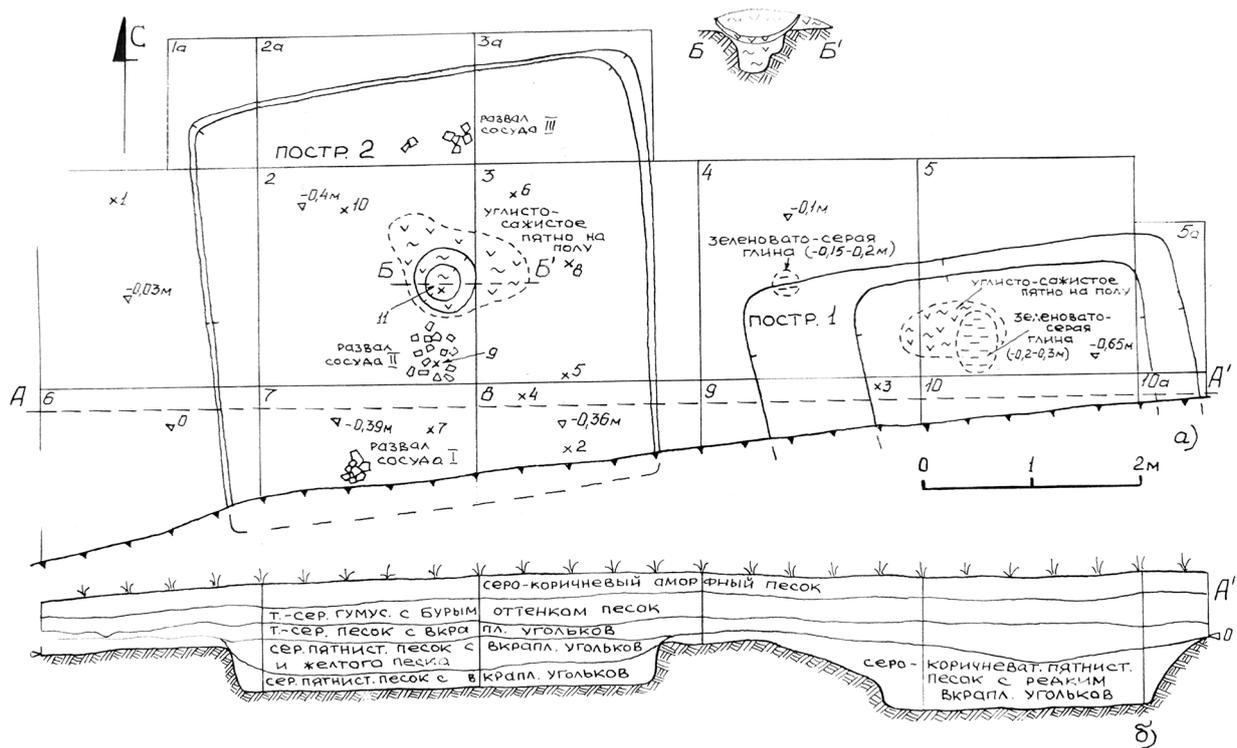

Рис. 2. Планы полуземлянок на поселении у д. Юрковичи (раскопки О. А. Макушникова, 1992 г.)

Fig. 2. The plans of the semi-dugout buildings in the settlement near the village Yurkovichi (excavations of O. Makushnicov, 1992)

опорным столбом выявлены на селищах Нисимковичи II (постройка 2) [4, с. 15] и Проскурни II (постройка 4) [5, с. 11; 6, с. 28, рис. 6]. Полуземлянка в Нисимковичах II отапливалась очагом, расположенным возле центрального столба, постройка 4 на поселении Проскурни отапливалась печью-каменкой, занимающей угловое местоположение. Жилые срубные полуземляночные постройки без центрального столба также имели различные отопительные сооружения, в большинстве случаев – это печь-каменка, занимающая угловое расположение, в основном, северо-восточный угол (Нисимковичи II (постройка 1), Проскурни (постройки 1, 2, 8), Мохов, Гомель). Хозяйственные и производственные сооружения, как правило, срубные полуземлянки с центральным опорным столбом. К таким полуземлянкам относится хозяйственная постройка 1 на поселении Нисимковичи III, производственная полуземлянка в Гомеле [7; 4, с. 15].

Полуземлянки из Юркович принадлежат к самым ранним жилым известным срубным постройкам с центральным опорным столбом. Судя по находкам, выявленным в заполнении, полуземлянки в Юрковичах относятся ко второй четверти I тыс. н. э. Непосредственно из нижнего заполнения происходят развал лепного горшка, нож железный с прямой спинкой, долото железное, пряслице биконическое с широким отверстием, бусы синие прозрачные (рис. 3). Особый интерес для датировки полуземлянок представляет лепной горшок (рис. 3: 1). Горшок слабопрофилированной формы, край венчика практически не отогнут, с максимальным расширением в верхней трети высоты, диаметр горловины меньше максимального расширения. Подобный горшок близок к типу I4 керамики Тайманово [3, с. 102–103, рис. 46,1], но в данном случае высота горшка чуть больше диаметра горловины, а в Тайманово диаметр горловины чуть больше высоты сосуда. В Тайманово такой горшок происходит из культурного слоя. В Абидне похожий горшок выявлен в погребении № 2 могильника. Судя по приведенным аналогиям, погребение относится к III в. [8, с. 61, 67, рис. 3: 2]. Таким образом, III в. можно датировать таймановский горшок и горшок из юрковичской полуземлянки. К III–IV вв. также относятся синие прозрачные пронизи из заполнения постройки (рис. 3: 9–11) (тип 203 по Е. М. Алексеевой) [9, с. 74–75, табл. 33: 83–85], либо тип 91а, 91в по М. Темпельманн-Мачинской, который был распространен на протяжении всей

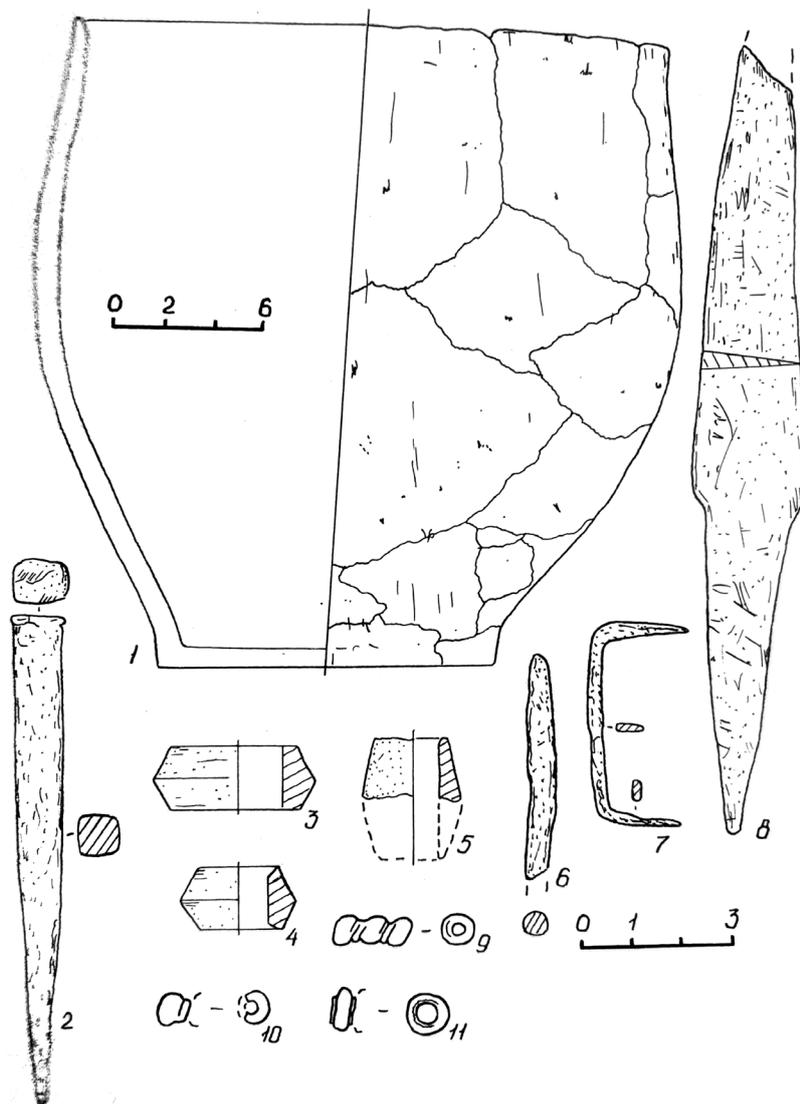

Рис. 3. Находки из полуземлянок у д. Юрковичи (раскопки О. А. Макушников, 1992 г.)
 Fig. 3. Finds from dwellings of the village Yurkovichi (excavations of O. Makushnicov, 1992)

первой половины I тыс. н. э., но особенно популярен во второй половине III – начале IV в. (С1в – С2) [10, 1985, taf. 2, tabel. 8, s. 94]. Возможно, найдена целая синяя бусина (тип 15 по Е. М. Алексеевой) [9, с. 64–65, табл. 33], но в любом случае такие бусы, свитые из жгута, были особенно популярны в III–IV вв. По мнению М. Темпельманн-Мачинской, одиночные синие прозрачные синие бусы (тип 30а, 30в) были распространены также в римское время, особенно в период С1в – С2 [10, taf. 2, tabel. 8, s. 94]. Такие бусы встречены на киевских памятниках III–IV вв. Подесенья и Среднего Поднепровья, в частности, Киселевка-2 [11, с. 36–37], Цепеляево Второе [12, с. 77]. Таким образом, полуземлянки в Юрковичах были сооружены в середине III – начале IV в. (период С1в – С2). Сам исследователь памятника О. А. Макушников датировал постройки IV в. [1].

Присутствие жилых срубных полуземлянок с центральным опорным столбом в Нижнем Посожье во второй четверти I тыс. н. э. позволяет высказать несколько предположений о развитии традиций домостроительства региона. Формирование локального варианта в домостроении (тем более полуземлянки с центральным опорным столбом) известно в белорусской части Днепровского Левобережья еще в первые века н. э. (постройка № 2 городище Волчас) [13, с. 49]. Центральный столб в качестве одной из опор перекрытия применялся для милоградских жилищ. При больших размерах постройки использовалось два опорных столба (Милоградское городище, раскопки 1957 г.) [14, с. 37–38]. О. Н. Мельниковская утверждает, что центральный опорный столб имел

в древности широкое распространение в зарубинецких жилищах, правда, она не указывает в каких: наземных или полуземлянок [14, с. 38]. Тем более, для классической зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье характерны именно наземные или слегка углубленные сооружения [15, с. 124–126; 16, с. 11]. Можно предположить, что полуземлянки столбовой или срубной конструкции с центральным опорным столбом и очагом вблизи него являются локальным вариантом для домостроительства Подесенья уже после рубежа н. э. [11, с. 9–12; 17, с. 37]. В целом для поздnezарубинецких памятников территории Днепроовского Левобережья, Среднего Левобережья, Подесенья известны 22 полуземлянки с центральным опорным столбом, из них 8 полуземлянок жилые – с отопительным сооружением. Всего известна 101 полуземлянка прямоугольной формы [17, с. 100, прил. 2]. Больше всего полуземлянок с центральным опорным столбом было известно в Подесенье (Почеп) – 16 построек из 20 [18, с. 161–163; 17, с. 26]. Фактически, судя по таблице Р. В. Терпиловского, на селище Почеп известны 9 полуземлянок с центральным опорным столбом, из них жилая только одна (№ 1, р. 5) с центральным расположением очага, остальные – хозяйственные [17, с. 100, прил. 2]. Еще центральное расположение очага отмечается только в полуземлянке № 19 с центральным опорным столбом на селище Синьково, постройки № 2 и 18 являются хозяйственными. Хозяйственной является полуземлянка с центральным опорным столбом № 5 на селище Железное, а также полуземлянка № 2 на селище Киселевка 3 (регион Подесенья) [17, с. 100, прил. 2]. В Днепровском Левобережье жилой полуземлянкой с центральным опорным столбом с расположением очага у стены является только постройка № 8 поселения Картамышево, полуземлянки № 1 и 2 на селище Приоскольское-1 следует рассматривать как хозяйственные. Угловое расположение очага отмечено в полуземлянках с центральным столбом № 1 на поселении Грини и № 6 на поселении Вовки [17, с. 100, прил. 2]. В Среднем Поднепровье на поселении Оболонь в полуземлянке № 22 присутствует угловое расположение очага, в постройках № 29 и 42 очаги расположены у стены [17, с. 100, прил. 2]. Столь немногочисленное количество жилых полуземлянок с центральным опорным столбом в общей численности и разнообразии расположения очага указывают на зарождение данной традиции, а также демонстрируют, что на рубеже н. э. она не являлась ведущей ни в одном регионе.

Закключение. Таким образом, традиция сооружения полуземлянки с центральным опорным столбом, в том числе с открытым очагом, расположенным в центре, могла сформироваться в Подесенье примерно в начале н. э. Импульсы традиции сооружения полуземлянки с центральным опорным столбом распространились по всей лесостепи, причем на разных территориях, смешиваясь с различными местными культурными влияниями, формировались свои локальные варианты, которые главным образом сказывались на расположении очага (в углу или у стены). Искать истоки данной традиции в милоградском домостроительстве нецелесообразно, поскольку, скорее всего, это случайность, которая не имеет аналогов в домостроительстве классической зарубинецкой культуры.

Можно предположить, что после рубежа н. э. в Нижнее Посожье часть населения со своими домостроительными традициями проникла из Подесенья. Однако эти импульсы так и не сформировали устойчивую традицию в регионе. Для Белорусского Поднепровья во второй четверти I тыс. н. э. (культура Абидня, или, как ее ранее называли, верхнеднепровский вариант киевской культуры) характерны прямоугольные полуземлянки срубной и столбовой конструкции с преобладанием срубных построек, которые отапливались преимущественно печками-каменками, занимавшими угловое расположение. Полуземлянки с центральным столбом использовались как хозяйственные (Тайманово). В жилых полуземлянках центральный опорный столб фиксируется в единичных случаях. О наземных постройках известно немного, в лучшем случае можно фиксировать их присутствие на некоторых памятниках (Тайманово, Абидня, Симоновичи) [3, с. 37, 57].

В то же время в основном ареале киевской культуры (Среднее Поднепровье, Подесенье, Днепровское Левобережье) известна 71 полуземлянка. Полуземлянки с центральным опорным столбом составляют более половины – 41 постройку (57,74 %), причем жилых полуземлянок такой конструкции также примерно половина – 20 построек (48,8 %), в которых преобладает центральное расположение очага – 12 построек (60 %) [17, прил. 2, с. 107–109]. Если рассматривать по регионам, то больше всего прямоугольных полуземлянок с центральным опорным столбом происходит

из Подесенья – 30 построек из общего количества (73,1 %), из них жилых около половины – 14 (46,6 %), в которых центральное расположение очага присутствовало у половины построек (8 из 14 полуземлянок). В остальных регионах не так много таких построек: в Днепровском Левобережье – 7 полуземлянок, из них 4 жилые, причем расположение очагов разнообразное, в Среднем Поднепровье – 4 полуземлянки, из них 2 жилые постройки с центральным расположением очага [17, прил. 2, с. 107–109]. Крайне редко в таких постройках встречается угловое расположение очага. Ни в одном случае не отмечено присутствие печи-каменки, как в Белорусском Поднепровье. Таким образом, налицо принципиальное различие во многих элементах домостроительства культуры Абидня Белорусского Поднепровья и основного ареала киевской культуры.

Такие же региональные различия в домостроительстве сохранились и в раннесредневековой колочинской культуре (середина V – VII в.). Для колочинской культуры, которая сформировалась на территории основного ареала киевской культуры, характерно домостроительство, возникшее на основе деснинско-сейминской традиции, – полуземлянка с центральным опорным столбом и открытым очагом [17, с. 62]. На территории же Белорусского Поднепровья полуземлянка с центральным столбом оставалась известной конструкцией в домостроении (как в жилом, так и хозяйственном вариантах), но не заняла лидирующие позиции. Напротив, полуземлянка с печкой-каменкой, занимавшей угловое расположение, стала преобладающим типом построек. В дальнейшем такой тип построек распространился на соседние культуры (банцеровская культура).

Список использованных источников

1. Макушников, О. А. Отчет старшего преподавателя кафедры всеобщей истории Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины, кандидата исторических наук Макушникова Олега Анатольевича об охранных археологических раскопках 1992 г. на поселении близ д. Юрковичи Ветковского района Гомельской области / О. А. Макушников // АА НД ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси». – Арх. № 1547.
2. Дробушевский, А. И. Погребальные памятники рубежа н. э. Нижнего Посожья / А. И. Дробушевский // Гіст.-археал. зб. – 1995. – Вып. 9. – С. 119–129.
3. Дубицкая, Н. Н. Древности Могилевского и Гомельского Поднепровья I–V вв. / Н. Н. Дубицкая. – Минск: Беларус. навука, 2023. – 449 с.
4. Макушников, О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в.: социально-экономическое и этнокультурное развитие / О. А. Макушников. – Гомель: ГГУ, 2009. – 218 с.
5. Дробушевский, А. И. Селище у дер. Проскурни в Гомельском Поднепровье / А. И. Дробушевский, А. И. Штененко // Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча: тэ. дакл. навук. канф., прысвеч. 70-годдзю з дня нараджэння Г. В. Штыхава, Мінск, 27–28 лістап. 1997 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 1997. – С. 10–13.
6. Дробушевский, А. И. Охранные исследования на поселении у д. Проскурни (Проскурни II) в Гомельском Поднепровье / А. И. Дробушевский // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2006. – Вып. 12: Археалогія эпохі Сярэднявкоўя. – С. 18–32.
7. Макушников, О. А. Отчет кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории ГГУ им. Ф. Скорины об охранных археологических исследованиях за 1995 г. на окольном граде (месте) средневекового Гомеля / О. А. Макушников // АА НД ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси». – Арх. № 1657.
8. Поболь, Л. Д. Могильник Абидня в Верхнем Поднепровье / Л. Д. Поболь, А. В. Ильютки // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2003. – Вып. 8: Ранніе славяне Белорусскага Поднепровья і Подвіння. – С. 61–70.
9. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева. – М.: Наука, 1978. – 105 с. – (Свод археологических источников; Г 1–12).
10. Tempelmann-Mączyńska, M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im Mitteleuropäischen Barbaricum / M. Tempelmann-Mączyńska. – Minz am Phein, 1985. – 335 S. – (Römisch-Germanische Forschungen; Bd. 43).
11. Терпиловский, Р. В. Ранние славяне Подесенья III–IV вв. н. э. / Р. В. Терпиловский. – Киев: Наук. думка, 1984. – 124 с.
12. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; [отв. ред. А. М. Обломский]. – М.: Ин-т археологии РАН, 2007. – 316 с. – (Раннеславянский мир; вып. 10).
13. Дробушевский, А. И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья / А. И. Дробушевский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. Леонида Давыдовича Побоя: в 2 кн. / О. Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец. – Минск, 2016. – Кн. 1. – С. 38–136. – (Славянские древности Беларуси).
14. Мельниковская, О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке / О. Н. Мельниковская. – М.: Наука, 1967. – 195 с.
15. Третьяков, П. Н. Чаплинское городище / П. Н. Третьяков // Памятники зарубинецкой культуры / под ред. П. Н. Третьякова. – М.; Л., 1959. – С. 119–153. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 70).

16. Кухаренко, Ю. В. Зарубинецкая культура / Ю. В. Кухаренко. – М.: Наука, 1964. – 67 с. – (Свод археологических источников; Д 1–19).

17. Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. = Slavs in the Dnieper Region in the first half of the first millennium A.D. / Р. В. Терпиловский. – Łublin: Wydaw. Uniw. Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. – 232 с.

18. Обломский, А. М. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский. – М.: Наука, 1991. – 175 с.

References

1. Makushnikov O. A. Report of the senior lecturer of the Department of General History of the Gomel State University named after F. Skorina, Ph. D. (Hist.) Makushnikov Oleg Anatolyevich on the 1992 archaeological excavations in a settlement near the village of Yurkovichi, Vetkovsky district, Gomel region. *AA ND GNU "Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus"*. Archive no. 1547 (in Russian).

2. Drobushhevskii A. I. Burial monuments of the turn of the Common Era in the Lower Sozh region. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik = Historical-Archaeological Collection*, 1995, iss. 9, pp. 119–129 (in Russian).

3. Dubitskaya N. N. *Antiquities of the Mogilev and Gomel Dnieper region in the 1st – 5th centuries*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2023. 449 p. (in Russian).

4. Makushnikov O. A. *Gomel Dnieper region in the 5th – mid 13th centuries: social, economic and ethnocultural development*. Gomel, Gomel State University, 2009. 218 p. (in Russian).

5. Drobushhevskii A. I., Shtemenko A. I. Settlement near the village of Proskurni in the Gomel Dnieper region. *Gistryyya Belarusi. Zhalezny vek i syarednyavechcha: tezisy dakladau navukovai kanferentsyi, prysvechanai 70-goddzyu z dnya narodzhennya G. V. Shtykhava, Minsk, 27–28 listapada 1997 g.* [History of Belarus. The Iron Age and the Middle Ages: abstracts of the reports of the scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of H. V. Shtikhov, Minsk, November 27–28, 1997]. Minsk, 1997, pp. 10–13 (in Russian).

6. Drobushhevskii A. I. Security research at the settlement near the village of Proskurni (Proskurni II) in the Gomel Dnieper region. *Materials on archeology of Belarus. Iss. 12. Archeology of the Middle Ages*. Minsk, 2006, pp. 18–32 (in Russian).

7. Makushnikov O. A. Report of the Ph. D. (Hist.), Associate Professor of the Department of General History of the Gomel State University named after F. Skorina on the archaeological research in 1995 at the outlying city (site) of medieval Gomel. *AA ND GNU "Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus"*. Archive no. 1657. (in Russian).

8. Pobol' L. D., Il'yutik A. V. Abidnya burial ground in the Upper Dnieper region. *Materials on the archeology of Belarus. Iss. 8. Early Slavs of the Belarusian Dnieper and Dvina regions*. Minsk, 2003, pp. 61–70 (in Russian).

9. Alekseeva E. M. *Antique beads of the Northern Black Sea region. Collection of archaeological sources, G 1–12*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 105 p. (in Russian).

10. Tempelmann-Maçzińska M. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im Mitteleuropäischen Barbaricum. Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 43* [The pearls of the Roman Empire and the early phase of the Migration Period in Central European Barbarism. Roman-Germanic Research. Vol. 43]. Minz am Phein, 1985. 335 p. (in German).

11. Terpilovskii R. V. *Early Slavs of Podesye 3rd – 4th centuries AD*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1984. 124 p. (in Russian).

12. Oblomskii A. M. (ed.). *Monuments of the Kiev culture in the forest-steppe zone of Russia (3rd – early 5th centuries AD). Early Slavic world. Iss. 10*. Moscow, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 2007. 316 p. (in Russian).

13. Drobushhevskii A. I. Zarubintsy culture of the Belarusian Dnieper region. *Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period: on the 90th anniversary of the birth of L. D. Pobol. Book. 1*. Minsk, 2016, pp. 38–136 (in Russian).

14. Mel'nikovskaya O. N. *Tribes of Southern Belarus in the Early Iron Age*. Moscow, Nauka Publ., 1967. 195 p. (in Russian).

15. Tret'yakov P. N. Chaplin settlement. *Monuments of the Zarubintsy culture. Materials and research on archeology of the USSR, no. 70*. Moscow, Leningrad, 1959, pp. 119–153 (in Russian).

16. Kukhareno Yu. V. *Zarubintsy culture. Code of archaeological sources, D 1–19*. Moscow, Nauka Publ., 1964. 67 p. (in Russian).

17. Terpilovskij R. V. *Slavs of the Dnieper region in the first half of the 1st millennium AD*. Łublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. 232 p. (in Russian).

18. Oblomskii A. M., Terpilovskij R. V. *Middle Dnieper and Dnieper Left Bank in the first centuries AD*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 175 p. (in Russian).

Информация об авторе

Дубицкая Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: dubitskaya57@gmail.com

Information about the author

Natalia N. Dubitskaya – Ph. D. (Hist.), Associate Professor, Senior Scientific Researcher. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: dubitskaya57@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА LINGUISTICS

УДК 811.161.1'373.611+811.161.3'373.611
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-291-298>

Поступила в редакцию 14.08.2024
Received 14.08.2024

И. В. Елынцова

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Раскрывается значимость сопоставительного изучения двух и более языков на разных уровнях с целью установления сходств и различий в их системах. Отмечается, что такого рода исследования на сегодняшний день являются одним из приоритетных направлений современной лингвистики, наиболее универсальным способом изучения языковых явлений, позволяющим получать ценные результаты относительно специфики сопоставляемых языков (как родственных, так и неродственных) в целом и каждого языка в отдельности, которая может остаться незамеченной при внутриязыковом изучении. Объясняется важность системного сопоставительного исследования современных русского и белорусского языков на морфемном уровне, отмечается значимость применения контрастивного анализа при его проведении. Акцентируется внимание на необходимости создания лексикографического пособия, в котором будут репрезентированы морфемные структуры русских и белорусских коррелятов, относящихся к таким грамматическим разрядам, как имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие, будут показаны полные соответствия морфемных составов русских и белорусских коррелятов названных частей речи, а также продемонстрированы типы межязыковых различий в их морфемных структурах.

Ключевые слова: сопоставление, морфема, морфемная членность, морфемная структура, корневая морфема, префиксальная морфема, суффиксальная морфема, сходство, типы различий

Для цитирования: Елынцова, И. В. Сопоставительное исследование морфемной организации лексических единиц русского и белорусского языков / И. В. Елынцова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 291–298. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-291-298>

Irina U. Yalyntsava

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

TO THE QUESTION OF COMPARATIVE STUDY MORPHEMIC ORGANIZATION OF LEXICAL UNITS OF THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

Abstract. The article reveals the importance of comparative study of two or more languages at different levels in order to establish similarities and differences in their systems. It is noted that this kind of research today is one of the priority areas of modern linguistics, the most universal way of studying linguistic phenomena, which allows obtaining valuable results regarding the specifics of the compared languages (both related and unrelated) as a whole and each language separately, which may go unnoticed during intralinguistic study. The importance of a systematic comparative study of the modern Russian and Belarusian languages at the morphemic level is explained, and the importance of using contrastive analysis in its implementation is noted. Attention is focused on the need to create a lexicographic manual, in which will represent the morphemic structures Russian and Belarusian correlates belonging to such grammatical categories as noun, adjective, verb and adverb, will show the complete correspondences of the morpheme compositions of Russian and Belarusian correlates of the named parts speech, and also demonstrate the types of interlingual differences in their morpheme structures.

Keywords: comparison, morpheme, morphemic divisibility, morphemic structure, root morpheme, prefixal morpheme, suffixal morpheme, similarity, types of differences

For citation: Yalyntsava I. U. To the question of comparative study morphemic organization of lexical units of the Russian and Belarusian languages. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 291–298 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-291-298>

Ничего нельзя познать без сравнения.

Л. В. Щерба

Введение. Сравнение как прием мышления всегда занимало важное место в познавательной деятельности человека. Способность сопоставлять понятия о предметах, явлениях действительности, происходящих жизненных процессах обеспечивает получение им знаний об окружающем мире.

В настоящее время наблюдается устойчиво возрастающий интерес лингвистов к сопоставительным исследованиям языков. По мнению известного российского лингвиста И. А. Стернина, это обусловлено рядом причин, в частности, потребностью выявления национальной специфики и универсальных черт языкового материала, стремлением описать национальные картины мира носителей разных языков, необходимостью совершенствования двуязычных словарей и др. [1, с. 7].

Сопоставительное изучение двух и более языков (родственных и неродственных) на разных уровнях с целью установления сходств и различий в их системах является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Его значимость для языковедческой науки бесспорна: оно давно и по праву считается общелингвистическим, наиболее универсальным способом изучения языковых явлений, позволяющим получать ценные научные сведения относительно специфики каждого из сопоставляемых языков, а также выявлять общие характеристики языков. По словам советского и российского лингвиста В. Г. Гака, сравнение является «основным (возможно, даже единственным) методом изучения языка» [2, с. 7], а при изучении двух языков с его помощью устанавливаются их системные схождения и расхождения, выявляются те признаки языков, которые остаются незамеченными при внутриязыковом изучении. Сопоставление позволяет определить особенности каждого из двух языков, дает материал для выявления универсалий, оно также связано с теорией перевода.

Очевидно, что широкие исследования сопоставительного направления, целью которых является получение надежных, верифицированных результатов, должны иметь своим объектом не разрозненные языковые факты, а соотносительные системы средств определенного языкового уровня двух языков. Кроме того, «такой подход имеет неоспоримые преимущества, поскольку позволяет, во-первых, установить те типичные изменения, которым подвергаются родственные или неродственные контактирующие языки, а во-вторых, те случаи воздействия одного языка на другой, которые остаются невыявленными при обычном изучении отношений между языками» [3, с. 37].

Основная часть. В отечественном языкознании имеется определенное количество работ, посвященных системным сопоставительным исследованиям русского и белорусского языков на синхронном уровне¹. Тем не менее многие коррелятивные системные участки близкородственных языков в сопоставительном плане совсем не изучены или изучены недостаточно полно. В частности, до настоящего времени не проводилось системное сопоставительное описание морфемной

¹ Такого рода исследования давно проводятся в отделе белорусско-русских языковых связей филиала «Институт языкознания имени Якуба Коласа» Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. В частности, уже были осуществлены описания систем (а не отдельных языковых единиц или явлений) близкородственных русского и белорусского языков в сопоставительном аспекте на морфологическом, словообразовательном и лексико-семантическом уровнях. См.: «Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Морфология» (Минск, 1990) – первое монографическое исследование в серии работ, в котором в сопоставительном плане описываются все основные грамматические категории близкородственных языков, выявляется степень их сходства и различия на морфологическом уровне; «Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование» (Минск, 2014) – научное издание, где в сопоставительном плане дается максимально полное описание словообразовательных систем русского и белорусского языков; «Русско-белорусский системный семантический словарь» в 2 томах (Минск, 2023) – оригинальный тип словаря, демонстрирующего системный характер организации лексического уровня на примере соотносительных фрагментов двух лексико-семантических систем русского и белорусского языков – 16 коррелятивных лексико-семантических полей: репрезентируется элементное наполнение избранных полей, объединяющих субстантивы, вербативы, адъективы и адвербативы вокруг архисемы поля, проводится семантизация полевых единиц, устанавливаются коррелятивные межъязыковые отношения и др.

организации лексических единиц русского и белорусского языков¹. Отметим, что морфемику – раздел науки о языке, в котором изучается система морфем, морфемная структура слов и словоформ, – как самостоятельную область языкознания стали выделять сравнительно недавно – в 60–80-е гг. XX века. До этого времени она включалась в состав словообразования или морфологии. И это не случайно, поскольку все эти три раздела имеют общий объект изучения – морфему как минимальную значимую часть слова. Выделение морфемики в особый раздел объясняется различными подходами к изучению морфемы в словообразовании, морфологии и морфемике: словообразование занимается изучением морфем, используемых для образования новых слов и являющихся носителями определенного словообразовательного значения; морфология изучает функционирование и значение морфем, участвующих в образовании грамматических форм (словоформ). В морфемике же морфемы изучаются «в их отношении друг к другу и к слову в целом (в формальном и семантическом аспектах)» [4, с. 13–14].

Изучение морфемной структуры слова имеет важное значение как для дериватологии, так и для языкознания в целом: оно позволяет определить закономерности слово- и формообразования, особенности грамматического строя языка, проследить лексико-семантические отношения между словами. Учитывая тот факт, что в современной лингвистике одним из приоритетных направлений является сопоставительное изучение двух и более языков с целью установления сходств и различий в их системах, исследование близкородственных русского и белорусского языков на морфемном уровне в сопоставительном плане сегодня является назревшей необходимостью. Оно позволит показать количественное и качественное отличие их словарных составов, наглядно увидеть на примере морфемных структур (МС) коррелятивных лексических единиц реальную степень лексемного совпадения и несовпадения близкородственных языков, а также даст возможность выявить их национальную специфику в плане морфемного членения.

Следует отметить, что системное изучение близкородственных языков на морфемном уровне побуждает использовать выделяемый в рамках сопоставительного метода *контрастивный анализ*², сущность которого заключается в параллельном синхронном сопоставлении языковых систем на одних и тех же участках с целью выявления на фоне установленного сходства наиболее существенных структурных, семантических и функциональных межъязыковых расхождений (контрастов). Данный исследовательский подход приобретает особую значимость, если объектом описания выступают явления двух близкородственных языков, в частности, русского и белорусского, где подобия и сходства образуют безусловную основу сопоставления, а различия проявляются не так отчетливо. Общие процессы в формировании русского и белорусского языков, совпадение многих участков их систем не исключают наличия свойственных каждому языку специфических черт, что обусловлено историческими причинами, особенностями внутренней языковой структуры, активным взаимодействием с другими языками на разных этапах развития.

¹ Справедливости ради отметим, что в современной лингвистике имеется незначительное количество работ, посвященных сопоставительному исследованию морфемики, причем на материале неродственных языков, напр.: Ишкильдина З. К. Сопоставительная морфемика русского и башкирского языков (Уфа, 2011), Сусеева Д. А. Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков: морфемика и словообразование (Элиста, 2013), Жаналина Л. Сопоставительное словообразование русского и казахского языков (Алматы, 1998) (в последней впервые сопоставительное словообразование русского и казахского языков представлено с разграничением двух разделов – морфемики и словообразования) и др.

² Термины *контрастивный* и *сопоставительный* в современной научной парадигме нередко употребляются как синонимы. В лингвистической литературе встречаются различные точки зрения относительно целесообразности терминологического разграничения контрастивной и сопоставительной лингвистики. Например, В. Н. Ярцева употребляет термины «контрастивная лингвистика» и «сопоставительная лингвистика» как синонимы, однако отдает предпочтение первому термину, считая, что он «наиболее традиционный и вместе с тем подчеркивающий то обстоятельство, что при сопоставлении исследуемых языков обращается особое внимание на их несходные, контрастные черты» [5, с. 3]. Иного мнения придерживается В. М. Мокиенко, который считает подобное разграничение весьма существенным, «ибо первый термин подчеркивает направленность прежде всего на дифференциальные особенности сопоставляемых языков, а второй – на сам процесс сопоставления, для которого важны как межъязыковые различия, так и сходства» [6, с. 55]. На важность разграничения данных терминов указывает также в своих работах И. А. Стернин. На его взгляд, «терминологическое выделение контрастивной лингвистики в современном языкознании необходимо, поскольку контрастивная лингвистика имеет свою особую цель изучения языков – выявление различий, свой метод изучения языка» [1, с. 23].

Исследование подобного типа будет содействовать более глубокому пониманию путей развития словообразовательных систем русского и белорусского языков, особенностей их взаимодействия в условиях государственного двуязычия, способствовать определению тенденций развития системы национального языка в целом. В связи с этим проблема изучения морфемной структуры лексических единиц русского языка в сопоставлении с морфемной структурой коррелятивных лексических единиц белорусского языка на данном этапе развития отечественной языковедческой науки является актуальной.

Известно, что одной из традиционных форм реализации межъязыкового контрастивного изучения считается составление двуязычных словарей, по сути, основанных на принципе сравнения, где прежде всего на лексико-семантическом, а вместе с тем и на других языковых уровнях непосредственно решается задача установления полного или частичного соответствия межъязыковых коррелятов. Как отмечает известный лингвист-компаративист С. Г. Бережан, сопоставительное системное изучение лексики разных языков «несомненно дает возможность обнаруживать новые сходства и различия между языками и отразить специфику каждого из них в лексикографических трудах...» [3, с. 37]. Результаты системного исследования морфемной организации лексических единиц русского и белорусского языков могут быть также представлены лексикографически, в связи с чем возможно и вполне осуществимо создание двуязычного сопоставительного (не переводного!) словаря, основной единицей описания в котором выступит морфемная структура коррелятивных лексических номинаций данных близкородственных языков. В словаре такого типа на базе соответствующего фактического материала двух языков, предварительно проанализированного с применением контрастивного подхода, могут быть репрезентированы морфемные структуры русских и белорусских коррелятов, относящихся к таким частям речи, как имя прилагательное, имя существительное, глагол и наречие. Предполагается, что в словаре найдут отражение факты *полного и неполного соответствия* морфемных составов русских и белорусских эквивалентов с учетом фонетических характеристик каждого из исследуемых языков.

Под *полным соответствием* морфемных составов понимается совпадение в коррелятах как корневых, так и аффиксальных морфем при совпадении их принципов членения, напр.¹:

у прилагательных: *баз/ов/ый* – *баз/ав/ы*, *банк/ов/ск/ий* – *банк/аў/ск/і*, *герой/ск/ий* – *герой/ск/і*, *дик/ий* – *дзік/і*, *не/мил/ый* – *ня/міл/ы*, *не/мног/о/слов/н/ый* – *не/мнаг/а/слоў/н/ы*, *при/двор/н/ый* – *пры/двор/н/ы* и др.;

у существительных: *балерин/а* – *балерын/а*, *курс/ант/* – *курс/ант/*, *овч/ар/к/а* – *аўч/ар/к/а*, *пере/клич/к/а* – *пера/кліч/к/а*, *под/осин/ов/ик/* – *пад/асін/ав/ік/*, *по/жн/я* – *по/жн/я*, *у/говор/щик/* – *у/гавор/шчык/* и др.;

у глаголов: *бурл/и/ть* – *бурлі/ць*, *греть* – *грэ/ць*, *в/би/ть* – *у/бі/ць*, *пере/за/лож/и/ть* – *пера/за/лаж/ы/ць*, *при/за/дум/а/ть/ся* – *пры/за/дум/а/ц/ца*, *субсид/ир/ова/ть* – *субсідзі/р/ава/ць*, *у/венч/а/ть* – *у/вянч/а/ць* и др.;

у наречий: *в/дв/ой/н/е* – *у/дв/ай/н/е*, *в/лев/о* – *у/лев/а*, *жёлт/о* – *жоўт/а*, *мал/оват/о* – *мал/ават/а*, *на/чист/о* – *на/чыст/а*, *не/на/долг/о* – *не/на/доўг/а*, *с/верх/у* – *з/верх/у* и др.

Наличие в морфемной структуре коррелятивных межъязыковых лексических единиц общих черт (к которым относится, например, полное совпадение их морфемных составов) обусловлено генетической и типологической близостью русского и белорусского языков. Имеющиеся определенные отличия свидетельствуют о национальной специфике каждого из сопоставляемых близкородственных языков. В связи с этим в данном словаре будут представлены и самые *разные типы межъязыковых различий* в морфемных структурах русских и белорусских лексических коррелятов названных грамматических разрядов с учетом регулярных и нерегулярных чередований фонем в морфемах, в частности:

✓ несовпадение префиксальных морфем, выражающих, однако, одно и то же значение, при общности корневых и суффиксальных морфем, напр.:

¹ Фактический материал взят из следующих лексикографических источников: «Русско-белорусского словаря» в 3 томах (Минск, 2012) и «Беларуска-рускага слоўніка» в 3 томах (Мінск, 2012). В процессе анализа были также использованы «Морфемно-орфографический словарь» А. Н. Тихонова (М., 2007) и «Марфемны слоўнік беларускай мовы» А. М. Бордовича, Л. М. Шакуна (Мінск, 1989).

у прылагательных: *без/выгод/н/ый* – *ня/выгад/н/ы*, *без/рад/ост/н/ый* – *ня/рад/ас/н/ы* [*ня+рад+аст+н+ы*], *вне/школь/н/ый* – *паза/школь/н/ы*, *на/бор/н/ый* – *збор/н/ы*, *не/вин/н/ый* – *бяз/він/н/ы*;

у існуючых: *ис/пар/ени/е* – *вы/пар/энн/е*, *ис/правл/ени/е* – *вы/праўл/енн/е*, *на/бир/а/ни/е* – *з/бір/а/нн/е*, *у/ниж/ени/е* – *пры/ніж/энн/е*, *чрез/мер/н/ость/* – *праз/мер/н/асць/*;

у глаголах: *воз/люб/и/ть* – *па/люб/і/ць*, *вы/зелен/и/ть* – *па/зелян/і/ць*, *ис/сох/ну/ть* – *вы/сах/ну/ць*, *ис/полз/а/ть* – *вы/паўз/а/ць*, *об/венч/а/ть* – *па/вянч/а/ць* і *з/вянч/а/ць*, *о/зьяб/ну/ць* – *па/зьяб/ну/ць*, *о/тверд/е/ть* – *за/цвярдз/е/ць*, *с/моч/и/ть* – *на/мач/ы/ць*, *у/гнет/а/ть* – *пры/гнят/а/ць*, *у/плат/и/ть* – *за/плац/і/ць*;

у наречій: *без/вы/лаз/н/о* – *не/вы/лаз/н/а*, *без/рад/ост/н/о* – *ня/рад/ас/н/а* [*ня+рад+аст+н+а*], *в/правд/у* – *на/праўд/у*, *за/нов/о* – *на/нав/а* і *на/нов/а*, *на/бож/н/о* – *па/бож/н/а*, *не/вин/н/о* – *бяз/він/н/а*, *с/раз/у* – *ад/раз/у*;

✓ несавпадение корневых морфем при общности суффиксальных морфем, напр.:

у прылагательных: *волн/ист/ый* – *хвал/іст/ы*, *гряз/н/оват/ый* – *бруд/н/ават/ы*, *конфет/н/ый* – *цукерач/н/ы*, *мышеч/н/ый* – *мускуль/н/ы*, *надоед/лив/ый* – *дакуч/лів/ы*, *ниж/н/ий* – *спод/н/і*, *очерк/ов/ый* – *нарыс/ав/ы*, *фляж/н/ый* – *біклаж/н/ы*;

у існуючых: *брос/ок/* – *кід/ок/*, *брюзж/а/ни/е* – *бурч/а/нн/е*, *вал/я/ни/е* – *кач/а/нн/е*, *воспит/а/тель/* – *выхав/а/цель/*, *жидк/ость/* – *вадк/асць/*, *картофел/ин/а* – *бульб/ін/а*, *крест/ьян/ин/* – *сел/ьян/ін/*, *низ/а/ль/щик/* – *лыг/а/ль/щчык/*, *фонар/щик/* – *ліхтар/щчык/*, *царап/ин/а* – *драп/ін/а*;

у глаголах: *бол/е/ть* – *хвар/э/ць*, *бред/и/ть* – *трызн/і/ць*, *брод/и/ть I* – *хадз/і/ць*, *брюзж/а/ть* – *бурч/а/ць*, *вал/я/ть* – *кач/а/ць*, *мрач/н/е/ть* – *хмур/н/е/ць*, *наде/я/ть/ся* – *спадзяв/а/ц/ца*, *надоед/а/ть* – *дакуч/а/ць*, *печал/и/ть/ся* – *маркоц/і/ц/ца*, *соблазн/я/ть* – *спакуш/а/ць*;

у наречій: *брос/к/ом* – *кід/к/ом*, *быстр/еньк/о* – *хуц/еньк/а*, *гряз/н/о* – *бруд/н/а*, *искренн/о* – *шчыр/а*, *скромн/о* – *ціпл/а*, *тай/ком* – *ціш/ком*;

✓ несавпадение корневых морфем при общности префиксальных и суффиксальных морфем, напр.:

у прылагательных: *бес/смет/н/ый* – *бес/каштарыс/н/ы*, *над/звёзд/н/ый* – *над/зор/н/ы*, *на/кож/н/ый* – *на/скур/н/ы*, *над/облач/н/ый* – *над/хмар/н/ы*, *не/без/вред/н/ый* – *не/бяс/шкод/н/ы*, *не/вкус/н/ый* – *ня/смач/н/ы*, *не/до/зре/л/ый* – *не/да/сне/л/ы*, *не/зре/л/ый* – *ня/сне/л/ы*;

у існуючых: *бес/стыд/н/ик/* – *бес/саром/н/ік/*, *бес/цвет/н/ость/* – *бяс/колер/н/асць/*, *над/руб/а/ни/е* – *над/сяк/а/нн/е*, *не/верн/ость/* – *не/правільн/асць/*, *не/до/дел/к/а* – *не/да/роб/к/а*, *не/до/держ/к/а* – *не/да/трым/к/а*, *об/вёрт/к/а* – *аб/горт/к/а*;

у глаголах: *за/красн/е/ть* – *за/чырван/е/ць*, *за/тро/ну/ть* – *за/кра/ну/ць*, *на/вред/и/ть* – *на/шкодз/і/ць*, *на/дёрг/а/ть* – *на/рв/а/ць* і *на/др/а/ць*, *надорв/а/ть* – *нада/др/а/ць*, *на/клон/я/ть* – *на/хіл/я/ць*, *на/копт/и/ть* – *на/вэндз/і/ць*, *на/щёлк/а/ть* – *на/луск/а/ць*, *не/до/зре/ва/ть* – *не/да/спя/ва/ць*, *по/ал/е/ть* – *па/пунсав/е/ць*;

у наречій: *без/услов/н/о* – *без/умоў/н/а*, *бес/полез/н/о* – *бес/карыс/н/а*, *бес/стыд/н/о* – *бес/саром/н/а*, *на/крепк/о* – *на/глух/а*, *не/верн/о* – *не/дакладн/а*, *не/вероятн/о* – *не/ймаверн/а*, *не/вред/н/о* – *ня/шкод/н/а*, *не/вкус/н/о* – *ня/смач/н/а*, *не/гад/а/нн/о* – *не/чак/а/н/а*;

✓ несавпадение суффиксальных морфем (нередко и их количественного состава) при общности корневых морфем, напр.:

у прылагательных: *бочеч/н/ый* – *бочк/ав/ы*, *вахт/енн/ый* – *вахт/ав/ы*, *нерв/н/ый* – *нерв/ов/ы*, *нерв/озн/ый* – *нерв/ов/ы*, *смерд/ящ/ий* – *смярдз/ющ/ы*, *снеточ/н/ый* – *снятк/ов/ы*, *солод/овен/н/ый* – *солад/ав/ы*; *солом/енн/ый* – *салам/ян/ы*, *фирм/енн/ый* – *фірм/ав/ы*; *фолиант/ов/ый* – *фаліянт/н/ы*, *форел/ев/ый* – *фарэль/н/ы*;

у існуючых: *бород/ушк/а* – *барод/ачк/а*, *мыш/онок/* – *мыш/ан/я*, *нов/ость/* – *нав/ін/а*, *ныр/ок/* – *ныр/эц/*, *пис/а/тель/* – *пісьм/енн/ік/*, *представ/и/тель/* – *прадстаў/нік/*, *се/я/тель/* – *сей/біт/*, *слов/арь/* – *слоўн/ік/*, *собач/ник/* – *сабак/ар/*, *собач/ница/* – *сабак/ар/к/а*, *тёт/ушк/а* – *цёт/ач/к/а*, *чит/а/тель/* – *чыт/ач/*;

у глаголах: *борон/и/ть* – *баран/ава/ць*, *дей/ств/ова/ть* – *дзеі/н/іча/ць*, *зл/и/ть* – *зл/ава/ць*, *мудр/и/ть* – *мудр/ава/ць*, *мудр/ств/ова/ть* – *мудр/агел/і/ць*, *муж/а/ть* – *муж/н/е/ць*, *секретар/ств/ова/ть* – *сакратар/ы/ць*, *хвор/а/ть* – *хвар/э/ць*, *холод/а/ть* – *халад/н/е/ць*, *хулиган/ств/ова/ть* – *хуліган/і/ць*;

у наречий: *стойч/еск/и* – *стаіч/н/а*, *стой/мя* – *ста/як/ом*, *тиран/ическ/и* – *тыран/ічн/а*, *факт/ическ/и* – *факт/ычн/а*, *хим/ическ/и* – *хім/ічн/а*, *часть/ю* – *частк/ов/а*;

✓ несовпадение одной из суффиксальных морфем (а в некоторых случаях и их количественного состава) при общности корневых и префиксальных морфем, напр.:

у прилагательных: *на/бол/е/ви/ий* – *на/бал/е/л/ы*, *не/забы/ва/ем/ый* – *не/забы/ўн/ы*, *не/про/мо/к/а/ем/ый* – *не/пра/мак/а/льн/ы*, *об/тек/а/ем/ый* – *аб/цяк/а/льн/ы*, *одич/а/л/ый* – *адзіч/э/л/ы*, *со/про/вожд/а/ющ/ий* – *су/пра/вадж/а/льн/ы*, *у/цел/е/ви/ий* – *у/цал/е/л/ы*;

у существительных: *над/рез/ыва/ни/е* – *над/раз/а/нн/е*, *не/с/говор/чив/ость/* – *не/з/говор/лів/асць/*, *не/такт/ичн/ость/* – *не/такт/оўн/асць/*, *не/у/лов/им/ость/* – *ня/ў/лоўн/асць/*, *не/у/мол/им/ость/* – *ня/ў/мольн/асць/*, *не/у/теи/н/ость/* – *ня/ў/цеи/лів/асць/*, *с/палз/ыва/ни/е* – *с/паўз/а/нн/е*, *у/кры/ва/тель/* – *у/кры/ва/льнік/*;

у глаголов: *с/палз/ыва/ть* – *с/паўз/а/ць*, *с/пар/и/ть* – *с/пар/ава/ць*, *с/пар/ова/ть* – *с/пар/ы/ць*, *с/пих/ива/ть* – *с/пих/а/ць*, *у/порядоч/ива/ть* – *у/парадк/оў/ва/ць*;

у наречий: *мета/физ/ич/еск/и* – *мета/фіз/ічн/а*, *не/бес/корыстн/о* – *не/бес/карыс/лів/а*, *не/до/вер/чив/о* – *не/давер/лів/а*, *не/с/терп/им/о* – *ня/с/церпн/а*, *не/такт/ичн/о* – *не/такт/оўн/а*, *не/у/лов/им/о* – *ня/ў/лоўн/а*, *не/у/мол/им/о* – *ня/ў/мольн/а*, *по/-европ/ей/ск/и* – *па/-еўрап/ей/ск/у*, *по/-рыцар/ск/и* – *па/-рыцар/ск/у*;

✓ несовпадение суффиксальных морфем (а в некоторых случаях и их количественного состава) при общности корневых и префиксальных морфем, напр.:

у прилагательных: *анти/на/учн/ый* – *анты/на/вук/ов/ы*, *бес/принципн/ый* – *бес/прынцып/ов/ы*, *не/бес/корыстн/ый* – *не/бес/карыс/лів/ы*, *не/вин/овн/ый* – *не/він/ават/ы*, *не/доказ/а/тельн/ый* – *ня/доказн/ы*, *не/с/говор/чив/ый* – *не/з/говор/лів/ы*, *не/такт/ичн/ый* – *не/такт/оўн/ы*, *по/жи/зн/енн/ый* – *па/жы/цц/ёв/ы*, *со/жмур/енн/ый* – *са/жмур/ан/ы*, *со/пре/ви/ий* – *са/прэ/л/ы*;

у существительных: *вы/кид/к/а* – *вы/кід/а/нн/е* и *вы/кід/ва/нн/е*, *до/куп/к/а* – *да/купл/іва/нн/е*, *за/клад/к/а* – *за/клад/ва/нн/е*, *за/тир/к/а* – *за/цір/а/нн/е*, *об/вар/к/а* – *аб/вар/ва/нн/е*, *об/вяз/к/а* – *аб/вяз/ва/нн/е*, *об/маз/к/а* – *аб/маз/ва/нн/е*, *под/ли/в/к/а* – *пад/лі/ва/нн/е*, *у/сад/к/а* – *у/садж/ва/нн/е*, *у/тепл/и/тель/* – *у/цяпл/я/льн/ік/*;

у глаголов: *за/резерв/ир/ова/ть* – *за/рэзерв/ава/ць*, *мяу/ч/и/ть* – *мяў/ка/ць*, *на/вакс/и/ть* – *на/вакс/ава/ць*, *над/рез/ыва/ть* – *над/раз/а/ць*, *на/мер/я/ть* – *на/мер/ва/ць*, *об/ветр/е/ть* – *аб/ветр/а/ць*, *с/равн/я/ть* – *з/раўн/ава/ць*, *у/вал/я/ть* – *у/вал/і/ць*;

у наречий: *в/низ/у* – *у/ніз/е*, *на/верх/у* – *на/верс/е*, *на/сып/ю* – *на/сып/ам*, *на/чист/о* – *на/чыст/ую*, *на/чист/от/у* – *на/чыст/ую*, *на/чист/ую* – *на/чыст/а*;

✓ несовпадение корневых и префиксальных морфем при общности суффиксальных морфем, напр.:

у прилагательных: *без/вкусн/ый* – *ня/смачн/ы*, *без/вредн/ый* – *ня/шкодн/ы*, *за/жир/е/л/ый* – *рас/тлуцц/е/л/ы*, *не/винн/ый* – *бяс/крыўдн/ы*, *не/вредн/ый* – *бяс/шкодн/ы*, *не/пут/ёв/ый* – *бес/талк/ов/ы*, *у/кач/а/нн/ый* – *за/калых/а/н/ы*, *у/прят/а/нн/ый* – *с/хав/а/н/ы* и *за/хав/а/н/ы*, *у/совещ/енн/ый* – *за/саромл/ен/ы*, *на/пуг/а/нн/ый* – *пера/палох/а/н/ы*;

у существительных: *без/вредн/ость/* – *ня/шкодн/асць/*, *не/винн/ость/* – *бяс/крыўдн/асць/*, *низ/лож/ени/е* – *з/вяржэ/энн/е*, *с/руб/а/ни/е* – *вы/сяк/а/нн/е*, *с/числ/ени/е* – *вы/ліч/энн/е*, *со/зре/ва/ни/е* – *па/спя/ва/нн/е* и *вы/спя/ва/нн/е*, *у/бавл/ени/е* – *па/мяши/энн/е*, *у/беж/ицц/е* – *с/хов/ішч/а*, *у/быстр/ени/е* – *па/скар/энн/е*, *у/клон/ени/е* – *ад/хіл/енн/е*;

у глаголов: *бес/чест/и/ть* – *ня/слав/і/ць*, *надо/ум/и/ть* – *на/ра/і/ць*, *на/копл/я/ть* – *з/бір/а/ць*, *на/меч/а/ть* – *па/знач/а/ць*, *об/вар/и/ть* – *за/пар/ы/ць*, *о/забот/и/ть* – *за/клапацц/і/ць*, *подо/зв/а/ть* – *па/клік/а/ць*, *с/ник/а/ть* – *пры/ціх/а/ць*, *со/зре/ва/ть* – *па/спя/ва/ць* и *вы/спя/ва/ць*, *с/остр/и/ть* – *па/кп/і/ць*, *с/руб/а/ть* – *вы/сяк/а/ць*, *у/бавл/и/ть* – *па/карацц/і/ць*, *у/един/и/ть* – *ад/асоб/і/ць*;

у наречий: *без/вредн/о* – *ня/шкодн/а*, *без/удержн/о* – *ня/с/трымн/а*, *без/вкусн/о* – *ня/смачн/а*, *не/вредн/о* – *бяс/шкодн/а*, *не/лицеприятн/о* – *бес/старонн/а*, *не/хорош/о* – *па/ган/а*, *с/носн/о* – *ня/дрэнн/а*;

✓ несовпадение корневых и суффиксальных морфем (не всегда с одинаковым количественным составом последних) при общности префиксальных морфем, напр.:

у прылагательных: *на/брош/енн/ый* – *на/кі/нут/ы*, *на/вяз/чыв/ый* – *на/дакуч/лів/ы*, *над/поч-в/енн/ый* – *над/глеб/ав/ы*, *над/строч/н/ый* – *над/рад/к/ов/ы*, *на/совет/ова/нн/ый* – *на/ра/е/н/ы*, *не/без/результат/н/ый* – *не/без/вынік/ов/ы*, *не/зр/им/ый* – *ня/бач/н/ы*, *не/извест/н/ый* – *не/вяд/ом/ы*, *у/вор/ова/нн/ый* – *у/крадз/ен/ы*, *не/прост/и/тельн/ый* – *не/дар/ава/льн/ы*;

у іменніках: *над/кож/иц/а* – *над/скур/к/а*, *над/строй/к/а* – *над/буд/ов/а*, *не/хват/к/а* – *ня/ста/ч/а*, *с/руб/к/а* – *с/сяк/а/нн/е*, *с/точ/к/а* – *з/рэз/ва/нн/е* і *з/раз/а/нн/е*, *у/бир/а/ни/е* – *у/мяшч/энн/е*;

у глаголах: *в/брас/ыва/ть* – *у/кід/а/ць*, *в/верт/е/ть* – *у/круц/і/ць*, *до/верт/е/ть* – *да/круц/і/ць*, *за/счит/а/ть* – *за/ліч/ы/ць*, *на/дел/а/ть* – *на/раб/і/ць*, *на/лг/а/ть* – *на/хлус/і/ць*, *не/до/работ/а/ть* – *не/да/прац/ава/ць*, *об/верт/е/ть* – *аб/круц/і/ць*, *по/благодар/и/ть* – *па/дзяк/ава/ць*, *под/брос/и/ть* – *пад/кі/ну/ць*, *у/вид/е/ть/ся* – *у/бач/ы/ц/ца*;

у нареччых: *в/верх/у* – *у/гар/ы*, *в/нутр/и* – *у/сярэдз/ін/е*, *в/порожн/е* – *у/лег/цы*, *на/ряд/у* – *на/раўн/е* і *на/роўн/і*, *на/храп/ом* – *на/хаб/на*, *не/вежлив/о* – *не/далікат/на*, *не/гож/е* – *ня/добра*, *с/прост/а* – *з/дур/у*;

✓ несавпадение префиксальных и суффиксальных морфем (а в некоторых случаях и количественного состава последних) при общности корневых морфем, напр.:

у прылагательных: *без/зл/об/н/ый* – *не/зл/ас/лів/ы*, *бес/такт/н/ый* – *не/такт/оўн/ы* і *не/так-т/ычн/ы*, *в/пярэж/ённ/ый* – *за/прэж/ан/ы*, *ис/суш/енн/ый* – *вы/суш/ан/ы*, *ис/черп/ыва/ющ/ий* – *вы/чарп/а/льн/ы*, *не/вин/овн/ый* – *бяз/він/н/ы*, *над/леж/ащ/ий* – *на/леж/н/ы*, *об/вык/ш/ий* – *пры/вык/л/ы*, *у/говор/чив/ый* – *з/гавор/лів/ы*, *у/туш/енн/ый* – *па/туш/ан/ы*;

у іменніках: *воз/дей/ств/и/е* – *уз/дзе/я/нн/е*, *вс/кры/ти/е* – *рас/кры/ва/нн/е*, *вс/тряс/к/а* – *пад/трэс/ва/нн/е*, *вы/правл/ени/е* – *на/праў/к/а*, *вы/точ/к/а* – *на/точ/ва/нн/е*, *за/кус/к/а* – *пера/кус/ва/нн/е*, *ис/теч/ени/е* – *вы/цяк/а/нн/е*, *о/зл/обл/ени/е* – *у/зл/ава/нн/е* і *раз/зл/ава/нн/е*, *у/точ/к/а* – *с/точ/ва/нн/е*;

у глаголах: *вз/дрем/ну/ть* – *за/драм/а/ць*, *воз/дей/ств/ова/ть* – *уз/дзей/н/іча/ць*, *вс/плак/ну/ть* – *за/плак/а/ць*, *над/леж/а/ть* – *на/леж/ы/ць*, *о/зл/об/и/ть* – *у/зл/ава/ць* і *раз/зл/ава/ць*, *у/бел/я/ть* – *вы/бель/ва/ць*, *у/вер/ова/ть* – *па/вер/ы/ць*, *у/тык/а/ть* – *аба/тк/ну/ць*;

у нареччых: *в/близ/и* – *па/бліз/у*, *в/вол/ю* – *да/вол/і*, *в/тай/н/е* – *по/тай/к/ам*, *в/черн/е* – *на/чарн/а*, *в/чист/ую* – *на/чыст/а*, *на/зад/и* – *з/зад/у*, *на/рук/у* – *з/рук/і*;

✓ несавпадение корневых и одной из суффиксальных морфем (не всегда с одинаковым количественным составом последних) при общности префиксальных морфем, напр.:

у прылагательных: *вы/работ/а/нн/ый* – *вы/прац/ава/н/ы*, *за/плесн/ев/е/л/ый* – *за/бросн/е/л/ы*, *над/лич/н/ост/н/ый* – *над/асоб/ас/н/ы*, *на/стряп/а/нн/ый* – *на/майстр/ава/н/ы*, *на/усь/ка/нн/ый* – *на/цкав/а/н/ы*, *не/до/работ/а/нн/ый* – *не/да/прац/ава/н/ы*, *обла/я/нн/ый* – *аб/гаў/ка/н/ы*, *об/осно-в/а/нн/ый* – *аб/грунт/ава/н/ы*;

у іменніках: *на/стораж/ива/ни/е* – *на/стаўл/я/нн/е*, *не/грамот/н/ость/* – *не/пісьм/енн/асць/*, *не/движ/им/ость/* – *не/рух/ом/асць/*, *не/до/работ/к/а* – *не/да/прац/оў/к/а*, *не/завис/им/ость/* – *не/залеж/н/асць/*, *не/избеж/н/ость/* – *не/мін/уч/асць/*, *не/извест/н/ость/* – *не/вяд/ом/асць/*, *не/естеств/енн/ость/* – *не/натур/альн/асць/*, *не/побед/им/ость/* – *не/перамож/н/асць/*;

у глаголах: *за/извест/к/ова/ть* – *за/вапн/ава/ць*, *за/интерес/ов/ыва/ть* – *за/цікаўл/іва/ць*, *на/гряз/н/и/ть* – *на/брудз/і/ць*, *на/дебош/ир/и/ть* – *на/буян/і/ць*, *об/обш/еств/и/ть* – *аб/агул/і/ць*, *об/слон/яв/и/ть* – *аб/слін/і/ць*, *от/праздн/ова/ть* – *ад/свят/к/ава/ць*, *побед/ств/ова/ть* – *па/гар/ава/ць*, *под/да/к/ну/ть* – *пад/так/ну/ць*, *раз/мельч/а/ть* – *раз/драб/н/я/ць*;

у нареччых: *на/вяз/чиво* – *на/дакуч/лів/а*, *не/грамот/но* – *не/пісьм/енн/а*, *не/движ/но* – *не/рух/ом/а*, *не/зр/им/о* – *ня/бач/на*, *не/избеж/но* – *не/мін/уч/а*, *не/без/основ/а/тельн/о* – *не/бес/падстаўн/а*, *не/без/результат/н/о* – *не/без/вынік/ов/а*, *не/тороп/лив/о* – *ня/спешн/а*.

Поскольку исходной единицей Словаря выступает русская, планируется составление индекса белорусских лексем, размещенных в алфавитном порядке с указанием страниц Словаря, на которых они будут представлены. Это позволит пользователю получить уточненную информацию о морфемной структуре белорусских эквивалентов.

Как представляется, словарь именно такого типа даст возможность оценить уже представленный в имеющихся морфемных словарях обоих языков материал и раскрыть еще не реали-

зованные возможности систем, установить те или иные приоритеты в реализации их потенциалов.

Заключение. Таким образом, необходимо проведение системного контрастивного исследования морфемной организации эквивалентных лексических единиц русского и белорусского языков, которое даст возможность установить сходства и различия двух близкородственных языков на морфемном уровне, что значительно пополнит наши знания об устройстве национального языка и языка в целом. Создание же словаря, основной единицей описания в котором выступит морфемная структура коррелятивных лексических номинаций данных близкородственных языков, позволит последовательно репрезентировать морфемные структуры русских и белорусских коррелятов, относящихся к знаменательным частям речи; даст возможность показать полное соответствие морфемных составов русских и белорусских коррелятов и продемонстрировать разные типы межъязыковых различий в их структурах на фоне имеющих совпадений, что будет способствовать лучшему усвоению языка титульной нации.

Список использованных источников

1. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 288 с.
2. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике: [переводы]. – М., 1989. – Вып. 25: Контрастивная лингвистика. – С. 5–17.
3. Бережан, С. Г. Сопоставительное изучение микросистем лексики и обоснование системного характера переводных словарей / С. Г. Бережан // Методы сопоставительного изучения языков: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1988. – С. 32–37.
4. Мусатов, В. Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование: учеб. пособие / В. Н. Мусатов. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 357 с.
5. Ярцева, В. Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 111 с.
6. Мокиенко, В. М. Сопоставление в теории и практике преподавания русского языка как иностранного / В. М. Мокиенко // Рус. яз. за рубежом. – 1987. – № 5. – С. 54–60.

References

1. Sternin I. A. *Contrastive linguistics: problems of theory and research methods*. Moscow, East-West Publ., 2007. 288 p. (in Russian).
2. Gak V. G. On contrastive linguistics. *New in foreign linguistics. Iss. 25. Contrastive linguistics*. Moscow, 1989, pp. 5–17 (in Russian).
3. Berezhan S. G. Comparative study of lexicon microsystems and justification of the systemic nature of translation dictionaries. *Metody sopostavitel'nogo izucheniya yazykov: sbornik statei* [Methods of comparative study of languages: collection of articles]. Moscow, 1988, pp. 32–37 (in Russian).
4. Musatov V. N. *Russian language: morphemics, morphology, word formation*. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 357 p. (in Russian).
5. Yartseva V. N. *Contrastive grammar*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 111 p. (in Russian).
6. Mokienko V. M. Comparison in the theory and practice of teaching Russian as a foreign language. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 1987, no. 5, pp. 54–60 (in Russian).

Информация об авторе

Елынцова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом белорусско-русских языковых связей. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: i.elyntseva@gmail.com

Information about the author

Irina U. Yalyntsava – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Belarusian-Russian language relations. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: i.elyntseva@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 070:654.197(476)(091)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-299-308>

Паступіў у рэдакцыю 12.02.2024
Received 12.02.2024

А. І. Марозава

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

ЭВАЛЮЦЫЯ МЕНТАЛЬНАЙ МАДЭЛІ «РАДЗІМА»
Ў ПЕРАДАЧАХ БЕЛАРУСКАГА ТЭЛЕБАЧАННЯ 1956 – СЯРЭДЗІНЫ 1990-х гг.:
АКТУАЛІЗАЦЫЯ ПРАГМАТЫЧНАГА КАМПАНАЕНТА

Анотацыя. Исследован важны для самоидентификации и социализации языковой личности когнитивный конструкт «родина». Выполнен дискурс-анализ микрофонных папок и видеозаписей передач белорусского телевидения с 1956 по 1995 г. Для реконструкции экстралингвистического контекста проведены неструктурированные и глубинные интервью с создателями передач. Показан процесс семантического и синтаксического конструирования когнитивной метафоры «Советский союз (цель) – это Родина (источник)». Установлено изменение сем «семья» и «земля» области источника при их проектировании на область цели.

Сделан вывод о том, что понятие «родина» эксплицирует прагматический компонент, связанный с интроспекцией имманентного взаимодействия языковой личности с природным окружением и критическим осмыслением опыта. Выявлена эволюция синтаксических макроструктур дискурса от образа глобального народа до географического места как исторического ориентира. Определено ослабление коммуникативной роли эпизодов узнавания, презентации советских специалистов и общественных деятелей как всемирно известных, советских песен, увеличение частотности использования ретроспективных сцен, кинохроники, интервью в прямом эфире. Показано вытеснение лейтмотива земного шара в дискурсе образом дома и связанными с ним культуроспецифичными образами Древа Вечности и человека-аиста.

Ключевые слова: дискурс-анализ, когнитивная метафора, ментальная модель, языковая личность, семантика, синтактика, прагматический компонент, история белорусского телевидения

Для цитирования: Марозава, А. І. Эвалюцыя ментальнай мадэлі «радзіма» ў перадачах беларускага тэлебачання 1956 – сярэдзіны 1990-х гг.: актуалізацыя прагматычнага кампанента / А. І. Марозава // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 299–308. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-299-308>

Alena I. Marozawa

Belarusian State University, Minsk, Belarus

EVOLUTION OF THE MENTAL MODEL OF “HOMELAND”
IN BELARUSIAN TELEVISION PROGRAMS 1956 – MID. 1990s: PRAGMATIC COMPONENT

Abstract. The cognitive construct “homeland”, which is important for self-identification and socialization of a linguistic personality, has been studied. A discourse analysis of microphone folders and video recordings of Belarusian television programs from 1956 to 1995 was conducted. To reconstruct the extralinguistic context, unstructured and in-depth interviews were conducted with the creators of the programs. The process of semantic and syntactic construction of the cognitive metaphor “The Soviet Union (goal) is the Homeland (source)” is shown. A change has been established in the terms “family” and “land” of the source area when they are projected onto the target area.

It is concluded that the concept of “homeland” explicates a pragmatic component associated with introspection of the immanent interaction of a linguistic personality with the natural environment and critical understanding of experience. The evolution of syntactic macrostructures of discourse from the image of a global nation to a geographical place as a historical landmark is revealed. The weakening of the communicative role of recognition episodes, the presentation of Soviet specialists and public figures as world-famous Soviet songs, the increase in the frequency of using retrospective scenes, newsreels, and live interviews have been determined. The displacement of the leitmotif of the Globe in the discourse by the image of the house and the associated culture-specific images of the Tree of Eternity and the Stork Man is shown.

Keywords: discourse analysis, cognitive metaphor, mental model, linguistic personality, semantics, syntactics, pragmatic component, history of Belarusian television

For citation: Marozawa A. I. Evolution of the mental model of “homeland” in belarusian television programs 1956 – mid. 1990s: pragmatic component. *Vesti Natsyonal'noi akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 299–308 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-299-308>

Уводзіны. Ментальная мадэль «радзіма» як спосаб асэнсавання рэчаіснасці мае важнае значэнне для самаідэнтыфікацыі і сацыялізацыі маўленчай асобы. Нематэрыяльны кагнітыўны канструкт у камунікацыі выяўляецца ў сістэме структураваных акустычных (тэкст для ўнутранага ці публічнага прагаворвання), аўдыяльных (музыка, шумы і г. д.), візуальных (малюнак, кадр, ракурс і г. д.) і іншых знакаў. Сцэнарыі і відэазапісы перадач захавалі працэс развіцця ментальнай мадэлі «радзіма» ў бадай што найбольш дакладнай і простаай для даследавання форме масавай маўленчай дзейнасці.

На грунтоўным гістарычным матэрыяле беларускага тэлебачання развіццё дадзенай кагнітыўнай мадэлі дагэтуль не было навукова асэнсавана, яе спецыфіка не выяўлена. Аднак склаўся грунтоўны тэарэтычны падмурак для такой працы. Стылістычныя прыёмы рэпрэзентацыі паняцця «радзіма» даследаваны тэарэтыкамі П. Рамазанавай, Я. Жырковай, А. Харытонавай, Т. Уладзіміравай на прыкладзе спадчыны вядомых пісьменнікаў, напрыклад, Р. Гамзатава, А. Блока, С. Даўлатава, М. Гогаля і г. д. Прафесар Цэнтра балтыйскіх і ўсходнеславянскіх даследаванняў Універсітэта Сёдэрторна (Швецыя) І. Сандамірская [1] прасочвае развіццё дадзенай ментальнай мадэлі ў публічным дыскурсе – савецкіх і расійскіх газетных артыкулах, прамовах палітыкаў, песнях і г. д. Да матэрыялу беларускіх медыя звяртаецца, у прыватнасці, дацэнт Белдзяржуніверсітэта С. Зелянко, які асэнсоўвае змястоўнае напаўненне вербальнага знака «малая радзіма» ў выпусках газет «Звязда», «Літаратура і мастацтва» (2018 г.) [2].

Дамінуючым метадам даследавання кагнітыўнах мадэляў з'яўляецца дыскурс-аналіз – мультыперспектыўны падыход, які прадугледжвае навуковае вывучэнне тэкстаў у лінгвістычным і экстралінгвістычным (у асноўным макрасацыялагічным і культуралагічным, мастацтвазнаўчым) кантэкстах. У 2003 г. В. Іўчанкаў у доктарскай дысертацыі і манаграфіі «Дыскурс беларускіх СМІ: арганізацыя публіцыстычнага тэксту» [3] абгрунтаваў вытокі дыскурс-аналізу ў айчынай лінгвістыцы, у прыватнасці, у работах М. Цікоцкага і Б. Стральцова, а таксама метадыку яго выкарыстання для выяўлення ментальных рэпрэзентацый у газетных артыкулах. Заснавальніцай *мастацтвазнаўчай* школы ў даследаванні беларускага тэлебачання варта лічыць В. Нячай, якая ў 1983 г., параўноўваючы тэлебачанне з кіно, радыё, тэатрам і г. д., вылучыла спецыфіку тэлевізійнага вобраза рэчаіснасці. У дадзенай парадыгме даследуюць дакументальнае, ігравое, анімацыйнае кіно М. Белавокая, Я. Голікава-Пошка, А. Шаройка, тэлевізійнае кіно і докудраму – Н. Сцяжко. Як адзін з відаў чалавечай дзейнасці, звяртаючы ўвагу ў асноўным на яго тэхніка-тэхналагічныя і арганізацыйныя чыннікі, разгледзела працэс развіцця тэлебачання Н. Фральцова ў доктарскай дысертацыі і манаграфіі «Типология творческой деятельности в аудиовизуальной коммуникации» [4]. Прапанаваны даследчыкам *макрасацыялагічны* падыход развівае, у прыватнасці, Л. Мельнікава. Практычнай адсутнасцю лінгвістычных даследаванняў сцэнарыяў перадач беларускага тэлебачання абумоўлена першачарговая ўвага ў дадзенай рабоце да тэкстаў мікрафонных папак.

Храналагічныя межы нашай работы супадаюць з перыядам інтэнсіўна ўзрастаючай папулярнасці тэлебачання ў Беларусі, г. зн. ахоплваюць часавы прамежак ад пробных эфіраў Мінскай студыі ў 1956 г. і да з'яўлення першай глабальнай сацыяльнай сеткі Classmates.com у 1995 г. Каб забяспечыць навуковую аб'ектыўнасць, мы разглядаем часавы адрэзак, у якім аўтар не мог быць удзельнікам дыскурсіўных практык і носбітам іх кагнітыўных мадэляў. У поле даследавання ўвайшлі 1604 сцэнарыі і відэазапісы перадач беларускага тэлебачання, а таксама дакументальных стужак творчага аб'яднання «Тэлефільм». Эмпірычны матэрыял быў прааналізаваны пры дапамозе стратэгіі, сярод якіх асноўныя наступныя: *замышчэнне*, г. зн. замена стылістычна афарбаванага варыянта стылістычна нейтральным, *перавелічэнне дэталі*, што прадугледжвае асаблівую ўвагу да індывідуальна-аўтарскіх прыёмаў і г. д. Стратэгія *поліфанічнасці* грунтуецца на ўяўленні аб тым, што ў кожнай гістарычнай кропцы ў медыятэксе перасякаюцца розныя дыскурсіўныя

логікі, спецыфічныя спосабы светаўспрымання і камунікацыі. Для іх рэканструкцыі ўжываюцца метады параўнальнага аналізу кантэнтна-Савецкага энцыклапедычнага слоўніка, фальклорных крыніц. Паколькі ўспаміны супрацоўнікаў беларускага тэлебачання дагэтуль практычна не дакументаваны, у рабоце ўжываюцца таксама *неструктураванае і напаяструктураванае інтэрв'ю*. Інтэрв'юер вызначае стартавыя тэмы, а далей інтэрв'юіруемы можа істотна ўплываць на размову, прапануючы свае тэмы і пытанні, што дазваляе выявіць дагэтуль не заўважаныя ў навуковай літаратуры аспекты прадмета даследавання. Таксама выкарыстоўваецца метада *глыбіннага інтэрв'ю*, які прадугледжвае вывучэнне папярэдняга прафесійнага вопыту і жыццёвага досведу інтэрв'юіруемага і адпаведную пастаноўку пытанняў, што дазваляе зразумець матывы маўленчага выбару. Рэспандэнтамі аўтара сталі супрацоўнікі беларускага савецкага тэлебачання, у тым ліку журналісты А. Супанеў, Я. Хрусталёў, А. Круглякоў, А. Эзерын, С. Тарасаў, І. Дзям'янава, Т. Ягорава, Т. Цімохіна, С. Зямцова, А. Верэніч, Н. Чайка, І. Александровіч, У. Душкевіч, рэжысёры Ю. Брэус, В. Чакулаева, І. Пінігін, Г. Самойлава, В. Гаравы, артыст В. Барышэнка, дыктар Э. Давыдоўская і інш.

Асноўная частка. Былі заўважаны змены ў рэальным дэйкісе выпускаў. Пачынаючы з першых эфіраў беларускага тэлебачання, прасочваецца высокая частотнасць выкарыстання займеннікаў першай асобы множнага ліку ў назвах перадач, напрыклад, тэлевізійнага клуба кінааматараў 1970-х гг.: «*Мы* і наша кінакамера», тэлеагляду міжнароднага жыцця 1980-х гг. «*Наш* каментарый», кінаарыса 1974 г. «*Наш* труд тебе – родина» і г. д. Аднак, пачынаючы з сярэдзіны 1970-х гг., займеннік першай асобы адзіночнага ліку акцэнтуюцца, напрыклад, у назвах тэлефільмаў «Город *моей* судьбы» (1974), «*Моя* Берэзавка» (1975), «*А мае* міране – добрыя людзі» (1992) і г. д. З канца 1980-х гг. аўтары ўсё часцей вядуць апавед ад першай асобы, прыгадваючы абставіны ўласнага жыцця, прынамсі, так робіць дыктар Беларускага радыё, тэатральны педагог, заслужаны артыст БССР І. Курган у стужцы «Мой Мінск» (1996). Прыкладна з канца 1980-х гг. вызначаецца пошук агенсамі тэлевізійнага маўлення новага дэнатата, на які можа ўказваць сігніфікат «мы». Напрыклад, у сцэнарый перадачы «Старонкі гісторыі» гісторыка, пісьменніка і публіцыста М. Ермаловіча ёсць наступныя радкі: «Як бачым, віленскі перыяд быў адным з самых спрыяльных у *нашай* гісторыі»¹; «Сапраўды, Полацк – самы старажытны ў *нас* горад»² і г. д. Вызначаныя заканамернасці дазваляюць сфармуляваць рабочую *гіпотэзу*, згодна з якой у беларускай тэлевізійнай камунікацыі паняцце «радзіма» актуалізуе прагматычны складнік, захоўваючы і ўзнаўляючы свой этымалагічна абгрунтаваны гуманістычны змест, звязаны з інтраспекцыяй асабістага ўзаемадзеяння маўленчага суб'екта з асяроддзем. Для верыфікацыі гіпотэзы мы вылучым тэндэнцыі развіцця тэлевізійных прыёмаў канструявання кагнітыўнай мадэлі «радзіма» не толькі на змястоўным (семантычным), але і фармальным (сіntaxічным) узроўні як спосабе арганізацыі элементаў перадачы ў адзіную плынь, напрыклад, пры дапамозе мантажу, афармлення студыі і г. д. У працэсе даследавання выкарыстоўваецца распрацаванае Т. Ван Дэйкам паняцце макраструктуры – цэнтральнага ў архітэктоніцы медыятэксту эпизоду [5, с. 32].

Асноўны ў гэтай рабоце дыскурсіўна-гістарычны падыход грунтуецца на набытках не толькі беларускай навукі аб тэлебачанні, але і кагнітыўнай тэорыі метафары. Развіваючы ідэі Дж. Лакафа і М. Джонсана [6], мы прапануем разглядаць кагнітыўную мадэль не толькі як прадукт актуальнай камунікатыўнай практыкі, але і як увасабленне культурнага вопыту маўленчай асобы – спецыфічнага і ўстойлівага ў часе спосабу ментальнага, эмацыянальнага і цялеснага ўзаемадзеяння з рэчаіснасцю. Асэнсаванне паняцця «радзіма», з пункту гледжання гаворачага суб'екта, як блізкай і зразумелай прасторы вакол сябе, свайго месца ў жыцці, з'яўляецца граматакаталізаваным у марфалагічным ладзе беларускай і рускай моў у сістэме аднакарэнных слоў «род», «родны», «нараджэнне», «прырода» і г. д. Прагматычны канструкт «радзіма – месца нараджэння» зафіксаваны і ў «Слоўніку жывой велікарускай мовы» А. Даля (1866 г.), дзе звяртаецца ўвага на сувязь лексем «родина» і «родить», «родня» [7]. Аб першаасноўнасці значэння «радзіма – месца нараджэння» сведчыць і той факт, што на яго падставе створана пераноснае значэнне «радзіма – месца ўзнікнення, адкрыцця ці вынаходніцтва чагосьці» [8]. Адметна, што аўтары Вялікай савецкай энцыклапедыі фіксуюць незаўважанае, напрыклад, У. Далем значэнне ў якасці першага, г. зн.

¹ Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 444. Воп 1. Спр. 105. Арк. 42.

² Там жа. Арк. 3.

асноўнага: «Радзіма – 1) айчына, краіна, у якой чалавек нарадзіўся; гістарычна прыналежная дадзенаму народу тэрыторыя з яе прыродай, насельніцтвам, грамадскім і дзяржаўным ладам, асаблівасцямі мовы, культуры, досведу і нораваў» [8]. На нашу думку, гэта азначэнне ўяўляе сабой кагнітыўную метафару – спосаб абзначыць паняцце аб новым дзяржаўным утварэнні – Савецкім Саюзе – праз звыклае і зразумелае для чалавека паняцце «радзіма – месца нараджэння».

Згодна з гіпотэзай інварыянтнасці, якая ляжыць у падмурку кагнітыўнай тэорыі метафары, метафарычная праекцыя «Савецкі Саюз (мэта) – гэта Радзіма (крыніца)» уяўляе сабой працэс змянення мэты ў разуменні агенсаў маўлення па ўзоры крыніцы. На семантычным узроўні некрытычныя эмацыянальныя адносіны чалавека да свайго месца нараджэння зафіксаваны ў трапных народных выслоўях, напрыклад, «Дзе нарадзіўся, там і радзіма»; «Няма смачнейшае вадзіцы, як з роднай крыніцы»; «Усякай птушцы сваё гняздо міла» і інш. і ў прадмове да «Кнігі Юдзіф» (1519 г.) славянскага першадрукара з Полацка Ф. Скарыны: «... Так и люди, где рождены были и возвращены в Боге, к месту тому великую любовь имеют»¹ і г. д. Такі станоўчы змест праектуецца на краіну Савецкі Саюз пры дапамозе выкарыстання слоў са значэннем роднасці, душэўнай блізкасці ў дачыненні да яго дзяржаўных структур і грамадскіх дзеячаў у тэкстах перадач: «Мы полны решимости достойно встретить предстоящий съезд *родной Коммунистической партии*»². У выступленні на беларускім тэлебачанні 17 жніўня 1959 г. журналіст В. Смірной кажа аб фестывалі моладзі і студэнтаў у Вене, што ён «еще больше укрепил в нас веру в дело строительства коммунизма, *любовь к нашей Коммунистической партии и родному Советскому правительству*»³. Аб некрытычным успрыманні маўленчымі асобамі кагнітыўнай метафары «Савецкі Саюз (мэта) – гэта Радзіма (крыніца)» сведчыць узаемазамыняльнае выкарыстанне мэты і крыніцы: «Вышэйшая ўзнагарода *Радзімы* – ордэн Леніна – такая ацэнка плённай дзейнасці мінскіх птушкаводаў»⁴; «Наш труд тебе, *Родина*»⁵; «Табе, *Радзіма*»⁶.

Традыцыя тлумачэння канцэпту «радзіма – месца нараджэння» праз паняцці «сям'я», «зямля», значныя для большаці людзей, зафіксавана ў трапных народных выслоўях: «Радзіма – матка, чужына – мачыха»; «Роднаму зямелька, як зморанаму – пасцелька» і г. д. Падчас канструявання кагнітыўнай метафары «Савецкі Саюз (мэта) – Радзіма (крыніца)» гэтыя значэнні праектуюцца на дзяржаву «Савецкі Саюз». Адметна, што канцэпты «сям'я» і «народ» (у адпаведнасці з азначэннем Вялікай савецкай энцыклапедыі, прыведзеным вышэй, гэта насельніцтва краіны) выкарыстоўваюцца сэнсава блізка і нават сінанімічна: «... Намечаныя шляхі далейшага ўмацавання плённых сувязей майстроў мастацкага слова *шматнацыянальнай сям'і савецкіх народаў*»⁷; «У сумеснай барацьбе за справу партыі ўзнікла вялікае *брацтва людзей працы, пачуццё сям'і адзінай*»⁸. Канструюецца ўяўленне аб тым, што жыхары адной краіны, як і прадстаўнікі сям'і, звязаны генетычна, хутчэй за ўсё яны вельмі падобны ў сваіх базавых поглядах на жыццё, у жаданнях і памкненнях.

Для канструявання вобраза савецкай сям'і як сінтаксічнай макраструктуры, пачынаючы з першых эфіраў, выкарыстоўваліся, напрыклад, сцэны, якія мы назавём *эпізодамі пазнавання братаў*, маючы на ўвазе іх фармальнае падабенства да сцэн у антычных п'есах, калі родныя неспадзявана даведваюцца пра факт сваёй генетычнай блізкасці. У пераважна выкладзеных аўтарам ускоснай мовай эпізодах перадач замежнікі вітаюць турыстаў з Савецкага Саюза як добрых знаёмых, спадзяюцца на іх дапамогу: «Варта было назваць краіну – Савецкі Саюз, як твар шафёра заззяў: “О! Камарад!” – Ён парывіста працягнуў руку і гарача сціснуў маю моцным поціскам»⁹. Надае такога кшталту эпізодам характар сінтаксічных клішэ выкарыстанне ўстойлівых на пра-

¹ Кніжная спадчына Францыска Скарыны / Нацыянальная бібліятэка Беларусі; рэдакцыя Н. І. Качанова [і інш.]. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2016. – С. 27.

² НАРБ. – Ф. 871. Воп. 8. Спр. 957. Арк. 13.

³ Там жа. Спр. 17. Арк. 20.

⁴ Там жа. Спр. 1006. Арк. 21.

⁵ Там жа. Спр. 579. Арк. 213–227.

⁶ Там жа. Спр. 55. Арк. 40–45.

⁷ Там жа. Спр. 818. Арк. 83.

⁸ Там жа. Спр. 1075. Арк. 25.

⁹ Там жа. Спр. 1. Арк. 82.

цягу дзесяцігоддзяў, нягледзячы на змены ў экстралінгвістычным кантэксце, атрыбутаў пазнавання. Напрыклад, І. Мележ у ілюстраваным апавяданні «Падарожжа вакол Еўропы» (1956) адзначае: «Пра многае сказала нашым сэрцам тое, як прасілі ў нас сонечным ранкам каля вакзала Тэрміні ў Рыме загарэлыя, абветраныя людзі *значкі з воблікам Леніна*, з абрысам Крэмлёўскай вежы»¹. У сярэдзіне 1980-х гг., расказваючы аб сваім падарожжы ў Панаму і Мексіку, удзельнікі перадачы «Твой ровесник за рубежом» (токар завода аўтаматычных ліній В. Пякарскі, начальнік участка гадзіннікавага завода Ю. Ігуменцаў, інжынер авіярамонтнага завода Я. Сафонаў) распавядаюць аб выпадку, што здарыўся ў мексіканскім горадзе Мехіка: «...Мы вышлі из автобуса, нас сразу окружили местные торговцы. Нас наперебой стали просить *значки с изображением Ленина*. Это поразило сразу... Они принимали их как что-то самое дорогое и самое ценное и говорили, что Ленин – самый великий человек на земле»².

Такога кшталту атрыбуты ў тэлевізійным дыскурсе надзяляюцца функцыямі артэфектаў культуры як уласцівага для савецкага народа ладу жыцця. Канструюецца паняцце аб яго носьбітах – лепшых спецыялістах у сваіх галінах дзейнасці: палітыках, пісьменніках, навукоўцах, медыках, лётчыках і г. д. Візіт М. Хрушчова ў станіцу Вешанскую да М. Шолахава называюць «цёплай сустрэчай двух *усяму свету вядомых людзей*»³. «Практически сейчас нет ни одной страны на земле, куда бы не дошли вести о работе *исторического съезда и выступления на нём Н. С. Хрущева*»⁴, – сцвярджае лектар Усесаюзнага таварыства «Веды» В. Калеснічэнка. У наступным эпізодзе ілюстраванага апавядання І. Мележа «Падарожжа вакол Еўропы» ўдзельнічае доктар сельскагаспадарчых навук, адзін з заснавальнікаў Аграглебавага інстытута Акадэміі навук БССР П. Рагавы: «Да нашага турыста, прафесара Рагавога, падышоў ветлівы турыст і штосьці сказаў на сваёй мове. Перакладчыца, што стаяла побач, дапамагла: «Ён просіць дазволу паціснуць Вам руку»»⁵. І. Мележ распавядае і аб тым, што ў Грэцыі «адна жанчына прыйшла з хворым, амаль сляпым сынам гадоў трынаццаці: “У нашим сяле гавораць, што з вамі едзе ўрач... цудадзейны ўрач, які вылечвае ад усіх хвароб”, – прамовіла ціха, вельмі ўсхваляваная яна. Маці папрасіла, каб гэты цудадзейны ўрач паглядзеў яе сына. Ёй адказалі, што цудадзейны ўрач у нас, у Савецкім Саюзе, сапраўды ёсць, – гэта акадэмік Філатаў, – жанчына кінула галавою: чула яго прозвішча; але яго тут няма. Ён жыве ў Одэсе. Жанчына з адчаем правяла позіркам па нашых тварах. Няма! А яна так спадзявалася на гэтага ўрача»⁶.

Гэта гісторыя больш падобна на легенду, чым на дакументальны выпадак. Выдатны савецкі вучоны У. Філатаў, якога вылучалі на Нобелеўскую прэмію за стварэнне метаду перасадкі рагавіцы вока, у кастрычніку 1956 г. памёр у сталым узросце (81 год), і ў верасні 1956 г., калі выйшла ў эфір ілюстраванае апавяданне І. Мележа, гэты ўрач ужо не практыкаваў. Журналістка газеты «Знамя юности» Э. Луканская распавядае пра ветэрана руху супраціўлення ў Францыі Ж. Бужэ: «В концлагере он потерял зрение, остался без рук и ног. Он встречался с *Алексеем Маресьевым*, который вдохнул в него веру, бодрость»⁷. На думку Э. Луканскай, знаёмства і размова з прататыпам галоўнага героя твора Б. Палявога «Повесть о настоящем человеке», героем Савецкага Саюза, лётчыкам, які большую частку сваіх баявых вылетаў ажыццявіў на пратэзах, падтрымала Ж. Бужэ ў яго складаным становішчы. Адзначым, што гэтыя асобы сапраўды маглі пазнаёміцца, напрыклад, падчас Першага Сусветнага кангрэса прыхільнікаў міру, які адбыўся ў Парыжы ў 1949 г. Распавядаючы аб савецкіх спецыялістах, якімі аднолькава захапляюцца ў свеце, стваральнікі перадач падкрэсліваюць падабенства паміж людзьмі, незалежна ад іх паходжання і жыццёвага досведу, адпаведна і змест паняцця «радзіма» імкнецца да ўніверсальнага значэння.

У перадачах канструюецца ўяўленне аб *музыцы* як крыніцы і сродку распаўсюджвання духоўнай культуры савецкага народа. Так, І. Мележ кажа, што «служачыя з Неапаля і студэнтка

¹ НАРБ. – Ф. 871. Воп. 8. Спр. 1. Арк. 93.

² Там жа. Спр. 1499. Арк. 3.

³ Там жа. Спр. 17. Арк. 28.

⁴ Там жа. Спр. 43. Арк. 119.

⁵ Там жа. Спр. 1. Арк. 93.

⁶ Там жа. Арк. 99.

⁷ Там жа. Спр. 147. Арк. 130.

рымскага ўніверсітэта» спяваюць “Широка страна моя родная”¹. С. Грахоўскі ў ілюстраваным апавяданні «Еўропа. Лета 1966» распавядае, што калі савецкі цеплаход «Тарас Шаўчэнка», на якім ён падарожнічаў, адплываў ад прычала Капенгагена, «... наш “Тарас” даў развітальны гудок, на прычале заспявалі “Падмаскоўныя вечары”»². У перадачах 1970-х гг., з пашырэннем тэхнічных магчымасцей запісу на шырокую магнітную стужку, песні пачалі выкарыстоўваць у застаўках выпускаў, тады паўтаральнасць спрыяла захаванню адпаведных сэнсаў у доўгатэрміновай памяці гледача, напрыклад, тэлеklub «Радзіма» ў сярэдзіне 1970-х гг. пачынаўся з «Песни о Родине» (1936 г., словы В. Лебедзеў-Кумач, музыка І. Дунаеўскі): «Наше слово гордое “товариш” / Нам дороже всех красивых слов. / С этим словом мы повсюду дома, / Нет для нас ни черных, ни цветных, / Это слово каждому знакомо, / С ним везде находим мы *родных*».

На эвалюцыю сінтаксічнай макраструктуры ад вобраза глабальнага народа да геаграфічнага месца ўказваюць наступныя факты. У цыкле эстонскай студыі тэлебачання «У гэты дзень дваццаць пяць гадоў таму» (1966–1970 гг.) В. Пант распавядаў аб абставінах кожнага дня Другой сусветнай вайны. Гэта перадача, як засведчыў у размове з аўтарам дадзеных радкоў галоўны рэдактар Галоўнай рэдакцыі прапаганды У. Душкевіч, стала прататыпам праекта беларускага тэлебачання «Вуліцы і плошчы апавядаюць».

Спосаб пераасэнсавання прататыпа паказвае імкненне агенсаў камунікацыі адчуць сваё дачыненне да горада, дзе пераважная большасць вуліц названа імёнамі герояў Другой сусветнай вайны. Натуральна, што ў 1967 г., калі пачала выходзіць у эфір перадача «Вуліцы і плошчы апавядаюць», найбольш актыўную частку насельніцтва складалі тыя, хто нарадзіўся падчас ці пасля вайны. Бадай што агенсам беларускага тэлевізійнага маўлення было складана эмацыянальна адносіцца да тых падзей, да якіх яны не мелі дачынення. Вобраз вуліцы, што матэрыяльна існуе даўжэй, чым жыве чалавек, таму захоўвае памяць, у перадачы «Вуліцы і плошчы апавядаюць» набыў рысы макраструктуры дыскурсу. У выпусках расказваюць аб дзейнасці партызана І. Кабушкіна, падпольшчыкаў І. Казінца, рэдактара газеты «Звезда» У. Амелянюка і г. д. Разам з воблікам вуліцы, папярэднія яе жыхары пакідаюць наступным свой лад жыцця. Вобраз месца гістарычны па сутнасці, каб яго стварыць, здымачная група перадачы інтэнсіўна шукала новыя фармальныя сродкі рэтраспектывы: мантаж у прамым эфіры ажыццяўлялі пры дапамозе ПТС (перасоўнай тэлевізійнай станцыі), у плынь перадачы ўключалі запісаныя інтэрв’ю са сведкамі падзей, пастановачныя сцэны з артыстамі, эпізоды кінахронікі. Думку аб тым, што ў назвах вуліц зафіксаваны звыклы спосаб узаемадзення чалавека з асяроддзем, працягнуў, у прыватнасці, кандыдат гістарычных навук С. Тарасаў у шэрагу сюжэтаў, знятых для праграмы «Вечер вандраванняў» у 1989 г. Аўтар распавядае аб тым, што на месцы вуліцы Казлова была Даўгабродская, якая атрымала назву паводле ўрочышча Доўгі брод каля ракі Сляпянка, на месцы вуліцы Кісялёва размяшчалася Старажоўская, раней тут быў уезд у горад і стаялі башні-стражніцы і г. д. Гісторык і журналіст перасцерагае, што, знішчаючы памяць, чалавек пазбаўляе сябе арыенціраў у жыцці, становіцца разгубленым і безабаронным. С. Тарасаў гаворыць аб знесеных у перыяд сярэдзіны 1960–1980-х гг. элементах гістарычнай забудовы вуліцы Нямігі з Халоднай сінагогай, Дамініканскага сабора побач з сучасным Палацам Рэспублікі, першага беларускага тэатра недалёка ад гасцініцы «Еўропа» і г. д.

Даследаванне матэрыялу беларускага тэлебачання дазваляе ўдакладніць палажэнні кагнітыўнай тэорыі метафары і сцвярджаць, што падчас ментальнага мадэлявання мэта і крыніца метафарычнай праекцыі ўзаемна дапасоўваюцца. Так, сема «зямля», пачынаючы з першых эфіраў, звязваецца з паняццем аб кансэнсусе грамадзян, неабходным для развіцця дзяржавы. У ілюстраваным апавяданні «Еўропа. Лета 1966» аўтар, пісьменнік С. Грахоўскі, кажа: «Дзе б мы ні былі, у Стакгольме ці ў Лондане, у Пірэі ці Неапалі, мы заўсёды спыталіся на судна, гэта была наша *савецкая зямля...*»³; «Калі ў мяне пытаюць, дзе лепш за ўсё было, я адказваю: “На нашым цеплаходзе. Гэта быў наш дом, кавалачак *роднай зямлі*”. І гэта праўда»⁴.

¹ НАРБ. – Ф. 871. Воп. 8. Спр. 1. Арк. 94.

² Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 201. Воп. 2. Спр. 97. Арк. 6.

³ Там жа. Арк. 4.

⁴ Там жа. Арк. 17.

Паняцце «зямля» выкарыстоўваецца для абазначэння свайго, блізкага і зразумелага маўленчай асобе, камуністычнага грамадства, супрацьпастаўленага чужому і варожаму капіталістычнаму. Лейтматыў зямнога шара канструюецца на семантычным узроўні тэлевізійнай камунікацыі, дзякуючы выкарыстанню геаграфічных і астранамічных тэрмінаў у назвах перадач. Напрыклад, агляды падзей у свеце, створаныя паводле матэрыялаў інфармагенцтваў ТАСС, БелТА, агенцтва друку «Навіны» (зараз РІА «Навіны») і замежнай прэсы, называліся «Тыдзень планеты» (1970-я гг., рэд. І. Александровіч), «*Мерыдыян прапаганды*» (1980-я гг., аўтары і вядучыя А. Трызна і В. Казанлі). Адметна, што дадзены ментальны канструкт застаецца ўстойлівым, нягледзячы на змены ў экстралінгвістычным кантэксце дзейнасці тэлебачання. Так, «сумесная праграма маладзёжных рэдакцый студый тэлебачання Беларусі, Латвіі, Эстоніі і Літвы»¹ ў першай палове 1990-х гг., дзе навукоўцы, літаратары, палітыкі гэтых краін, у тым ліку ў прамым эфіры, абмяркоўвалі пытанні школьнай адукацыі, мовы, перамогі і свабоднага волевыяўлення на выбарах, аптымізацыі прамысловасці і г. д., называлася «Магістраль 12». У назве, як засведчыла ў размове з аўтарам артыкула былы галоўны рэдактар Галоўнай рэдакцыі перадач для моладзі Н. Чайка, падкрэсліваецца, што ўсе краіны-ўдзельніцы знаходзяцца прыкладна ў межах дванаццатага мерыдыяна ўсходняй даўгаты. Да візуальных прыёмаў стварэння лейтматыву зямнога шара можна аднесці панараміраванне, а таксама паралельны мантаж па прынцыпе кантрасту. Напрыклад, у застаўцы тэлеklubа «Радзіма», змяняючы адна адну, на тэлеэкране перад вачыма глядача праходзілі «картны ледзянога безмолвія Севера і знойной бесконечнай пустыні, берега Байкала і минареты Средней Азій... людзі, плаваючыя сталь, вырашчываючы хлеб, чай, хлопок і высажываючы сады в тундре...»². Серыі «клуба інтэрнацыянальнага сяброўства» «Ракурс» звычайна пачыналіся з выявы зямнога шара, падзеленага на чатыры сектары. Камера набліжалася да кожнага з іх, на кінакадрах былі паказаны падзеі, якія там адбываліся, напрыклад, моладзевая дэманстрацыя, свята палітычнай песні, фестываль у Гаване, «разгон дэманстрацыі в заападнам Берліне»³. Звяртае на сябе ўвагу рытмічнасць мантажу, што прадугледжвае магчымае дапаўненне мантажнай фразы падобнымі ж блокамi.

Узаемнае, пераважна частковае, дапасаванне мэты і крыніцы метафарычнай праекцыі не перашкаджае захаванню і ўзнаўленню ў свядомасці ўдзельнікаў маўленчых актаў больш грунтоўных, звыклых значэнняў. Так, аб нестабільнасці лейтматыву зямнога шара як кагнітыўнага канструкту сведчыць полісемія ў вызначэнні маўленчым суб'ектам маштабаў радзімы, якая прасочваецца, пачынаючы з першых эфіраў беларускага тэлебачання. Напрыклад, у перадачы А. Чуланова 1976 г., прысвечанай фестывалю самадзейнай песні ў Мінску, вядомы аўтар-выканаўца В. Віхараў адзначае: «Ленінград, как и вся Белоруссия, познал ужасы войны»⁴. Тут маштаб рэспублікі ўяўна змяняецца да памераў аднаго горада. Прама супрацьлеглую перцепцыйную геаграфію ўвасобіў, напрыклад, І. Мележ, сцвярджаючы, што «пейзаж Галандыі надзвычай падобны да нашага палескага. Такія ж нізіны, лугі, вербы», параўноўваючы рэгіён Беларусі з краінай. Разуменне «роднага» звязана з інтраспекцыяй аўтара, асэнсаваннем уласнай сувязі з тым месцам, дзе жыў яго сям'я, таму ён піша: «Над гаўрскім прычалам, дзе стаяла наша “Пабеда”, шоў няспынны, назойлівы, як цяпер у Мінску, дождж»⁵. Такая ж асаблівасць прасочваецца і ў сюжэце фотамастака Ю. Іванова аб падарожжы ў сталіцу Францыі⁶ ў першым выпуску перадачы «Вецер вандраванняў», калі аўтар параўноўвае парыжскае метро з салігорскай шахтай.

З пачатку 1970-х гг. паняцце «зямля – глеба, прыроднае асяроддзе» ўстойліва канструюецца як аб'ект некрытычнага асэнсавання і эмацыянальнай прывязанасці маўленчага суб'екта, напрыклад, у назвах «Чалавек зямлі маёй», «Зямля бацькоў, зямля родная» і г. д. Адметна, што мадэляванне новага зместу адбываецца ў межах канвенцыянальнага азначэння зямлі як «матэрыяльнай перадумовы працэсу працы» [9]. Так, у назве перадачы Галоўнай рэдакцыі народнай гаспадаркі

¹ НАРБ. – Ф. 871. Воп. 8. Спр. 1886. Арк. 3.

² Там жа. Спр. 719. Арк. 83.

³ Там жа. Спр. 1013. Арк. 44–55.

⁴ Там жа. Спр. 749. Арк. 230.

⁵ Там жа. Спр. 1. Арк. 83.

⁶ Там жа. Спр. 207. Арк. 222–233.

«Чалавек і эканоміка» лексема «чалавек» выносіцца на першае месца, акцэнтуюцца працяглая ў часе ўзаемазвязь і ўзаемазалежнасць чалавека і зямлі: «Гісторыя народа. Тонкая, доўгая сувязь. Але яна існуе і не абрываецца, вядзе ад снягоў, зноў да гэтых снягоў, пад якімі ляжыць наша зямля... Зямля, якую мала любіць, на якой трэба працаваць, каб яна вярнула табе сілы ў сто разоў»¹. У перадачы літаратурна-драматычнай рэдакцыі «Спадчына» 1983 г. вядучы паэт В. Дашкевіч сцвярджае: «Палітычна памыляецца той, хто думае, што нацыянальнае зводзіцца да літаратуры, мастацтва і г. д. У эканоміцы таксама. Любоў да зямлі»². Агенсы беларускага тэлевізійнага маўлення ўзнаўляюць этымалагічна абгрунтаваны змест паняцця «культура» – супольнай апрацоўкі зямлі, глебы, у працэсе якой з'яўляецца згода паміж людзьмі, фарміруюцца агульныя каштоўнасці. Гэтыя ідэі працягнуў, у прыватнасці, гісторык, пісьменнік і публіцыст М. Ермаловіч, прапанаваўшы ў 1989 г. у якасці эпіграфа да цыкла «Старонкі гісторыі» радкі народнага паэта Беларусі Я. Купалы: «Пачнём збіраць зярно к зярняці, каб сеўбу новую пачаць»³.

Эксплікуючы новую прагматыку, стваральнікі, напрыклад, дакументальных стужак ТА «Тэлефільм» крытыкуюць свой вопыт: «Но вот беда, чем выше вверх, тем более поверхностная получается картина. Лиц не разглядеть. А что такое лицо города, как не лица его горожан? Потому пристегните ремни, спускаемся на землю» («Могилев», рэж. В. Басаў, 1986 г.); «Не космические, а чисто земные преграды вставали бывало на дороге жизни» («Осень в Сорочах», рэж. У. Бокун, 1986 г.). Замест лейтматыву зямнога шара ў тэлевізійнай камунікацыі канструююцца новыя вобразы, пераважна звязаныя з асэнсаваннем маўленчай асобай сябе як часткі геаграфічнай прасторы. Гэта датычыцца лейтматыву дома: «День сегодняшний и день минувший. Не часто мы с Вами задумываемся, какая существует между ними связь. Ведь мы с вами продолжаем чьё-то дело. И разве не важно знать, чьё? Разве не необходимость точно знать, каким было это дело, какой была жизнь в *доме*, в котором ты живёшь?»⁴, – у рытарычным пытанні аўтара і вядучай перадачы «Вуліцы і плошчы апавядаюць» Н. Касьянавай гучаць і зварот да глядачоў, і самарэфлексія. У першай палове 1990-х гг. пачала выходзіць перадача «Беларускі дом», дзе ў прамым эфіры вядучы С. Тарасаў размаўляў з выдатнай персонай, падставу для абмеркавання складалі сюжэты з розных куткоў Беларусі. У сюжэце з чарнобыльскай зоны адсялення стваральнікі перадачы паказалі пакой, у якім людзі, хутка ад'язджаючы, пакінулі рэчы на сваіх месцах. Рэжысёр праекта Г. Сакалова падкрэслівае, што гэтыя кадры маюць сімвалічны змест: ніколі не позна ўгадаць сваё мінулае, разабрацца ў ім, дом захоўвае памяць аб гаспадарках, таму заўсёды іх прыме. Разам з тым ні адно пакаленне, як бы яно ні імкнулася гэта зрабіць, не здольна цалкам змяніць асяроддзе вакол сябе, нават калі спаліць дом, то застаецца зямля.

Думку аб тым, што гістарычная памяць захоўваецца не толькі ў навакольных прадметах, але і ў самім чалавеку, развівае класік беларускай літаратуры У. Караткевіч, аўтар сцэнарыя першага выпуску перадачы «Спадчына» (эфір першы 24 студзеня 1976 г.), які прапанаваў выкарыстоўваць у сцэнаграфіі студыі макет магутнага дрэва. Відавочна алюзія да Дрэва Вечнасці (Дуба Крывашапкі) з друкаваных твораў пісьменніка. Паводле У. Караткевіча, людзі, нібы галіны дуба, здольны расці і развівацца да таго часу, пакуль звязаны з адзіным магутным каранем – гісторыяй агульнага для іх прыроднага асяроддзя. Такое разуменне паспрыяла паглыбленню, асабліва з пачатку 1970-х гг., праблематыкі, звязанай з аховай прыроды. Аўтары перадач «Спадчына», «Вецер вандраванняў», дакументальных фільмаў ТА «Тэлефільм» звярталі ўвагу грамадскасці на тое, што «мемарыяльныя дубы гінуць, крынічка ў Альбуці сохне»⁵, адбываецца забруджванне вадаёмаў – Свіслачы⁶, Міранкі («А мае міране добрыя людзі» (рэж. А. Кашэўнікаў, 1992 г.)), горных рэк і эрозія глебы⁷, крытыкавалі ў стужцы «Прекрасное далёко» (рэж. У. Жыгалка, 1988 г.) уплыў буйных прадпрыемстваў, напрыклад, наваполацкага «Нафтана» на здароўе дзяцей.

¹ НАРБ. – Ф. 871. Воп. 8. Спр. 1006. Арк. 26.

² Там жа. Спр. 1267. Арк. 140.

³ Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 444. Воп. 1. Спр. 105. Арк. 2.

⁴ НАРБ. – Ф. 871. Воп. 8. Спр. 576. Арк. 195.

⁵ Там жа. Спр. 1768. Арк. 131.

⁶ Там жа. Спр. 1499. Арк. 53.

⁷ Ветер странствий № 238 // Национальная государственная телерадиокомпания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/Dq8LCvAe7J0>. – Дата доступа: 18.01.2024.

У беларускай тэлевізійнай камунікацыі фарміруецца культураспецыфічны вобраз бусла. Позірк гледача нібы зліваецца з позіркамі гэтай птушкі ў літаратурным сцэнарыі тэлефільма «Здравствуй, Беларусь» аўтарства Г. Бураўкіна. З вышыні Беларусь нагадвае лірычнаму герою зялёны кляновы ліст, бусел пралятае над гарадамі Беларусі, ад Мінска да Брэста, і ўсюды бачыць людзей – дзіця, размазваючы, есць марожанае, пара маладых людзей стаяць над Свіслаччу, «поссорились, а может, ещё бояться сказать друг другу самое важное», студэнты ў двары ўніверсітэта схіліліся над кнігай, каля раддома нервова курыць малады бацька, «а по коридору роддома везут в коляске орущую дюжину новых минчан»¹.

Гуманістычны змест вобраза бусла бярэ пачатак у беларускім фальклоры. Згодна з фабулай народнай казкі, занатаванай этнографам А. Сержпутоўскім у кнізе «Казкі і расказы беларусаў-палешукоў» (1911), бусел калісыці быў чалавекам. Грунтоўная распрацоўка ў беларускім тэлевізійным дыскурсе надае вобразу бусла рысы лейтматыву. Так, С. Грахоўскі ў ілюстраваным апавяданні «Еўропа. Лета 1966», калі кажа, што гід савецкай дэлегацыі С. Бярэзнікаў, якога «вывезлі бацькі ў Францыю дванаццацігадовым хлопчыкам, нагадвае яму «ввлізнага бутфорскага бусла на адным гатэлі на ўзбярэжжы Сены»; «Вясною над ім пралятаюць на радзіму жывыя буслы, клічуць яго, а ён не можа скрануцца з месца»². Падкрэліваецца, што сэнс жыцця і дзейнасці чалавека абумоўлены сувязю з тым прыродным асяроддзем, з якога ён выйшаў. Так, у стужцы «Аист над Припятью» (рэж. Л. Гедравічус, Л. Броутман, 1982 г.) бусел увасабляе вельмі старога чалавека, агульнага прарадзіцеля тых людзей, якія спрадвек жывуць у вёсцы Стахава на беларускім Палессі. Яго простая мова змяшчае вялікую колькасць трапных народных выслоўяў, у якіх адлюстраваны мудрасць пакаленняў, уяўленне аб найбольш спрыяльным развіццю чалавека і грамадства ладзе жыцця: «Дом вести – не хвостом трясти»; «В хорошей хате все дети кстати»; «Когда сын рядом с отцом, у отца вдвое силы прибывает»; «Возле села и птица весела»; «Калі на будынак сядзе бусел, дык гром у яго не ўдарыць»³.

Успрыманне радзімы як іманентнай часткі чалавечай асобы, прыроднай і гістарычнай істоты эксплікуецца напрыканцы 1980-х гг. Аб гэтым сведчаць, у прыватнасці, радкі з перадачы «Крок» 1989 г., дзе аўтары крытыкуюць тых, хто выбірае радзіму па грамадзянскіх поглядах: «Узровень дэмакратыі вымярацца свабодай выбару. І мы таксама зрабілі свой выбар, хаця і не адчуваем сябе героямі. Проста там для нас – чужына. А тут жывуць нашы бацькі, тут пахаваны нашы продкі. І мы не прывыклі лічыць радзімай толькі тое месца, дзе жыць лепш»⁴.

Заклучэнне. Такім чынам, даследаванне гістарычнага матэрыялу беларускага тэлебачання дапамагае ўдакладніць кагнітыўную тэорыю метафары і сцвярджаць, што ментальнае мадэляванне ажыццяўляецца як частковае ўзаемадапасаванне мэты і крыніцы метафарычнай праекцыі, гэта дазваляе маўленчай асобе захоўваць і узнаўляць этымалагічна абгрунтаваныя значэнні паняццяў. Так, нягледзячы на канструяванне кагнітыўнай метафары «Савецкі Саюз (мэта) – Радзіма (крыніца)» у сцэнарыях перадач, паняцце «радзіма» эксплікуе прагматычны кампанент – гуманістычны змест, звязаны з інтраспекцыяй іманентнага ўзаемадзеяння камунікатыўнага суб'екта з прыродным асяроддзем і крытычным асэнсаваннем вопыту. Аб гэтым сведчыць характар эвалюцыйнага сродкаў тэлевізійнай семантыкі і сінтаксісу. На сінтаксічным узроўні функцыі макраструктуры пераходзяць ад вобраза глабальнага народа да (з сярэдзіны 1960-х гг.) геаграфічнага месца як устойлівага арыенціра ў гістарычным працэсе. Паслабляецца камунікатыўная роля эпізодаў пазнавання братоў, прэзентацыі савецкіх спецыялістаў і грамадскіх дзеячаў як сусветна вядомых, савецкіх песень, павялічваецца частотнасць выкарыстання рэтраспектыўных сцэн, кінахронікі, інтэрв'ю ў прамым эфіры. Лейтматыў зямнога шара ў дыскурсе выцясяецца вобразам дома і звязанымі з ім культураспецыфічнымі вобразамі, якія бяруць пачатак у беларускай літаратуры (Дрэва Вечнасці) і фальклоры (чалавек-бусел).

¹ Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 520. Воп. 1. Спр. 29. Арк. 5.

² Там жа. – Ф. 201. Воп. 2. Спр. 97. Арк. 14.

³ Аист над Припятью // Национальная государственная телерадиокомпания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=J7MLqhuJFak>. – Дата доступа: 18.01.2024.

⁴ НАРБ. – Ф. 871. Воп. 8. Спр. 1989. Арк. 112.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Сандомирская, И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И. Сандомирская. – Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. – 256 с.
2. Зеленко, С. В. Актуализация образа «малой Родины» («малой Радзімы») в дискурсе белорусских печатных СМИ / С. В. Зеленко // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Междунар. науч. конф., Москва, 19 апр. 2019 г. / Моск. художеств.-пром. ин-т; редкол.: М. К. Ясменко (гл. ред.) [и др.]. – М., 2019. – С. 386–389.
3. Іўчанкаў, В. И. Дыскурс беларускіх СМІ: арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В. І. Іўчанкаў – Мінск: БДУ, 2004. – 258 с.
4. Фрольцова, Н. Т. Типология творческой деятельности в аудиовизуальной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Н. Т. Фрольцова. – Минск, 2003. – 222 л.
5. Ван Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Белгород: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. – М.: УРСС, 2004. – 254 с.
7. Даль, В. И. Родина / В. И. Даль // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1866. – Т. 4. – С. 90.
8. Родина // Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (пред.) [и др.]. – М., 1980. – С. 1143.
9. Земля // Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (пред.) [и др.]. – М., 1980. – С. 464.

References

1. Sandomirskaya I. *The book about the Motherland. An analysis of discursive practices*. Wien, Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 256 p. (in Russian).
2. Zelenko S. V. Actualization of the image of the “Small Motherland” (“Small Radzima”) in the discourse of Belarusian print media. *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizatsiya: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 19 aprelya 2019 g.* [The Image of the Motherland: Content, Formation, Actualization: proceedings of the III International scientific conference, Moscow, April 19, 2019]. Moscow, 2019, pp. 386–389 (in Russian).
3. Iuchankau V. I. *Discourse of Belarusian mass media: organization of publicistic text*. Minsk, Belarusian State University, 2004. 258 p. (in Belarusian).
4. Frol'tsova N. T. *Typology of creative activity in audiovisual communication*. Ph.D. Thesis. Minsk, 2003. 222 p. (in Russian).
5. Van Dijk T. A. *Language. Cognition. Communication*. Belgorod, BSC named after I. A. Baudouin de Courtenay Publ., 2000. 308 p. (in Russian).
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, Chicago University Press, 1980. 239 p.
7. Dal' V. I. Homeland. *Explanatory dictionary of the living great Russian language. Vol. 4*. Moscow, 1866, p. 90 (in Russian).
8. Homeland. *Soviet encyclical dictionary*. Moscow, 1980, p. 1143 (in Russian).
9. Earth. *Soviet encyclical dictionary*. Moscow, 1980, p. 464 (in Russian).

Информация об авторе

Морозова Елена Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Emorozowa@tut.by

Information about the author

Elena I. Morozowa – Ph. D. (Philol.), Associate Professor of the Department of Television and radio broadcasting of the Faculty of Journalism of Belarusian State University (9 Kalvariyskaya Str., Minsk 20004, Belarus). E-mail: Emorozowa@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09-1«1921/1939»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-309-320>

Паступіў у рэдакцыю 11.06.2024
Received 11.06.2024

М. У. Мікуліч

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь*

ПАЭЗІЯ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ: ЗАБЫТЫЯ АЎТАРЫ І ТВОРЫ

Анотацыя. Рассматривается творческая деятельность незаслуженно забытых поэтов Западной Беларуси Петра Сакола, Анны Новик и Анатолия Березко, которым принадлежит заметное место в истории отечественной литературы XX в. На основе углубленного анализа проблемно-тематического содержания и поэтико-стилевых особенностей сборников стихов и конкретных произведений автор отмечает воплощение идеи преемственности национального исторического опыта и традиций в художественном дискурсе П. Сакола, который развивался в русле национально-возрожденческого романтического стиливого течения западнобелорусской литературы, народно-патриотическую дидактику поэта, восславление героики общественно-патриотической активности, национально-освободительной борьбы, романтической энергии непокорности и протеста. Подчеркивается объективная природа явлений и процессов, как правило, связанных с конкретным хронотопом, лирико-драматизированный характер образности, напряженность поэтико-стилевого строя, кряжистый синтаксис стихов А. Новик. В художественном наследии А. Березко внимание акцентируется на религиозно-христианских принципах и ценностях, эстетизации явлений и процессов, утверждении духовной наполненности жизни, обращенности лирического героя поэта в сферу метафизического, идеальных сущностей и др.

Ключевые слова: национально-возрожденческий, традиции, творческая индивидуальность, лирико-повествовательный, образ, духовно-социальный, реалистическое отражение, романтический, лирический герой, предметно-изобразительный

Для цитирования: Мікуліч, М. У. Паэзія Заходняй Беларусі: забытыя аўтары і творы / М. У. Мікуліч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 309–320. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-309-320>

Mikalai U. Mikulich

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

POETRY OF WESTERN BELARUS: FORGOTTEN AUTHORS AND WORKS

Abstract. The article examines the creative activity of the undeservedly forgotten poets of Western Belarus Piotr Sakol, Anna Novik and Anatoly Biarozka, who have a prominent place in the history of national literature of the XXth century. Based on an in-depth analysis of the problematic and thematic content and poetic and stylistic features of collections of poems and specific works, the author notes the embodiment of the idea of continuity of national historical experience and traditions in the artistic discourse of P. Sakol, which developed in line with the national-revival romantic style movement of Western Belarusian literature, folk and patriotic didactics of the poet, glorification of the heroism of social and patriotic activity, national liberation struggle, romantic energy of insubordination and protest. The author emphasizes the objective nature of phenomena and processes, usually associated with a specific chronotope, the lyrical-dramatized nature of the imagery, the tension of the poetic-style structure, thick syntax of poems by A. Novik. The artistic heritage of A. Biarozka emphasizes the fertilization of the creative act by religious and Christian principles and values, the aestheticization of phenomena and processes, the affirmation of the spiritual fullness of life, the lyrical hero's focus on the sphere of metaphysical, ideal essences, etc.

Keywords: national and revival, traditions, creative individuality, lyrical-narrative, image, spiritual and social, realistic reflection, romantic, lyrical hero, object-figurative

For citation: Mikulich M. U. Poetry of Western Belarus: forgotten authors and works. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 309–320 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-309-320>

Уводзіны. Паэзія Заходняй Беларусі (1921–1939) – унікальная з’ява на літаратурнай карце Еўропы XX стагоддзя. Прадудыруючы на глебе нацыянальных духоўна-сацыяльных і ідэйна-мастацкіх традыцый і каштоўнасцей, яна ва ўмовах Польшчы з’яўлялася часткай адначасова агульнабеларускага і польскага грамадска-культурнага асяроддзя, цесна ўзаемадзейнічаючы з прыбалтыйскім (найперш – літоўскім і латышскім) і заходнеўкраінскім літаратурна-мастацкімі працэсамі, знаходзілася пад моцным уплывам, з аднаго боку, савецкай, а з другога – еўрапейскіх літаратур і культур (чэшскай, славацкай, нямецкай і інш.). Усё гэта забяспечыла эвалюцыю і фарміраванне ў ёй розных, часам нават супрацьлеглых ідэйна-светапоглядных і мастацка-выяўленчых канстант і ліній. Традыцыйная для беларускай літаратуры парадыгма рэалістычнага, лірыка-апавядальнага адлюстравання рэчаіснасці спалучалася ў ёй з наватарскім дыскурсам – асаблівасцямі суб’ектыўна-ідэалістычнага, духоўна-ірацыянальнага пазнання жыцця і чалавека. Радыкальна-рэвалюцыйны фундаменталізм з яго жорсткімі класавы-ідэалагічнымі ўстаноўкамі і сцвярджаннем прынцыпаў адмабілізаваанай падпольніцкай барацьбы і шырокага народна-вызваленчага руху пераплятаўся з ідэямі рэлігійнай філасофіі і хрысціянскага гуманізму, нацыянальна-адраджэнскія тэндэнцыі і заканамернасці дапаўняліся і ўзмацняліся рамантычна-ўзвышаным пафасам.

Пра ўсё гэта магла толькі марыць тагачасная беларуская савецкая паэзія...

Дзякуючы працам (кнігам, раздзелам у калектыўных манаграфіях і вучэбных дапаможніках, артыкулам і іншым публікацыям) найперш У. Калесніка, А. Ліса і М. Арочкі, сёння мы, здаецца, някепска ведаем творчасць прыхільнікаў пракамуністычнай, прасавецкай ідэйнай арыентацыі – Максіма Танка, Валянціна Таўлая, Піліпа Пестрака, Міхася Васілька, Міколы Засіма, Анатоля Іверса, у меншай ступені – Леапольда Родзевіча, Алеся Салагуба, Ніны Тарас, якія выступалі за далучэнне Заходняй Беларусі да БССР у складзе Савецкага Саюза. Але ж не варта забываць пра тое, што там, у Заходняй Беларусі, жылі і паспяхова тварылі прадстаўнікі супрацьлеглага, правага, ідэйна-палітычнага крыла, а таксама так званыя цэнтрысты, што ўжо тады актыўна адстойвалі прынцыпы самастойнага, незалежнага развіцця Беларусі, і іх у цэлым было нашмат болей, чым левых. А гэта не толькі такія значныя творчыя індывідуальнасці, як Казімір Сваяк, Андрэй Зязюля, Наталля Арсеннева, Аўген Бартуль, Хведар Ілляшэвіч, Ларыса Геніюш, але і, на першы погляд, непрыкметныя асобы – Янка Быліна, Вінцук Адважны, Станіслаў Станкевіч, Франук Грышкевіч, Пётр Сяўрук, Юльян Сергіевіч, Пятро Сакол, Уладзіслаў Казлоўшчык... Усе яны, між іншым, мелі выданыя ці падрыхтаваныя да выдання кнігі, зборнікі вершаў. А былі яшчэ таксама таленавітыя, апантаныя творчасцю Мар’ян Пецюкевіч, Алесь Смаленец, Янка Маланка, Вольга Сахарова, Раса, Аркадзь Заранка, Станіслаў Гаротны, Мікалай Базылюк, Кастусь Рагойша, Янка Чорны і многія іншыя паэты, даволі звонкія галасы якіх убіраліся ў сілу, луналі ў заходнебеларускім паднябессі і шмат абяцалі нацыянальнай літаратурнай будучыні. Аднак іх творчая дзейнасць, за рэдкім выключэннем, амаль не даследавана нашым літаратуразнаўствам.

Асноўная частка. Прадметам нашага аналізу з’яўляецца творчасць цалкам забытых сёння заходнебеларускіх паэтаў з вельмі розным жыццёвым лёсам і характарам ідэйна-мастацкай дзейнасці – Пятра Сакола (1905–1985), Ганны Новік (1914–1997) і Анатоля Бязозкі (1915–2008).

Старэйшым з іх з’яўляецца Пятро Сакол (сапр. Пётр Аляксандравіч Масальскі), які нарадзіўся 14 ліпеня 1905 г. у сялянскай сям’і ў мястэчку Пасінь Люцынскага павета Віцебскай губерні (цяпер воласць Пасіенас Зілуцкага краю ў Латвіі).

Будучы паэт скончыў Пасінскую народную школу, Сібежскае вучылішча, навучаўся ў Люцынскай беларускай гімназіі (1922–1923), на Беларускіх двухгадовых настаўніцкіх курсах у Рызе (1925–1926). У 1927 г. уладкаваўся на пасаду настаўніка-практыканта ў Дзвінскую беларускую гімназію. Уздзельнічаў у акцыях і мерапрыемствах Латгальскага рабочага прафсаюза і Партыі незалежных сацыялістаў, а таксама культурна-асветнага таварыства «Бацькаўшчына» і «Таварыства беларускіх вучыцеляў» у Латвіі. У 1928 г. за актыўную грамадска-культурную чыннасць у левым радыкальным руху трапіў пад пільны нагляд і пераслед паліцыі і быў пазбаўлены права выкладання. З 1929 па 1936 г. працаваў на часовых работах у Ліепаі і Рызе грузчыкам, табельшычкам, чарчэжнікам, справаводам рыжскай беларускай вярэняй школы, карэктарам-перакладчыкам часопіса «Беларуская школа ў Латвіі». У студзені 1936 – ліпені 1942 г. – бухгалтар Рыжскай фанернай фабрыкі.

Падчас нямецка-фашысцкай акупацыі П. Сакол працаваў карэктарам-перакладчыкам часопіса «Новы шлях». Займаўся складаннем картатэкі беларуска-латышкага слоўніка. У 1945 г. быў арыштаваны савецкімі спецыяльнымі органамі па падазрэнні ў супрацоўніцтве з нямецкімі ўладамі. Два гады праходзіў «фільтрацыю» ў Хабараўскім краі, у Ніжне-Амурскім папраўча-працоўным лагерах МУС СССР.

Па выніках «фільтрацыі» быў апраўданы. Вярнуўся ў Рыгу ў сакавіку 1947 г. Працаваў на розных прадпрыемствах вяртаўніком, нарміроўшчыкам, дарожным майстрам.

Па словах С. Панізніка, які добра ведаў паэта, цяга да беларускага мастацкага слова, «захапленне літаратурай пачалося ў П. Сакола са знаёмства з паэмай “Тарас на Парнасе”, якую ён ведаў на памяць, яшчэ ў час вучобы ў Себежы» [1, с. 232].

Мастацкая індывідуальнасць П. Сакола развівалася ў рэчышчы нацыянальна-адраджэнскай рамантычнай стылявой плыні заходнебеларускай паэзіі. Як вядома, творы прадстаўнікоў гэтай плыні – Л. Родзевіча, У. Жылкі, У. Казлоўшчыка, Л. Геніюш і інш. – вызначаліся характэрнай народна-патрыятычнай дыдактыкай, услаўленнем героікі нацыянальнага духу і волі, гатоўнасці да самых цяжкіх нягод і выпрабаванняў, нястомнай барацьбы за шчаслівую будучыню Бацькаўшчыны-Беларусі. Яны сцвярджалі асобу нацыянальнага складу мыслення, гераічную, максімалісцкую, якая жыла інтарэсамі і клопатамі роднага краю. Мы бачым яе ў кантэксце вялікіх грамадска-сацыяльных з’яў і падзей, маштабных працэсаў, вострых канфліктаў і супярэчнасцей. Гэта натура незвычайная, неспакойная, пошукавая, свабодалюбівая, цалкам падпарадкаваная любові і нянавісці, услаўленню і адмаўленню.

Развіццё ідэі пераемнасці нацыянальна-гістарычнага вопыту і традыцый з’яўлялася адной з характэрных рыс творчасці П. Сакола. Яго вершы друкаваліся ў калектыўных зборніках «Ластаўка» (1924) і «Першы крок» (1926), у рыжскіх і віленскіх беларускіх перыёдыках. У 1929 г. яны выйшлі ў Беларускім выдавецтве ў Латвіі асобным зборнікам «На світанні».

Праблемна-тэматычны змест твораў паэта быў не такі багаты і разнастайны, як у некаторых яго папярэднікаў і сучаснікаў, але досыць ёмісты і важкі. Зборнік «На світанні» вызначыўся выразным грамадзянскім і нацыянальна-патрыятычным пафасам, публіцыстычнай накіраванасцю, ён быў падпарадкаваны агульнай эмоцыі – адмаўленню свету прыгнёту і несправядлівасці. П. Сакола хвалявалі кардынальныя пытанні жыццядзейнасці беларусаў, асабліваасці іх духоўнай самасвядомасці, чалавечай годнасці, будучыні. Ён паэтызаваў ідэі грамадска-патрыятычнага абуджэння і актыўнасці, рамантычную энергію няскоранасці і пратэсту, веры ў свае сілы.

Гэй, сільныя духам, сыны Беларусі
Час кінуць ад гора стагнаць!
Ня плакаць ды енчыць, ня гнуцца ў
прымусе, –
А птушкай трэ’ ў неба сягаць! [2, с. 47], –

заклікаў яго лірычны герой. «Дык, гэі-жа, ў магутную стаю злучайцеся, / Узьнімайцеся ўвысь сакалом! / За лепшую долю адважна змагайцеся...» («Покліч»). Шлях да гэтай лепшай долі, гарманічных сацыяльных адносін, свабоды і незалежнасці, на думку паэта, ляжаў праз пераадоленне псіхалогіі пасіўнасці і змірэння, адмаўленне ад састарэлых стэрэатыпаў мыслення і паводзін, асабліваасцей традыцыйнай жыццёвай зададзенасці, праз кансалідацыю намаганняў, адмабілізаваную барацьбу за свае духоўна-патрыятычныя каштоўнасці і ідэалы:

Песьні аб горы старыя дзяды нам сьпявалі.
Слухалі мы іх – і сэрца балела ў грудзёх...
Час той мінуўся, – мы новыя песьні пачалі:
Песьні аб волі – грымочуць цяпер на палёх! [2, с. 42].

П. Сакол разважаў над асабліваасцямі складанага гістарычнага лёсу народа, задумваўся над пытаннем: «Дзе згінула слава? / Гонар Айчыны дзе знік?» («Годзе!»). Паэт сцвярджаў веру ў тое, што, нягледзячы на прыгнёт і засілле ворагаў, «не загіне беларус...» («Хай гром грыміць!»), звяртаўся да брата-суайчынніка з прапановаю-просьбаю паказаць свету, «Што ўжо надаела / Чужынца ярмо» («Сыну Беларусі»). Ён заклікаў сваіх прыхільнікаў, усіх, «каму свой родны дораг кут», пад беларускі нацыянальны сцяг («Ён чыстаты народнай сьведка і яго цяжкай долі знак»),

звязваючы з ім перспектывы развіцця незалежнай Беларусі, яе будучыню («Беларускі сцяг», «Песня крывічоў» і інш.).

Чытаючы згаданыя і іншыя вершы П. Сакола, напрыклад, такія, як «Прымі!», «Над раскіданым вогнішчам», «Свята працоўных», зразумела, нельга не звярнуць увагі на характэрныя асаблівасці духоўна-маральнага свету лірычнага героя паэта, на яго адданасць інтарэсам беларускага народа, «крывічоў удалых», апантанае імкненне паслужыць роднаму краю, маці-Радзіме, на яго веру ў іх жыццёстойкасць, шчаслівы лёс, вольную будучыню. Перад намі паўстае рамантычна акрыленая, адкрытая на знешняе ўспрыманне, досыць гарманічная натура, яна знаходзіцца ў вірлівай куламесе зненлівых грамадскіх працэсаў, сінтэзуе ў сабе актуальныя ідэі шырокага сацыяльнага асяроддзя. Гэта шчыры і сумленны, душэўна чысты і шчодры малады чалавек, які жыве светлымі думкамі, высакароднымі і ахвярнымі мэтамі. У вершы «Прымі!» ён раскрываецца, здаецца, асабліва выразна і пераканаўча, выяўляе сваю духоўную сутнасць праз высокі і ўражлівы ўмоўна-рамантычны жэст. Шчыры патрыёт, адданы сын «Зямлі згнячоных крывічоў» у імя шчаслівай будучыні роднага краю прыпадносіць яму ахвярны дар, кладзе да ягоных ног усё, што мае («Бо спавівае дым ганебны / Твой ясна-сонечны аўтар»):

О, Родны край! З мальбой ахвяру
 Ля ног Тваіх кладу. – Прымі!
 Не адхілай бязшчадна дару!
 Усё, што ёсць, кладу. – Вазьмі!
 .....
 Прымі! Бо злююць яшчэ богі.
 І грозны кліч: ахвяр! дароў!
 Яшчэ трасець лясы, разлогі
 Зямлі згнячоных крывічоў.

Прымі! Спалі! Усе складаю...
 Хай загарыць да зор пажар!
 Прымі! Ты бачыш – усё, што маю,
 Кладу з мальбой на Твой аўтар! [2, с. 41].

Лірычны герой паэта ўяўляў сябе ў высокай рамантычнай іпастасі «вольнага сына неба», «сакола свабоднага» (адсюль і характэрны псеўданім), які быў недасяжны і непадуладны для ліхіх сіл, жалезных кайданаў і ланцугоў: «Хоць я і радзіўся з нядолі народнай, – / Сакол я свабодны! / Я вольны сын неба!» [2, с. 46]. Ён верыў у хуткую свабоду і шчасце роднага краю, імкнуўся да іх, усё магчымае рабіў дзеля іх набліжэння. Сонца, неба, воля, шчасце, надзея, народ бачыліся ім у адным плоскасным вымярэнні, разглядаліся як роднасныя паняцці:

Дарогу мне к сонцу! Дарогу к свабодзе!
 Стучыцца ўжо шчасце к маёму ваконцу.
 Лячу абуджаць я надзею ў народзе, –
 Дарогу к свабодзе! Дарогу мне к сонцу! [2, с. 46].

Вастрыва сацыяльнага погляду, высокі ўзровень грамадзянска-патрыятычнай свядомасці героя, смеласць і бескампраміснасць яго меркаванняў і ацэнак спалучаліся ў лепшых вершах П. Сакола з пранікнёным лірызмам, выяўленнем тонкіх душэўных зрухаў, эмацыянальна-псіхалагічнай напружанасцю. У сваю чаргу ўсхваляваны настрой, насычаная пачуццёвая гама, часта экспрэсіўнае перажыванне грунтаваліся ў іх на ўнутранай канфліктнасці і палемічнасці, кантраснасці аўтарскіх супастаўленняў. У цэлым лірычнае дзеянне забяспечвалася актыўнай, дынамічнай мастацкай формай, выразным вобразна-метафарычным увасабленнем, падтрымлівалася гнуткім рытміка-інтанацыйным гучаннем.

Лірычны герой паэта адчуваў сваю цесную сувязь з нацыянальным духоўным кодам, гістарычным мінулым роднага краю, шматлікімі гераічнымі падзеямі і легендарнымі асобамі, багатым і разнастайным вопытам сваіх дзядоў і прадзедаў. Яго творчасць была звернута да раскрыцця зместу і пафасу бягучых грамадска-сацыяльных з'яў і працэсаў, характэрнага рэтраспектыўнага праецыравання нацыянальна-гістарычнай спадчыны на сучаснасць і будучыню і вызначалася асаблівасцямі суб'ектыўна-лірычнага, эмацыянальна-пачуццёвага мастацкага дыскурсу.

П. Сакол перакладаў творы рускіх і ўкраінскіх паэтаў, прозу Я. Порука і паэзію Я. Райніса. У 1987 г. у Мінску пабачыў свет зборнік яго перакладаў з латышскай мовы «Дайны».

Памёр Пятро Сакол 6 ліпеня 1985 г. у Рызе.

Шмат у чым па-іншаму складваўся жыццёвы і творчы лёс Ганны Новік.

Нарадзілася яна 25 сакавіка 1914 г. у горадзе Аўгустове Сувалкаўскай губерні (цяпер у складзе Польшчы), куды яе бацькі падаліся з роднай Вілейшчыны ў пошуках лепшай долі. Падчас Першай сусветнай вайны сям'я (бацькі і дзве маленькія дачкі), ратуючыся ад голаду і бясхлебіцы, вярнуліся на радзіму бацькі ў вёску Варонічы.

Дзяцінства і юнацтва будучай паэткі і рэвалюцыянеркі было надзвычай цяжкім і гаравітым, поўным суцэльных нягод і выпрабаванняў. Голад, нястачы, штодзённы клопат пра хлеб надзённы садзейнічалі хуткаму пасталенню Г. Новік, паскоранаму фарміраванню яе асобы.

У 1926 г. Г. Новік «на выдатна» скончыла польскую пачатковую школу ў Варонічах, у 1932 – Куранецкую польскую сямігодку.

Падчас навучання ў Куранцы яна далучылася да моладзевага грамадска-культурнага руху, камсамольскага падполля, удзельнічала ў працы самадзейнага тэатра, выконвала ролі герайн Я. Купалы, Ф. Аляхновіча, Л. Родзевіча, М. Чарота, выступала на сходах з чытаннем рэвалюцыйных вершаў, распаўсюджвала забароненую літаратуру і інш.

Пазней Г. Новік працягвала падтрымліваць сувязь з падпольнай камсамольскай ячэйкай у Куранцы, выконваць небяспечныя даручэнні кіраўніцтва. За спробу нелегальна перайсці на чале групы камсамольцаў у складзе 12 чалавек польска-савецкую мяжу 26 чэрвеня 1936 г. яна была арыштавана польскай паліцыяй і асуджана на 2 гады і 8 месяцаў пазбаўлення волі.

Пасля вызвалення (пакаранне адбывала ў Вілейскай турме), працяглы час будучы пад наглядом паліцыі, працавала краўчыхай, шыла вопратку для сялян, добра авалодаўшы гэтай прафесіяй, якая спатрэбіцца ёй і ў гады вайны, і ў пасляваеннае час.

З прыходам Чырвонай Арміі і аб'яднаннем Беларусі Г. Новік далучылася да ажыццяўлення сацыялістычных пераўтварэнняў на Вілейшчыне. Як паўнапраўны дэпутат ад сваёй мясцовасці брала ўдзел у вядомым Народным Сходзе ў Беластоку, працавала намеснікам старшыні Вілейскага райспажыўсаюза. Па просьбе кіраўніцтва Саюза пісьменнікаў БССР яе прызначылі на пасаду інспектара Куранецкага раённага аддзела адукацыі, які валодае польскай мовай. Завочна вучылася ў Мінскай СШ № 47.

У гады вайны жыла ў Варонічах, працавала на гаспадарцы. Спачатку, падтрымліваючы цесныя сувязі з партызанскай брыгадай імя Л. Даватара, шыла шапкі і маскхалаты для народных месціўцаў, а пасля смерці маленькай дачкі ў 1943 г., па яе словах, «хадзіла на заданні, рысавала карты Вілейкі, Куранца, Княгініна, давала звесткі аб колькасці немцаў у гарнізонах, аб іх узбраенні, удзельнічала ў партызанскіх налётах на нямецкія гарнізоны» [3, с. 9].

Пасля вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў Г. Новік выбіралася дэпутатам сельскага савета, працавала засядацелем народнага суда. У 1948 г. была выбрана старшынёй калгаса ў Варонічах, у 1949 – старшынёй сельсавета ў Кузьмічах Вілейскага раёна. З 1950 г. працавала памочнікам начальніка палітаддзела Будслаўскай МТС Крывіцкага раёна Маладзечанскай вобласці. У 1951 г. паступіла на завочнае аддзяленне Мар'інагорскага сельскагаспадарчага тэхнікума, аднак праз два гады з-за абвастрэння хваробы вымушана была пакінуць вучобу, а з 1954 г., у 40 гадоў, і працу ў МТС.

Памерла Ганна Новік 7 студзеня 1997 г. у Вілейцы.

У адрозненне ад П. Сакола творчасць Ганны Новік развівалася ў рэчышчы вядучай у літаратуры Заходняй Беларусі лірыка-апавядальнай мастацка-стылявой плыні, якая жывілася энергіяй шырокіх пластоў насельніцтва, галоўным чынам, сацыяльных нізоў грамадства, іх настроямі і перажываннямі, марамі і спадзяваннямі. Вершы Г. Новік адлюстроўвалі складанасці і драматызм заходнебеларускай рэчаіснасці, народна-вызваленчай барацьбы, раскрывалі ўнутраны свет маладой падпольшчыцы, якая, нягледзячы на вобыскі і арышты, пераслед «апекуноў» ад дэфензівы, была дарэшты аддадзена ідэалам свабоды. У яе творах прасочвалася няскоранасць цяжкім абставінам жыцця, адстойвалася сацыяльная справядлівасць і чалавечая годнасць, вера ў вызваленне. Паэтэса імкнулася складаць такую песню,

Каб моладзь, старыя, усе, хто жыве тут,
 Браў гарт з яе слоў,
 Хоць сцежкай вузкою – упарта да мэты
 Заўсёды ішоў.
 Каб песню любілі на полі, у хатцы,
 І чулі ўсе,
 Што з ёю не сорам за долю змагацца,
 Бо сілу нясе [3, с. 24].

Паэзія атаясамлівалася ў свядомасці Г. Новік з ідэямі барацьбы за праўду і справядлівасць, за свабоду народа і росквіт роднага краю. Арышты і допыты ў дэфензіве яе не спалохалі і не скарылі. Нягледзячы на шматлікія цяжкасці і перашкоды, на пераслед і катаванні, паэтка не адступалася ад свайго, па-ранейшаму мела смак да жыцця, барацьбы, творчасці.

Ды не сполах асеў на мой твар і на вочы,
 Толькі сум і туга, крыху стомленасць, боль.
 Думка рыфмы складае бяссонную ноччу
 І ляціць, мой старэйшы калега, з табой [4, с. 16], –

сцвярджала яна, звяртаючыся да свайго старэйшага калегі і таварыша па барацьбе і творчасці.

Мастацкі свет паэзіі Г. Новік звяртае на сябе ўвагу свежасцю эмацыянальна-вобразнага ўспрымання з’яў і працэсаў, насычанасцю пачуццёвым зместам. Аб’ектыўна-выяўленчая складаная пераплятаецца ў ім з суб’ектыўна-лірычнай.

Лірыка-апавядальны характар светаадчування абуджаў творчае мысленне Г. Новік, актывізаваў яе думку і пачуццё. У вершы «Вобыск» паэтэса апісвае той працэс, калі неўзабаве «шэры быт заменіць завіруха, / Звон ланцугоў» [3, с. 33]:

Ізноў утрох мне зрылі дум архівы,
 Раздзерлі раны свежыя душы.
 Ізноў сыпнулі градам мне на ніву
 І ў чыстасць шыб.
 .....
 Ізноў вялі ў знаёмую кватэру:
 За мной вінтоўка, штык і апякун.
 Забралі шмат, пакінулі ўсё ж веру,
 Пяро, руку [3, с. 33].

Паэтэса выходзіла з таго, што «Доля не прыйдзе з імшою нядзельнай, / Дождж яе з хмар не зліе» («Вёсцы»). Яна прапаведавала рух, дзеянне, сцвярджала энергію ўздому, змаганне. У вершы «Мая рада» паэтэса заклікала свайго таварыша па барацьбе вызваляць «свой дух» «ад штодзённых клопот» і ляцець туды, куды «не ўсе далятаюць». «За свабодны ўзлёт / І за вольную думку аб працы, – казала яна. – Сёння толькі муры, краты, пугі і дрот... Каб зламаць гэта ўсё і свабодна ўздыхнуць, / Трэба ўзлётны маёвымі днямі...» [3, с. 27]. Слова Г. Новік дыхала тэмпераментам, у ім адчуваліся гарт душы, характар, сіла духу, цвёрдая воля. «Нашы грудзі напоўнены жарам, / Распаліў бы граніты і сталь, – чытаем у вершы «Не на тое», – Загарэліся б воды пажарам, / Растапілі б сняжыстую даль»:

Хоць мы з вёсак і цесных падворкаў,
 Хоць мы з цёмных лясоў, хмызнякоў,
 Свеціць мэта нам яснаю зоркай,
 Непагасным свяцілам вякоў.

Хоць мы з сцежак вузкіх, бездарожжа,
 З цемнаты, дзе гаруе народ,
 Калі пець пачалі – ну дык можам
 І не кінем пачатых работ [3, с. 36].

Рэвалюцыйная тэндэнцыйнасць паэтэсы тут відавочная, але яна не адпавядае прынцыпам жорсткага радыкалізму, наступальна-агрэсіўнай ваяўнічасці і непрымірымасці.

Трывожныя думкі і пачуцці, душэўныя перажыванні ў Г. Новік, як правіла, праецыруюцца на з’явы прыроднага свету, выяўляюцца ў драматызаваных пейзажных карцінах і малюнках:

Ноччу зімовай мяцеліца пела,
Снегам бяліла абшар,
Рэзаў мне вецер схуднелае цела,
Крыллем тугім сек у твар.

Коні храплі, пад санямі скрыпела,
З лесам зліліся, сцягнуўшы, палі,
Штось завіруха хаўтурнае пела
У пачарнелым галлі [4, с. 7].

(“Паўторны арышт”)

Як бачым, у сваёй творчасці Г. Новік сцвярджала асновы этнакультурнай ідэнтычнасці беларуса, паэтызавала яго духоўна-нацыянальную своеадметнасць і непаўторнасць. У вершы «Брату ў дарозе» яна натхнёна заклікала свайго пабраціма па духу, веры і барацьбе заўсёды памятаць пра сваё паходжанне і сваю сутнасць і не адмаўляцца ад іх:

Ці прыйдзеца ноччу блукаць па разорах,
Ці можа без сцежак брысці праз балота,
Я знаю, прайдзеш, загартованы горам,
Адно не забудзься: адкуль ты і хто ты.

Спытаюць цябе мо’ паны ці сяляне
На нейкім прывале ці ў часе работы,
Мо’ шпіцаль-падлюга у вочы загляне, –
Скажы ўсім адважна – адкуль ты і хто ты [4, с. 14].

Беларуса Г. Новік малое як добразычлівую, памяркоўную асобу, як сціплага, спакойнага, працавітага чалавека, вернага свайму грамадзянска-патрыятычнаму абавязку. Ён шмат працуе, многае церпіць, пакутуе, але да пэўнай пары.

Г. Новік умела выкарыстоўвала элементы сатыры і гумару, іроніі і самаіроніі, шаржу і гратэску, якія, несумненна, з’яўляюцца адзнакай духоўна-маральнай самадастатковасці яе асобы.

Вершы Г. Новік звяртаюць на сябе ўвагу не толькі сваім праблемна-тэматычным зместам (паэтка піша пра цяжкое жыццё рабочых і сялян Заходняй Беларусі, беднасць і нястачу ў краі, самаадданую барацьбу адважных патрыётаў за свабоду і справядлівасць), але і самой лірыка-драматызаванай вобразнасцю, самавітай паэтыкай, кражыстым сінтаксісам. Ёй дастаткова лічальных штрыхоў, каб абмаляваць з’яву, раскрыць працэс, стварыць малюнак, выявіць стан гераіні, свет яе думак і перажыванняў. Маючы на ўвазе лепшыя вершы Г. Новік заходнебеларускага перыяду «Скрыпяць вароты...», «Мае жаданні», «Брату ў дарозе», «Развітанне», Р. Бярозкін у рэцэнзіі на яе зборнік «Мае вёсны», несумненна, абгрунтавана заўважаў: «Народжаныя самымі тыповымі, сацыяльна значнымі перажываннямі, гэтыя вершы з’яўляюцца разам з тым і творамі індывідуальнай паэзіі, бо ў іх відзён тэмперамент паэта, які ўмее гаварыць за многіх» [5, с. 3].

Натуральна, Г. Новік горача вітала прыход Чырвонай Арміі і аб’яднанне Беларусі восенню 1939 г. Вершы паэткі гэтай пары прасякнуты хвалюючым адчуваннем свабоды, нябачнага прастору, размаху агромністай краіны, творчых здзяйсненняў яе шматнацыянальнага народа, да якіх цяпер яна належала, вялікіх магчымасцей, што адкрываліся перад яе лірычнай гераіняй і ўсім народам Заходняй Беларусі.

Не магу я сядзець у пакоі сваім,
Сёння радасць мяне ахапіла.
Недакончаны верш аб мінулым-былым
На стале пакрываецца пылам.
.....
Прада мною – прастор і навокал – прастор,
Не звяняць ланцугі, слёз не бачу,
І іскрыцца прастор: сцягі волі і зор,
След знікае ад долі жабрачай [4, с. 20], –

шчыра прызнавалася яна ў адным з вершаў у кастрычніку 1939 г. Лірычная гераіня Г. Новік нарэшце ўздыхнула на поўныя грудзі. Тое, пра што раней яна толькі марыла, станавілася явай, ува-

саблялася ў жыццё – сяляне атрымлівалі зямлю, рабочыя – працу, моладзь набывала магчымасць вучыцца на роднай мове ў школах, сярэдніх спецыяльных і вышэйшых навучальных установах. Паўсюль адкрываліся дзіцячыя садкі, установы асветы, адукацыі, культуры, аховы здароўя. Працавалі тэатры, музеі, бібліятэкі, чытальні, радыё, масава выходзілі на беларускай мове газеты, часопісы, кнігі. Паэтэса спрабуе ўсё гэта асэнсаваць, спрабуе адгукнуцца на тыя маштабныя падзеі і пераўтварэнні, якія ахапілі яе родны край, адлюстравіць іх, даць ім сваю ацэнку.

Сваю, адметную, жыццёвую дарогу прайшоў Анатоль Бярозка (сапр. – Мацей Смаршчок), які нарадзіўся 19 лютага 1915 г. у вёсцы Падлессе Баранавіцкага павета (цяпер Ляхавіцкі раён Брэсцкай вобласці). Вучыўся ў пачатковай школе ў Падлессі, у Ляхавіцкай школе, у Баранавіцкай гімназіі, на медыцынскім факультэце Віленскага ўніверсітэта імя Стэфана Баторыя. Вучобу ва ўніверсітэце ў 1937–1939 гг. сумяшчаў з працай у ім на кафедры фізіялогіі асістэнтам прафесара.

У 1939 г. А. Бярозка разам з іншымі сябрамі Беларускага студэнцкага саюза выдаваў рукапісны сатырычна-гумарыстычны часопіс «З-за плоту». У другім нумары часопіса паэт апублікаваў сваю «Оду да Сталіна», у якой прагучала рэзкая крытыка асобы «бацькі ўсіх народаў». Пасля ўз'яднання Беларусі часопісам і яго выдаўцамі, у тым ліку і аўтарам оды, зацікавіліся супрацоўнікі НКУС. У выніку з восені 1939 г. А. Бярозка займаўся лекарскай дзейнасцю спачатку ў Івацэвічах, а затым у Пінску. Падчас вайны працаваў у Баранавіцкім шпіталі, дырэктарам мясцовай медыцынскай школы. Пасля яе закрыцця немцамі ў 1944 г. выехаў да сваякоў у Познань. Там пры нявысветленых абставінах быў арыштаваны гестапа, вывезены ў Германію і кінуты ў канцлагер Нордхаузен. Аднак ацалеў.

Пасля вайны, у 1948 г., А. Бярозка пераехаў у ЗША. З 1952 г. працаваў доктарам у доме для састарэлых, у клініцы пры ўніверсітэце штата Мінесота, дзе на поўную сілу раскрыліся яго здольнасці выдатнага лекара. Варта заўважыць, што за вялікія заслугі ў сферы медыцынскай дзейнасці ЗША 20 красавіка 1986 г. аднаму з дамоў састарэлых у Мантысэла было прысвоена імя доктара Мацея Смаршчка. А. Бярозка актыўна займаўся дабрачыннай дзейнасцю, ён шмат дапамагаў у лясенні ў ЗША беларускіх дзяцей, пацярпелых ад Чарнобыльскай катастрофы.

Складаць вершы Анатоль Бярозка пачаў даволі рана, па яго словах, «як толькі навучыўся чытаць і пісаць». Некаторыя творы паэта друкаваліся ў заходнебеларускіх часопісах «Заранка», «Шлях моладзі» і «Калоссе». Лепшыя з іх ён выдаў за свой кошт асобным зборнічкам пад характэрнай назвай «Адзінаццаць вершаў» (у арыгінале і ў паралельным аўтарскім перакладзе на англійскую мову) адмыслова для Беларускага інстытута навукі і мастацтва толькі ў 1989 г. у Мантысэла. Цікава, што вершы ў ім не надрукаваны, а напісаны прыгожым каліграфічным почыркам. У 2004 г., ужо напрыканцы жыцця А. Бярозкі, стараннямі старшыні Мінскага культурна-асветніцкага клуба «Спадчына» А. Белага выйшла яго кніга «Выбранае» ў Мінску. Яе склалі вершы, пераклады, успаміны паэта, артыкулы пра яго жыццё і творчасць, некаторыя фотадакументы.

Творчасць А. Бярозкі была звернута да выяўлення духоўна-эстэтычнага, пачуццёвага, псіхалагічнага зместу жыцця прыроды, грамадства і чалавека, шматлікіх сувязей і дачыненняў, якія раскрывалі іх узаемадзеянне. Яго найперш цікавіла ўнутранае напаўненне працэсаў і фактаў, той універсальны і безумоўны пачатак, што вызначаў функцыянаванне ўсяго жывога і нежывога на зямлі. Гэты пачатак не заўсёды выразна акрэсліваўся на паверхні і не заўжды паддаваўся звыклым формам успрымання, але без яго ўсведамлення нельга было асэнсаваць сваё месца ў шырокай прасторы аб'ектыўных рэалій і патэнцыяльных магчымасцей. Асаблівай увагай паэта карысталіся тыя з'явы і прадметы, якія раскрывалі, з аднаго боку, «пагранічны стан прыроды і душы», а з другога – далучанасць духоўнай свядомасці асобы да сусветнага адзінства, касмічнага цэлага:

Ноч сьціхла. Імгла над зямлёю насілась
І ледзь-ледзь прыметна трава варушылась,
Здалёка дзесь шум данасіўся.
І месяц задуманы выплыў над борам

І жабы ў балоце азваліся хорам...
Туман над ракою зьявіўся.
Шаптала штось вішня таполі ля хаты,
Пад імі вясёла пялі дзяўчаты;

У лесе глухім штось гукала...
 Над рэчкай таёмныя цені мігали –
 А песьні ліліся, душу калыхалі –
 І сэрца чагосьці чакала.

(«Фрагмэнт»)

Ідэйна-эстэтычныя пошукі А. Бярозкі характарызуваліся своеасаблівай плыннасцю духоўнай свядомасці, зменлівай рухомасцю маральна-псіхалагічнага свету, добрым спалучэннем думкі і пачуцця. У іх знайшлі ўвасабленне духоўна-сацыяльныя аспекты жыцця асобы, якая знаходзілася ў стане драматычнай разломленасці, душэўнай трывогі, сумненняў і пакут, мінорнага настрою. Яна адчувала цяжар праблем і супярэчнасцей заходнебеларускай рэчаіснасці, неадпаведнасць у ёй рэальнага і жаданага, недавыяўленасць маральна-эстэтычнага пачатку. Мастацкую стылістыку А. Бярозкі вызначалі змрочна-тужлівыя думы-мары, вобразы туману, які «разаслаўся над соннай зямлёю», цёмнай ночкі, што «завесай густою Паўзе праз папары, лугі, сенажаць...» («Туман разаслаўся над соннай зямлёю...»), навіслай «заслонаю маўклівай» імглы, патухлых мрояў і надзей («Заснула ноч. Павіслі ціха зоры...»), вечару, які «пад стрэхамі сьніць сваю думу-тугу векавую...» («Поле, далёка – шырока поле... і неба над полем...»), парваных струн, разбітага сэрца («Парвалася струна...»), цёмных дум, што кружацца «вараньнем над галавою» («Ты сустрэнь мяне, о поле, шыр-прасторамі...»). Лірычнае перажыванне аўтара было насычана падкрэсленым драматычным зместам. Яго рух забяспечваўся цікавымі формамі спалучэння асабістага, малога і грамадскага, вялікага, прыроднага і сацыяльнага, рэалістычнага, прадметна-рэчыўнага і абстрактнага, іншасказальнага, алегарычна-сімвалічнага: «Прасьцягам палёў бесканечным / Цёмныя цені крадуцца, паўзуць, заліваюць / Воблакі, неба, зямлю...» («Ноч ідзе...»); «Цені кладуцца на думках і тушаць надзеі. / Ў сэрца бяз веры / Ім адчыніла туга-адзінота шырокія дзевы» («Адзінота...»); «Боль павіс на кляновым гальлі... / Восень жорстка абдзёрла бярозы і ў дарожную гразь затаптала бяз жалю сухія лісты... / Валавянае неба лье сьлёзы...» («Над разорамі чорных палёў, разаслаўшыся хваляй шырокай...»); «Хаты, ўрослыя ў чорную гразь, / закарэлыя ў болі векавою тугою на браклі / ды сабраці суляць жніво там, дзе косьці нямыя бацькоў парохнеюць пад мохам» («Credo in duos deos»). Канкрэтна-пачуццёвае А. Бярозка суадносіў з умоўна-асацыятыўным, зрокавае з псіхалагічным, матэрыяльнае, будзённа-побытавае з духоўным, тым, што абумоўлівалася светам ідэйна-маральных прынцыпаў і каштоўнасцей лірычнага героя.

Разам з тым А. Бярозка сведчыў аб пераадоленні пачуццяў няпэўнасці, зняверанасці і трывогі, магчымай бяды і няшчасця («Пяі аб вясне!», «Збудзіся, Крывіч, з пад нявольнага сну...» і інш.). Ён быў скіраваны да прасвятлення ісціны, актыўнага пошуку праўды і справядлівасці, дабра і гармоніі. У імкненні да іх чалавек мусіць пераадоляваць не толькі знешнія цяжкасці і перашкоды, але і самога сябе. Адчуваючы складаную дыялектыку жыццёвых працэсаў, паэт шукаў маральна-псіхалагічнай раўнавагі, гарманічных форм узаемадзеяння сваёй спакутаванай душы, грамадскага асяроддзя і сусветнага цэлага, Провіду Богага. Паэт заглыбляўся ў асновы прыроднага свету, знаёміўся з яго зменамі і пераўтварэннямі, якія досыць часта праецыраваліся ім на характэрныя асаблівасці грамадска-сацыяльнага жыцця. Ён сувымяраў свой светапоглядны і душэўна-псіхалагічны стан з валадаром палёў асеннім віхрам, што бушаваў над ракою, гнаў «плоймы лянiвых, расьцягнутых хмар», сек «землю халодным дажджом» («О, васенні віхор, ты мой друг, ты мой брат!...»), з кветкамі, якія «ўзраслі / Ў туманах восені, на апусьцеўшым полі» і якім суджана «многа болю / Зьянсьці гаручага і многа сьлёз праліць / І без надзей, без лятуценняў жыць / І згінуць без пары, бяз сьветлых сноў...» («Васенні кветкам»), з тым, што прынесла з сабою майская ноч-чарадзейка («Ціхутка траўнёвая ноч падышла...»), з снегавай красуляй-зімой, якая вярнулася з далёкіх краёў і «Шырока... лягла сярод лясоў, лугоў...» («Вітай, вітай, зіма, халодна наша маці!...») і інш. Трэба адзначыць, што А. Бярозка ў многім арыентаваўся на мастацкі вопыт М. Багдановіча і Н. Арсенневай, праз рэфлексіўную мінорнасць і тужлівую самоту ён сцвярджаў імкненне да прыгожага і гарманічнага, дасканаллага і вечнага. Паэт усаўляў красу і хараство, чыстае, светлае, высакароднае ў жыцці прыроды і грамадства, сведчыў пра эстэтызацыю з'яў і працэсаў навакольнага свету, вытанчанасць перажыванняў, лірычную пранікнёнасць і пяшчотнасць тонаў. Напрыклад, у вершы-абразку «Ён выйшаў на загон...» А. Бярозка паэтыза-

ваў жыццядайную хлебаробскую місію, працу аратага і сейбіта, якая сімвалізавала адвечную звернутасць народа ў будучыню, надзею на заўтрашні дзень.

Як вядома, прырода прасякнута гарманічным пачаткам, насычана красой і ісцінай, таемным і невычэрпным зместам. Адчуванне духоўна-эстэтычнай блізкасці, суладнасці з ёю актывізавала мастацкую свядомасць А. Бярозкі, абвастрала светаўспрыманне, садзейнічала шчырасці і глыбіні мыслення. Значнае месца ў яго творчасці належала таямніча-загадкаваму, містычнаму пачатку, таму, што фактычна не ўтрымлівала ў сабе рэальнай асновы рэчаў, не было забяспечана канкрэтна-гістарычным грунтам. Мастацка-вобразныя структуры паэта не заўсёды выразна і дакладна адаптаваліся да з’яў і працэсаў, якія яны раскрывалі, іх сувязі з прадметным светам рэчаіснасці часта выглядалі калі не зусім парушанымі, дык істотна паслабленымі. А. Бярозка ствараў досыць неадназначныя, незвычайныя, непасветленыя па сваім зместавым напаўненні малюнкi, якім была ўласціва прыкметная ступень містычнасці і арнаментальнасці. Гэта добра відаць на прыкладзе верша «Снягі... снягі... снягі... І шэры дзень зімовы...». Пачатак яго, здаецца, абяцае разгортванне тыповага пейзажнага эцюда ў лірыка-апаэтычным ключы з характэрным псіхалагічным адценнем. Зіма, снег, маўклівыя палі, пануры лес, злосны вецер... Праўда, ужо тут кідаюцца ў вочы дэталі, якія паэт акрэслівае нібы незнарок, як нешта нязначнае і ўскоснае: «Аб нечым сэрца сьніць... / На думкі вольныя нуда кладзе аковы» [6, с. 27]. Дзеянне верша рухаецца далей, і паступова знешнія абрысы рэалістычнага малюнка змяняюцца яго ўнутраным, сімвалічным, планам, тым, што аўтар убачыў у зімай завірусе. Вецер не проста «Мяце і круціць віхрам сьнежны пыл», ён выступае ў якасці непасрэднага ўдзельніка складанага містычнага акта: «З над глухіх курганаў, з над магіл / Таёмны кліч са сьнегам ў даль нясецца...»:

Ён кліча тых, што гнуцца пад цяжарам
Жыцьцёвых мук, на вечны супакой –
І бледны цень з іржаваю касой
Бясслёўна цягнецца асьнежаным папарам... [6, с. 27].

Што ж гэта за «цень з іржаваю касой», які цяжкаю ступою маўкліва рухаецца заснежаным полем? «Ня біся, сэрца!.. – кажа паэт. – Гэта сьмерці цень... / Яго навёў зімовы шэры дзень...» [6, с. 27]. Аб’ектыўнае, рэалістычнае пераплятаецца тут з суб’ектыўным, ірэальным, матэрыяльнае, рэчыўнае – з ідэальным, падсвядомым, інтуітыўным, тым, што не пазнаецца з дапамогай звычайных органаў адчування.

Духоўна-ірацыянальным пачаткам пазначаны верш А. Бярозкі «Адзінота...», у якім таксама раскрываліся містычныя перажыванні. Вечар, «Глуш... Цішыня...», адзінота... Душу лірычнага героя паэта агортвалі туга і бязвер’е, няпэўнасць і абьякавасць, усё здавалася яму шэрым, безаблічным і бессэнсоўным. Ён настойліва шукаў унутраных магчымасцей, каб неяк ускалыхнуць свой духоўна-псіхалагічны стан, абудзіць у сабе цікавасць да жыцця, навакольных з’яў і працэсаў, надзею на дабро і шчасце («Можа зноў зварухнуцца у глыбях душы залатыя надзеі? / Можа блескі апошнія дня / Яшчэ блескаў апошніх у сэрцы ня стушаць?»), спадзяваўся на дапамогу знешняга свету («Можа голас якісьці ажывіць смяротную ціш? / Мо хоць скрыпнуць вароты?»). Аднак не, наўкол панавалі глуш і «цемра бяз дна...». І раптам перад яго вачамі пачала разгортвацца незвычайная карціна, поўная таямнічай загадкавасці і сімвалічнага зместу:

А там... з цемры ўстае здань-зладзейка
І паўзе па сьцяне; злудай нейкай
Свае доўгія пальцы снуе па кутах...
І на сэрца трывожнае падае страх.
Хто ты, мара праклятая? Хто ты?
Цемра ўкруг... Цішыня... Адзінота... [6, с. 43].

А. Бярозка быў звернуты ў сферу метафізічнага, ідэальных сутнасцей, да безумоўнага, абсалютнага пачатку, яго духоўна-маральны свет, мастацкія пошукі падтрымліваліся рэлігійна-хрысціянскімі каштоўнасцямі і прынцыпамі. Паэт быў перакананы ў тым, што ўсё матэрыяльнае імкнецца да сувязі і аб’яднання з духоўным, малое, недасканалое, часовае – з вялікім, дасканалым, вечным. Абсалютная сутнасць, Бог, – гэта вялікая, універсальная сіла, тая субстанцыя, якая ўсё ў сабе ўтрымлівае, усім валодае і ўсё вызначае. Для яе няма межаў і перашкод. Гэта мэта развіцця

любой з’явы і працэсу, усяго прыроднага і гістарычнага руху і ўдасканалення. Бог супрацьстаіць стыхіі і хаосу, граху і насіллю, забяспечвае парадак і гармонію ў свеце, арганізуе яго ў адзінае цэлае на аснове высокага жыццядайнага пачатку, дабратворнага сэнсу. Дадзеная ідэя знайшла адметную рэалізацыю ў вершы А. Бярозкі «Шуміць Нёман...». Гудзе вецер, «шумяць сухія асокі», мчыцца, імкне «ў бурлівай пянiстых хрыбтоў чарадзе» «ў бездарожны, далёкі прастор» гаманлівы Нёман. Што чакае яго наперадзе? «Мо’ няма там нуды, / Ні няволі, няшчасця і сьлёз?» – ставіў рытарычнае пытанне паэт. Можа, яго напаткае ўдача і ён сустрэне праўду, роўнасць, дабро і шчасце...

Можа хвалі імкнуцца туды,
Дзе пад ціхімі іскрамі зор
Расьцьвітаюць вясны лятуценні
І дзе сонца зіяюць ірдзеньні,
Дзе апошні энк болю заціх,
І дзе ў сэрцах людзкіх
Хрыстос ускрос?.. [6, с. 32].

Такім чынам, А. Бярозка быў скіраваны да ідэі эстэтызацыі з’яў і працэсаў рэчаіснасці, сцвярджэння характа, духоўнай напоўненасці жыцця. Услед за некаторымі іншымі заходнебеларускімі паэтамі, напрыклад, Казімірам Сваяком, Вінцуком Адважным, ён зыходзіў з таго, што ў красе ўвасабляецца ідэальны пачатак свету. Утрымліваючы ў сабе прыгожае, матэрыяльныя з’явы і прадметы выступаюць носьбітамі дабра і ісціны, якія ў сваю чаргу могуць рэалізавацца толькі ў святле, красе і гармоніі. Чалавек успрымае прыгожае, высокую эстэтыку жыцця і свету, і тым самым далучаецца да яго ідэальнай першаасновы – Праўды Божай. Шмат у чым паказальным тут з’яўляецца верш А. Бярозкі «Ноч навiсла над соннай зямлэй...». «Як духаў рой, / Чары ляглі / Над даліной, / Разаслаўшы імглы / Палатніны... – чытаем у ім. – Сьпіць нябесны прастор... / Вышы неба зіяюць брылянтамі зор, / Як агністаю тысячай воч» [6, с. 24]. Перад чытачом разгортаецца малюнак, які звяртае на сябе ўвагу таямнічай загадкавасцю зместу, духоўна-эстэтычнай прасветленасцю, насычанасцю біблейскай сімволікай:

Ударыў голас медзі ў склеп нябёс
І над зямлэй магутна абвясціў:
«Хрыстос Ускрос!..»
Надзеі сьветлых дзён
Прабудзіў
У збалелай душы.
Ўсё замоўкла, самлела ў цішы...
Хрыстос Ускрос! – шапнулі ціха зоры;
Хрыстос Ускрос! – адклікнулась зямля.
І ўсё заціхла у пакоры
Прад сыцягам неба караля [6, с. 24–25].

Дабро, ісціна і краса стымулююць патэнцыяльныя сілы і магчымасці чалавека, актывізуюць яго жыццядзейнасць, накіраваную на пераўтварэнне рэчаіснасці. Місія Хрыста – аб’яднанне ўсіх і ўсяго на глебе праўды і справядлівасці, любові і міласэрнасці, дабра і шчасця, красы і гармоніі. Паэтызуючы ўваскрэсенне Хрыста, А. Бярозка сцвярджаў ідэю ўсеагульнага ўваскрэсення, неабходнасці дабратворных змен і пераўтварэнняў у бядовым лёсе спакутаванага заходнебеларускага народа, увасаблення ў грамадстве ўсёдаравання і салідарнасці, свабоды, роўнасці і брацтва. Слова паэта насычалася адмабілізаваным зместам, заклікавымі інтанацыямі:

Ці чуеш, брат-Крывіч?
Гудуць званы, гудуць...
Свабоды кліч!..
Збудзісь, Крывіч!
Званы ўскрасення б’юць [6, с. 25].

Вера ў Хрыста дапаможа беларусам перамагчы ліха, абараніць сябе ў супрацьстаянні са змрочнымі сіламі, выйсці на новыя шляхі развіцця і жыццядзейнасці. Гэтая ідэя з’яўляецца зместаваўтваральнаю і ў вершы «Хрыстос Ускрос!»:

Хрыстос Ускрос! Прышла вясна.
Хай прападзе бяда й няшчасце,
Хай Беларусь устане з сна
І запануе ўсюды шчасце!
Ручай аковы свае знёс,
Зьвініць нам песня ўскрасеньня,
Каханьня, шчасця прабачэння –
Хрыстос Ускрос! [6, с. 25].

У рэлігійна-хрысціянскай першакрыніцы – веры Хрыстовай – А. Бярозка бачыў станоўчы грамадскі ідэал, у святле якога чалавек павінен весці сваё ўдасканаленне. Яна вучыць яго стрыманасці і цяпернасці, любові і міласэрнасці, дае сілы і натхненне, надзею на дабро і шчасце. Менавіта ў любові чалавек адчувае высокую Божую сілу, якая дазваляе яму рэалізаваць ідэю пераўзнаўлення свету.

Жывучы ў эміграцыі ў г. Мантысела, А. Бярозка цалкам адышоў ад літаратурнай творчасці. Памёр 20 чэрвеня 2008 г., пражыўшы 93 гады.

Высновы. Ідэйна-мастацкім пошукам Пятра Сакола, Ганны Новік і Анатоля Бярозкі належыць прыкметнае месца ў літаратурнай гісторыі Заходняй Беларусі. Яны былі глыбока заангажаваны ў складаных і супярэчлівых працэсах заходнебеларускай рэчаіснасці і яскрава выявілі асаблівасці духоўна-сацыяльнай свядомасці, жыццядзейнасці народа на адным з самых няпростых этапаў яго гістарычнага развіцця – ва ўмовах інкарпарацыі ў Польшчу. Вершы паэтаў вызначаліся натуральнасцю мастацкага дыскурсу, дакладнай перадачай думкі і настрою, прадметна-пачуццёвай канкрэтнасцю і выразнасцю малюнка, характэрнай плоцеваасцю слова.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Панізнiк, С. С. Сакол Пятро / С. С. Панізнiк // Беларускія пісьменнікі: біябібліягр. слоўн.: у 6 т. / Ін-т літ. Акад. навук Беларусі, Беларус. энцыкл. – Мінск, 1995. – Т. 5: Пестрак – Сяўрук. – С. 232.
2. Сакол, П. На світанні: першы зборнік вершаў / П. Сакол. – Рыга: Беларус. выд-ва ў Латвіі, 1929. – 72 с.
3. Новік, Г. Мая Вілейшчына: выбранае: вершы / Г. Новік. – Мінск: НЭССІ, 1996. – 112 с.
4. Новік, Г. Мае вёсны: [вершы] / Г. Новік. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, Рэд. маст. літ., 1961. – 34 с.
5. Бярозкін, Р. Пошукі патрэбны! / Р. Бярозкін // ЛіМ. – 1961. – 29 снеж. – С. 3. – Рэц. на зб.: Новік, Г. Мае вёсны / Г. Новік. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, Рэд. маст. літ., 1961. – 34 с.
6. Бярозка, А. Выбранае / А. Бярозка. – Мінск: Тэхнапрынт, 2004. – 193 с.

References

1. Paniznik S. S. Sakol Piatro. *Belarusian writers: biobibliographical dictionary. Vol. 5.* Minsk, 1995, p. 232 (in Belarusian).
2. Sakol P. *At dawn: first collection of poetry.* Ryga, Belarusian publishing house in Latvia, 1929. 72 p. (in Belarusian).
3. Novik H. *My Vileika region: selected poems.* Minsk, NESSY Publ., 1996. 112 p. (in Belarusian).
4. Novik H. *My springs.* Minsk, State Publishing House of the BSSR, Editing of Artistic Literature, 1961. 34 p. (in Belarusian).
5. Byarozkin R. Search is Necessary! *Litaratura i mastatstva* [Literature and Art], 1961, 29 December, p. 3. Review of the collection: Novik G. My springs. Minsk, State Publishing House of the BSSR, Editing of Artistic Literature, 1961. 34 p. (in Belarusian).
6. Byarozka A. *Vybranae.* Minsk, Tekhnaprynt Publ., 2004. 193 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Микулич Николай Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом взаимосвязей литератур. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mikmik43@gmail.com

Information about the author

Mikalai U. Mikulich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Literature Interrelations. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mikmik43@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 821.161.1:[82.02:7.01]

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-321-332>

Поступила в редакцию 26.08.2024

Received 26.08.2024

Т. В. Данилович*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь***ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ – СТОРОННИКОВ АВТОНОМИИ ИСКУССТВА О ПРИЧИНАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ УТИЛИТАРНОГО ПОДХОДА К ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация. Статья посвящена осмыслению трактовки русскими писателями разных историко-культурных эпох (А. Фетом, А. Дружининым, Н. Минским, Д. Мережковским, В. Брюсовым, А. Блоком, Эллисом, Д. Бурлюком, М. Цветаевой, Е. Замятиным, А. Воронским, Л. Лунцем, В. Набоковым, Н. Ульяновым, Е. Кропивницким, А. Синявским, С. Довлатовым), отстаивающими в своей литературной критике свободу и самоценность искусства, мотивов прагматического отношения их оппонентов к литературе. Показывается широкий причинный спектр утилитарного подхода к художественному творчеству, выявляемый обозначенными мастерами слова. Отмечается разнородность этих причин с точки зрения цели литератора – утилитариста, внешних обстоятельств, объекта влияния, степени самостоятельности выбора прагматического пути в литературе. Выделяются рассматриваемые представителями русской словесности – апологетами самодостаточности и независимости искусства специфически национальные доводы в пользу утилитаризма. Обозначаются мотивы деятельности писателей утилитарного толка, вызывающие симпатию и уважение у ряда художников слова, отстаивающих идею автономии искусства. Указывается на существование таких ситуаций в общественной жизни, которые последние рассматривают как условия, оправдывающие и даже делающие необходимым выбор утилитарного подхода к художественному творчеству и литературной критике.

Ключевые слова: автономия искусства, прагматическое отношение к литературе, свобода слова, коммерциализация искусства, традиция учительства в русской литературе, вкусы и интересы читательской публики, публицистическая критика

Для цитирования: Данилович, Т. В. Представления русских писателей – сторонников автономии искусства о причинах существования утилитарного подхода к литературе / Т. В. Данилович // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 321–332. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-321-332>

Tatiana V. Danilovich*Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus***REASONS FOR THE EXISTENCE OF THE UTILITARIAN APPROACH TO LITERATURE IN RUSSIAN WRITERS – SUPPORTERS OF THE AUTONOMY OF ART'S IDEAS**

Abstract. The article is devoted to understanding how Russian writers, who defend the freedom and intrinsic value of art in their literary criticism (A. Fet, A. Druzhinin, N. Minsky, D. Merezhkovsky, V. Bryusov, A. Blok, Ellis, D. Burluk, M. Tsvetaeva, E. Zamyatin, A. Voronsky, L. Lunts, V. Nabokov, N. Ulyanov, E. Kropivnitsky, A. Sinyavsky, S. Dovlatov), interpret the reasons for the utilitarian approach to literature. It is shown that the designated artists in words reveal a wide range of motives for a pragmatic view of artistic creativity. The heterogeneity of these motives is noted from the point of view of the utilitarian writer's goal, external circumstances, object of influence, and the degree of independence in choosing the pragmatic path in literature. Specific national arguments in favor of utilitarianism considered by apologists for the idea of self-sufficiency and independence of art are highlighted. The motives of the activity of the utilitarian writers which evoke sympathy and respect among a number of representatives of Russian literature who defend the autonomy of art are outlined. The existence of such situations in public life is indicated, which supporters of freedom and the intrinsic value of art consider as conditions justifying and even making necessary the choice of a utilitarian approach to literature and literary criticism.

Keywords: autonomy of art, pragmatic attitude to literature, freedom of speech, commercialization of art, tradition of teaching in Russian literature, tastes and interests of the reading public, journalistic criticism

For citation: Danilovich T. V. Reasons for the existence of the utilitarian approach to literature in Russian writers – supporters of the autonomy of art's ideas. *Vesti Natsyonal'nai akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh nauk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 321–332 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-321-332>

Введение. В русской литературе разных историко-культурных эпох есть художники слова, которые на протяжении всего творческого пути или отдельных периодов творчества активно отстаивают идеи уникальности искусства в ряду других областей человеческой деятельности,

его свободы, самооценности и самодостаточности. К числу этих писателей принадлежат А. Фет, А. Дружинин, Н. Минский, Д. Мережковский, А. Блок, В. Брюсов, Эллис, Д. Бурлюк, М. Цветаева, Е. Замятин, А. Воронский, Л. Лунц, В. Набоков, Н. Ульянов, Е. Кропивницкий, А. Синявский, С. Довлатов и др. Обозначенный аспект литературно-эстетических взглядов названных представителей русской словесности оказывается в поле зрения многих исследователей: В. Д. Сквозникова [1], Д. Д. Благого [2], Б. Я. Бухштаба [3], А. П. Горбунова [4], Т. Ф. Рябцевой [5], Д. Е. Максимова [6; 7], О. И. Дарка [8], А. Юнгрен [9], А. Ю. Арьева [10], Л. А. Аннинского [11], П. Л. Вайля [12], И. В. Тарковой [13], З. Г. Минц [14], И. С. Скоропановой [15], Т. А. Гавриленко [16], И. Ю. Иванюшиной [17], Е. П. Дерябиной [18], Я. С. Усачевой [19], Т. Э. Ратькиной [20], Е. В. Антошиной [21], Л. И. Шевцовой [22] и др. В ряде исследований содержатся наблюдения о характере трактовки русскими писателями – защитниками автономии искусства эстетических взглядов их оппонентов, избирающих в качестве собственной творческой установки прагматический подход к литературе. Однако работы, которые были бы специально посвящены осмыслению характера трактовки причин утилитарного пути творческой деятельности, выявленных обозначенными представителями русской литературы, отсутствуют.

Основная часть. В литературной критике художников слова, которым близка идея автономии искусства как утверждения специфики его природы и законов жизнедеятельности, решаемых им задач, представлены суждения о прагматизме по отношению к литературе и как результате внутреннего побуждения творца, и как следствии давления на художника извне. К числу первых относится стремление творческой личности посредством литературы активно влиять на общественную жизнь.

Нередко русские писатели, отстаивающие свободу и самооценность искусства, конкретизируют тему гражданского служения художника, осмысливая ее в контексте отечественной словесности. Учительство рассматривается ими как укоренившееся в русской литературе явление, но не благоприятствующее ее развитию. Так, Эллис, констатируя социоцентричный характер национальной словесности, выступает против кристаллизации в сознании современников мысли о проповедничестве как постоянном свойстве и неоспоримом достоинстве русской литературы. Поэт утверждает, что учительство не принесло ничего, «кроме непоправимого, смертельного вреда чистому искусству и, прежде всего, творчеству самих проповедников» [23, с. 76].

М. Цветаева тоже отмечает популярность прагматического отношения к искусству в русской литературе и несовместимость такого подхода с творческой установкой на достижение художественного совершенства создаваемых произведений. При этом поэтесса характеризует утилитарный взгляд на литературу как феномен высокого плана, результат особого статуса художника в русском обществе, большого кредита доверия мастеру слова со стороны читателя, убежденного в способности искусства дать ответы на самые животрепещущие вопросы: «Наш утилитаризм – то, что в пользу духу. Наша “польза” – только совесть. Россия, к ее чести, вернее, к чести ее совести, и не к чести ее художественности (вещи друг в друге не нуждающиеся), всегда подходила к писателям, вернее: всегда ходила к писателям – как мужик к царю – за правдой» [24, с. 391].

Об укоренившемся в сознании русского человека образе творческой личности как учителя и проповедника пишет и прозаик второй волны русского зарубежья Н. Ульянов. Считая недопустимым прагматический подход к литературе, писатель видит в нем главную угрозу для русской словесности, поскольку в России, в отличие от западноевропейских стран, переживших кратковременное увлечение идеологией утилитаризма, она основательно укоренилась, породив огромное количество «фанатических последователей» [25, с. 282].

На существование культа писателя-гражданина в русской культуре указывает также А. Синявский. Он предлагает по-новому прочувствовать смысл выражений «поэзия или дело, красота или польза, Аполлон Бельведерский или печной горшок, художник или сапожник» [26, с. 30], ставших клишированными формулировками проблемы чистого искусства, переключая внимание читателя с эстетической и гедонистической функций художественного творчества на его способность быть полезным человеку в драматических жизненных ситуациях: «Ну а если без увеливаний: или-или? На одной стороне какая-то там красота, какое-то “доставление приятного занятия

уму и вкусу”, а на другой – польза во всем сиянии осязаемого добра, деятельной и благотворящей любви, спасающей и жизнь, и, если угодно, душу несчастного брата, точнее же говоря – уже и не польза в ее плоском звучании, но само спасение взывающего к вам неустанно – доколе? И помощи! – человечества...» [26, с. 30–31]. Притягательность прагматической установки писатель объясняет стремлением творческой личности вернуть слову силу Орфеевой лиры, жаждой быть полезным обществу.

В видении А. Синаевского, утилитарный взгляд на искусство в равной степени разделяет и читатель, и творец в отличие от его собрата по перу в пушкинском стихотворении «Поэт и толпа», который противостоит публике, жаждущей печного горшка. Сам А. Синаевский рассуждает об общественном комплексе русского писателя, не дистанцируясь, а как бы находясь внутри этой ситуации, выражая собственную подверженность влиянию распространенного взгляда на творческую личность.

Многие писатели рассматривают учительскую традицию в русской литературе, обращаясь к осмыслению эстетической позиции конкретных художников слова. Например, часто в поле зрения сторонников автономии искусства оказываются творческие и духовные искания Н. Гоголя и Л. Толстого. Так, А. Фет, которого долгие годы связывала дружба с автором «Анны Карениной» и дружеская переписка с его женой, признается в «безграничном изумлении перед могуществом таланта» этого писателя [27, с. 338], посвящает ему восторженные стихотворения («Графу Л. Н. Толстому», «Графу Л. Н. Толстому при появлении романа “Война и мир”»), но сожалеет, что писатель «зашел в терния каких-то полезных нравочений» [27, с. 338].

Н. Минский в статье «Старинный спор» (1884) характеризует Л. Толстого как жертву распространения в России утилитарного взгляда на искусство. Создатель «Воскресения» рассматривается автором статьи как художник, обладающий «искренностью и впечатлительностью» [28, с. 31] и поддающийся под обаяние благородной цели прагматически ориентированной творческой деятельности, якобы позволяющей принести больше пользы, чем свободное творчество. А в статье «Заветы Пушкина» (1899) Н. Гоголь и Л. Толстой становятся для автора олицетворением чужеродной ему модели художника, основой деятельности которого оказываются культ разума, морализаторство, рассудочность, ориентир на пользу, добродетель и счастье.

Сходным образом интерпретирует творческую личность создателя «Войны и мира» Д. Мережковский, используя пушкинское стихотворение «Поэт и толпа» в качестве контраргумента литературно-эстетическим взглядам позднего Л. Толстого, «который пишет нравоучительные рассказы и отрешивается от “Анны Карениной”, потому что она слишком прекрасна, слишком бесполезна» [29, с. 181]. Однако если Н. Минский негативно оценивает роман «Воскресение», утверждая, что своим произведением писатель «заставляет всю Россию, вместе с самим героем романа, глотать горькое, противное и как будто бы целебное питье рассудочно-морального подвига» [30], то Д. Мережковский восхищается художественными творениями Л. Толстого и подвергает критике только его литературно-эстетические взгляды.

Собственное отношение к творческим и духовным исканиям Н. Гоголя и Л. Толстого высказывает также М. Цветаева. Сопоставляя действенность их отказа от искусства, она отдает пальму первенства автору «Мертвых душ», собственноручно сжигающему свое произведение. Печать цветаевской индивидуальности лежит и на трактовке поэтессой этического подхода Л. Толстого к искусству. Высота художественных творений гениального романиста, с точки зрения М. Цветаевой, заставляет читателя снисходительно относиться к позиции Л. Толстого-проповедника: «Художнику мы *прощаем* сапожника. “Войны и Мира” из нашего отношения не вытравишь» [24, с. 383].

Н. Гоголь и Л. Толстой в контексте темы утилитарного подхода к искусству оказываются и в поле зрения В. Набокова. Размышляя о гоголевском проповедничестве, писатель-модернист утверждает, что оно было вызвано необходимостью для автора «Ревизора» «кафедры» [31, с. 485], позволяющей объяснить публике нравственную подоплеку собственных созданий. Работа над вторым томом «Мертвых душ» в набоковской интерпретации предстает как попытка, оглядываясь на великих итальянских художников, совмещавших в своих творениях стремление к красоте

и следование христианским ценностям, «создать книгу, угодную и Гоголю-художнику, и Гоголю-святоше» [31, с. 501]. В. Набоков превозносит первую ипостась писателя и считает губительным для творца желание реализовать себя в роли проповедника.

Двойственностью отличается и набоковская оценка творческой личности Л. Толстого. В представлении В. Набокова классик русской литературы – подлинный мастер, которому нет «равного ни в одной стране» [32, с. 93]. Высота Л. Толстого-художника для В. Набокова сильнее оттеняет ошибочность его переключения на идеологические искания и внелитературную деятельность. Последние В. Набоков расценивает как напрасную трату творческих сил, проявляя страстное желание запереть писателя «в каменном доме на необитаемом острове с бутылкой чернил и стопкой бумаги, подальше от всяких этических и педагогических “вопросов”» [33, с. 222].

Осмысление прагматического взгляда на искусство через призму творческой деятельности классиков русской литературы характерно и для А. Синявского, в центре внимания которого оказывается фигура Н. Гоголя. Создатель «Мертвых душ», согласно А. Синявскому, считал обязанностью художника совмещать в себе творческое начало с высокими гражданскими и моральными качествами: «Поэт, на его резон, и гражданином должен быть первостатейным, и человеком лучше некуда, поскольку уже звание поэта предполагает социальную и нравственную значимость, имеющую тенденцию к беспредельному разрастанию» [26, с. 280]. Такой образ мыслей, по А. Синявскому, объясняет ту легкость, с какой создатель «Выбранных мест из переписки с друзьями» дает советы в разных областях человеческой жизни. Стремлением быть полезным обществу, как отмечает А. Синявский, одержим не только Н. Гоголь: «Стоит вспомнить такие, не связанные между собою, фигуры, как Д. Писарев, Л. Толстой, В. Маяковский, не прибегая к более длинному списку литературных имен, чтобы заметить, что Н. Гоголь не так уж одинок в своем иконоборчестве, в священной войне с эстетикой, поднятой под знаменем пользы» [26, с. 28]. Указывая на типичность утилитарного восприятия искусства в русской культуре, А. Синявский тем самым противостоит суждениям о литературно-эстетических взглядах автора «Выбранных мест» как результате его психического расстройств.

Констатируя популярность прагматического подхода к художественному творчеству в русской литературе, писатели, отстаивающие идею автономии искусства, нередко связывают утилитаризм с отсутствием в обществе свободы слова. Например, по мысли В. Брюсова, литература становится опосредованным способом политической пропаганды там, где ограничена или полностью отсутствует возможность применения иных средств провозглашения и популяризации идеологических доктрин. Поэт устанавливает прямую связь между общественными свободами и реализацией принципа независимости художественного творчества: «В свободной стране искусство может быть, наконец, свободно» [34, с. 104–105].

Близкой точки зрения придерживается Эллис. Считая одной из причин использования литературы в служебной роли отсутствие в обществе свободы слова, поэт ратует за независимость искусства от политики и выражает оптимизм в отношении политической жизни в современном ему обществе: положительно оценивает появление в России «эмбриона законодательного учреждения», воспринимает русскую революцию 1905–1907 гг. в качестве «первого активного и реального выступления общественных групп и партий во имя иного распределения экономических и политических ценностей» [23, с. 76]. Отмечая эти перемены, Эллис утверждает, что в русской культуре настало время дифференциации искусства и политики, уверяет в способности марксистской критики лучше справиться с ролью пропагандиста, чем это делают политизированные литературные произведения.

Об использовании художественной литературы в роли подпорок для политики там, где нет возможности свободно выражать собственные воззрения, пишет и Д. Бурлюк. Курс на политизацию творческой деятельности поэт воспринимает как индикатор нецивилизованности государства: «...Политическая жизнь в России вообще не нормальная, идеи ищут выхода. В нормально построенном государстве они (политики. – Т. Д.) гнали бы его через парламентскую трибуну, через “специалистов политики”, у нас же... художественная литература очень часто была во власти политических тенденций» [35, с. 76].

Нередко как фактор, обуславливающий отказ художника от служения только искусству, рассматриваются разного рода катаклизмы в жизни общества. Причем зачастую писатели, отстаивающие идею самоценности искусства, в данной ситуации оправдывают и даже считают необходимым переключение внимания творческой личности на злободневные вопросы. Так, в статье А. Блока «Три вопроса» (1908) невозможность для русского писателя сфокусироваться на решении исключительно задач искусства, необходимость руководствоваться чувством общественного долга объясняется тем, что в России «все дни были по преимуществу черные» [36, т. 5, с. 239]. В период Октябрьской революции А. Блок романтизирует образ творца, испытывающего необходимость отвечать на вызовы времени. В статье «Революция и культура» (1917) поэт пишет: «Мне рисуется жест художника в революционном периоде; это – есть жест отдачи себя, жест забвенья себя как жреца красоты: ощущение себя рядовым гражданином всеобщего дела...» [37, с. 476].

Необходимость в сложные времена активного включения творческой личности в общественную жизнь отстаивает и писатель, редактор литературного журнала «Красная новь» А. Воронский, который утверждает: «Бывают эпохи, периоды, когда прикладное искусство, прикладные науки, агитки, фельетоны, проповедничество получают законное преобладающее значение, – когда художник, ученый должны быть в первую очередь агитаторами, трибунами... Бывают моменты и более крепкие и простые: ученому и художнику... приходится отказываться и от агиток, и взять в руки винтовку вместо пера, стать у пулемета. <...> Но тот, кто отсюда сделает вывод: искусство и наука да упразднятся, будет величайшим простаком, чтобы не сказать более» [38, с. 360]. В этих суждениях подчеркивается не только важность творческой переориентации художника на общественные проблемы в экстремальных для общества условиях, но и временный характер этой меры, вынужденность такого рода деятельности.

Подобно А. Воронскому, идеи ситуативной необходимости подчинения искусства внехудожественным задачам придерживается теоретик литературного объединения «Серапионовы братья» Л. Лунц, который в большинстве своих работ активно отстаивает принципы творческой свободы и самодостаточности литературы. Однако в статье «Об идеологии и публицистике» (1922) он защищает право публицистической критики, использующей художественные произведения как повод для обсуждения актуальных общественных вопросов, на существование в периоды глобальных социальных изменений: «Писаревщина царит в нашей критике. <...> Так должно быть во время революции, когда все в действии» [39, с. 40].

Не отрицает важность использования искусства для выполнения внехудожественных задач в сложные периоды общественной жизни и Н. Ульянов. При этом писатель проводит мысль о ненужности участия в этом высокой литературы. Меньшая восприимчивость публики к настоящему искусству, по мнению Н. Ульянова, делает безуспешными усилия творца, направленные на решение острых проблем: «Что-то жалкое и трагическое чувствовалось в судьбе тех больших художников, которые, подобно Брюсову и Маяковскому, пытались участвовать в борьбе как поэты. Те, кого они собирались осчастливить своим гением, в глаза им говорили о бесполезности усилий, о недоходчивости их стихов до рабочего и крестьянина» [40, с. 38].

Наряду с добровольным внутренним выбором в пользу утилитарного подхода к искусству русские писатели, провозглашающие идею автономии искусства, выявляют причины прагматизации творческой деятельности, которые можно охарактеризовать как следствие давления на творческую личность извне. Часто в качестве такой причины рассматривается культурная политика, направленная на подчинение художника обслуживанию государственной идеологии. Сторонники свободы художественного творчества часто пытаются раскрыть вред такого рода взаимодействия власти с деятелями искусства. Например, в условиях политики военного коммунизма А. Блок отмечает, что директивность и регламентация противоречат самой специфике творческого процесса. Поэт проводит мысль о нецелесообразности искусства как следствии особой природы творчества, несоизмеримости «дела поэта» с «порядком внешнего мира» [36, т. 6, с. 165]. Творческий процесс осмысливается А. Блоком как состояние свободы, когда происходит приближение творца к «безначальной стихии, катящей звуковые волны», «бездонным глубинам духа», «недоступным для государства и общества, созданным цивилизацией» [36, т. 6, с. 163], и последу-

ющая гармонизация принятых в душу звуков. Попытки управления искусством, согласно поэту, обрекают творца на гибель.

Если А. Блок пишет о результатах регламентации деятельности художника для искусства, то В. Шершеневич рассматривает ситуацию поддержки властью тенденциозного творчества с точки зрения последствий такой культурной политики и для литературы, и для правящего класса. В противовес тем художникам слова, которые считают утилитарный подход государственных деятелей к искусству аномальным, поэт-имажинист придерживается точки зрения о логичности этого пути: «...для целей государства только оно (прагматически ориентированное творчество. – *Т. Д.*) и нужно» [41]. В противовес этому для литературы утилитаризм, с точки зрения писателя, крайне вреден. Статья В. Шершеневича «Искусство и государство» (1919) пронизана апокалиптическими настроениями по поводу советского искусства, которое «сковано и убито» [41] чрезмерным вниманием к нему власть имущих. Позже крах имажинизма писатель также будет объяснять не исчерпанностью возможностей этого литературного течения, а невостребованностью в обществе литературы самой по себе: «Сущность поэзии переключена: из искусства она превращена в полемику. И поэтому сейчас, конечно, сильные и ударные стихи Д. Бедного более актуальны, чем лучшие лирические стихи любого поэта» [42, с. 457–458].

Некоторые писатели видят опасность идеологизации искусства в создании благоприятной почвы для процветания беспринципных литераторов-конформистов. В статье «Я боюсь» (1921) Е. Замятин иронизирует над «придворными поэтами», «юркими авторами, знающими, когда надеть красный колпак и когда скинуть», когда «петь сретение царя и когда молот и серп» [43, с. 409]. Позднее поэт Е. Кропивницкий тоже будет отстаивать мысль о неприемлемости конформизма в процессе творческой деятельности, противопоставляя ему абсолютную честность художника в отношении к своему делу, стоическую готовность во имя творчества переносить любые жизненные невзгоды. Красноречивы сформулированные Е. Кропивницким принципы творческой деятельности художника: «Лучше с голоду подохнуть, чем предать искусство на поруганье» [44, с. 536]; «Искусство дело святое и профанировать им и делать из него торговую лавочку – пакость» [44, с. 531] и т. п.

Отрицательно оценивает государственную политику идеологизации художественного творчества и В. Набоков, для которого иллюстрацией губительного влияния утилитаризма на развитие искусства становится литературная жизнь послереволюционной России. Действия советской власти анализируются писателем в сопоставлении с царской и характеризуются как усиление негативных тенденций, имевших место в России XIX в., из-за прибавления к цензуре «метода принуждения целого литературного объединения писать под диктовку государства» [33, с. 27]. В. Набоков констатирует существенное снижение уровня русской словесности в советскую эпоху, несопоставимость созданного в это время в сравнении с классикой предыдущего столетия.

В числе литераторов-эмигрантов с апокалиптическим видением судьбы советской литературы оказывается Н. Ульянов. О деструктивном влиянии на нее поощряемого властью утилитарного взгляда на искусство он отмечает: «Что бы ни писали журналисты, – в СССР ее (литературы. – *Т. Д.*) не существует» [40, с. 25]. Ульяновский пессимизм в этом плане безграничен: «даже в случае отмены стеснений» [40, с. 15] в Советском Союзе литература, по мысли писателя, не сможет развиваться из-за глубокой укорененности в ней опыта утилитарности. Культурную ситуацию в советском обществе как самые неблагоприятные условия для развития искусства, когда у писателя отсутствует возможность «к открытому, свободному и безбоязненному самовыражению» [45, с. 105], характеризует и С. Довлатов.

Наряду с названными причинами утилитарного подхода к искусству некоторые писатели рассуждают также о коммерциализации искусства, когда прагматический взгляд на литературу формируется под влиянием рыночного спроса. В конце XIX – начале XX в. эти суждения были следствием наблюдений за характером творческой деятельности в условиях капиталистического общества. Так, Д. Мережковский, отмечая воздействие законов рынка на искусство, утверждает мысль об их тлетворности для художественного творчества: «Страшно становится, когда видишь, что литература, поэзия – самое воздушное и нежное из всех созданий человеческого духа – все более и более предается во власть этому всепожирающему Молоху, современному капитализму!..» [46, с. 194]. В. Брюсов, размышляя в статье «Свобода слова» (1905) о творческой свободе

в условиях капитализма, уверяет в возможности художника остаться самим собой. Поэт доказывает способность стоического противостояния творческой личности диктату рынка, приводя в пример мастеров искусства, не изменивших собственному призванию, несмотря на бедственные условия существования. В сравнении с Д. Мережковским взгляд В. Брюсова на вопрос о вероятности творческой свободы в ситуации рыночных отношений более оптимистичен. В то же время писатель подчеркивает, что следование этому принципу требует самоотверженности.

Если Д. Мережковский и В. Брюсов осмысливают тему влияния рынка на искусство в контексте развития капитализма в России, то В. Набоков – тенденций развития капиталистического общества в современном ему западном мире. В противоположность писателям, которые воспринимают Запад как образец дифференциации сфер общественного сознания (например, Эллис), В. Набоков в любом обществе видит приверженцев прагматического взгляда на искусство. Литературная жизнь на Западе, с набоксовской точки зрения, отличается отсутствием принуждения «сочинять путеводители» [33, с. 27]. В числе того, что может ограничивать западноевропейских и американских писателей, В. Набоков называет законы рынка.

Подобно В. Набокову, С. Довлатов тоже пишет о возможном влиянии рыночных отношений на творческую стратегию художника. Отмечая существование конъюнктурного подхода к искусству и в советском, и в американском обществе, автор «Зоны» выделяет две разновидности конъюнктуры: идеологическую (в СССР) и рыночную (в США). В отличие от тех, кто убежден в несовместимости законов рынка с творческой свободой, С. Довлатов допускает вероятность полноценной самореализации художника в таких условиях, считая, что «талантливое произведение оказаться рыночным может, а идеологически выдержанным – никогда» [45, с. 267]. В данном случае прозаик ведет речь о возможном совпадении направления исканий творца с рыночным спросом на его произведения, но не о правомерности творческого ориентира на коммерциализацию искусства.

Среди причин утилитарного подхода к искусству писатели-приверженцы автономии искусства нередко называют и воздействие на творца читательской аудитории. Например, А. Дружинин обращает внимание на то, что утилитарный подход может быть результатом влияния на художника вкусов и интересов публики. Разделяя читателей на две категории: «бессмысленный народ», «грубую толпу», которая почти не обладает аналитичностью и требовательностью, и «мыслящую», «прозаически-разумную», «пропитанную современной мудростью» публику [47, с. 307], писатель отмечает, что угрозу представляет последняя, ставящая творца в положение ведомого, лишаящая его свободы. Сохранять верность собственному призванию, согласно А. Дружинину, творческая личность способна лишь обладая внутренним стержнем: «Без силы в наше время невозможно быть поэтом, без спасительного упорства в своем мирозерцании не может существовать ни один человек с поэтическим призванием» [47, с. 307–308]. В дружининской концепции писателя как более способному разглядеть красоту там, где ее не видят другие, отводится роль руководителя массы, ведущего за собой, а не идущего на поводу у публики. С этими мыслями перекликаются суждения А. Фета. Согласно ему, состоявшийся художник в полной мере осознает необходимость ориентира на принцип бестенденциозности художественного творчества. В отношении творческой судьбы того, кто отклоняется от этого пути, фетовский вердикт неутешителен: «Он уже одною ногою сходит с своего незыблемого пьедестала на уровень толпы. Он уже сомневается, колеблется, он решил свое “не быть”» [48, с. 263]. Следуя пушкинской интерпретации взаимоотношений поэта и толпы, А. Фет видит истинного творца жрецом искусства, который не приемлет прагматического отношения к художественному творчеству.

Статьи А. Дружинина содержат также мысли о влиянии литературной критики на вероятность выбора творческой личностью утилитарного пути в искусстве. Писатель раскрывает эту тему, обращаясь к осмыслению тенденций развития русской критики 1840-х гг. и прежде всего деятельности ее ключевой фигуры – В. Белинского. В статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856) ощутима двойственность дружининского отношения к нему. С одной стороны, автор отмечает весомое влияние В. Белинского и его соратников на развитие русской литературы и воспитание читательского вкуса, характеризует себя как продолжателя ряда традиций, заложенных лидером русской критики 1840-х гг. С другой сто-

роны, А. Дружинин не принимает избранный ею путь поощрения дидактизма в искусстве, утверждая, что такой подход лишил ее права быть «художественно взыскательной», способствовал вхождению в литературу бесталанных писателей и дезориентации подлинных мастеров слова, посчитавших собственным долгом «отклоняться от своего призвания, проводя в своих артистических вещах мысли и воззрения временные» [47, с. 157]. В статье «Стихотворения Н. Некрасова» (1856) А. Дружинин рассматривает некрасовскую творческую судьбу в качестве примера негативного влияния прагматически ориентированной литературной критики на самовосприятие творческой личности. Н. Некрасов характеризуется писателем как тонкий и многогранный лирик, благоволивший к чистому искусству, но добровольно принесший много «жертв временному элементу поэзии» [47, с. 272] под воздействием получившей распространение трактовки его произведений через призму утилитарного подхода.

Подобно А. Дружинину, многие русские писатели, выступающие в защиту свободы и самодостаточности искусства, конкретизируют тему влияния литературной критики на творческое сознание художника, осмысливая ее в контексте национальной культуры. Чаще всего ими отмечается негативное воздействие на искусство и читателя революционно-демократической критики 1860-х гг. Например, Д. Бурлюк упрекает ее за формирование у публики чуткости исключительно к содержанию произведения, следствием чего оказывается неспособность читателя/зрителя откликаться на новые художественные формы: «Мы воспитаны на школе “русских рационалистов” – Писарева, Чернышевского, Добролюбова. <...> Это всегда надо помнить, слушая нападки и выступления против нового искусства – против свободы творчества, против невиданных форм» [35, с. 144]. В. Набоков, характеризуя шестидесятников как тех, кто способствовал укоренению в русской культуре утилитарного подхода к литературе, отмечает, что, хотя по образованию, интеллектуальным и нравственным качествам, общественным идеалам они «стояли неизмеримо выше тех проходимцев, которых подкармливало государство, или старых бестолковых реакционеров, топтавшихся вокруг сотрясаемого трона» [33, с. 30], но в отношении искусства поступали так же, как их политические оппоненты: использовали литературу для пропаганды собственной идеологии.

Н. Ульянов указывает, что эстетика критиков революционно-демократического лагеря привела к появлению «не только писателей, старательно вытравлявших и заглушавших в себе художника, но и соответствующего читателя, равнодушного к культуре слова, к сделанности литературного произведения и чуждого какого бы то ни было понимания символичности искусства» [40, с. 35]. При этом Н. Ульянов в отличие от В. Набокова, отдающего дань высоким гражданским качествам шестидесятников, ограничивается негативной характеристикой их влияния на литературную жизнь своей страны. Преобладание у литераторов второй волны русского зарубежья прагматического отношения к художественному творчеству писатель объясняет исключительно литературным воспитанием, полученным будущими эмигрантами в СССР, не принимая в расчет возможный внутренний порыв высказать то, что было запрещено, что наболело и рвется наружу, а также самостоятельное, не опосредованное влиянием советской эстетики стремление любыми путями противодействовать политике СССР, в том числе и с помощью литературы. Рассматривая политизированность эмигрантов исключительно как следствие их духовного формирования в условиях советской действительности, Н. Ульянов отмечает: «...Мы принесли тип писателя, которого не требовалось обламывать и загонять в ярмо политики, мы в этом ярме родились и никакого другого назначения литературы не понимали» [40, с. 12]. Себя от этой среды в данном случае Н. Ульянов не отделяет, хотя в его статьях преобладает дистантный взгляд на «новых эмигрантов», возможно, не читавших Д. Писарева, но усвоивших его учение «через советскую школу, через советское искусствознание, через самую советскую литературу» [40, с. 34].

К числу тех, кто видит причиной популярности в русской литературе проповедническо-морализаторского вектора творческой деятельности немалое влияние критики представителей революционно-демократического лагеря, относится С. Довлатов, который по поводу истории развития отечественной словесности замечает: «Критика предъявляла к литературе требования, менее всего связанные с ее эстетическими качествами и касающимися главным образом ее общественно-политических тенденций. От русской литературы ожидали заботы о народном благе, призывов к просвещению и не в последнюю очередь – захватывающей и убедительной

проповеди» [45, с. 96–97]. Согласно С. Довлатову, эта традиция находит последователей и в эмигрантской среде, которые не обладают «бескорыстием и страстью» предшественников, но умножают их «заблуждения» [45, с. 103].

Наряду с тем, что в литературной критике писателей, выступающих в защиту независимости литературы, выделяются причины утилитарного подхода к искусству, обусловленные стремлением творческой личности к участию в разрешении проблем общественного масштаба, выявляются попытки прагматизации искусства, продиктованные личными амбициями художника. В отличие от первых, которые часто воспринимаются поборниками автономии искусства с симпатией или пониманием, вторые могут подвергаться критике. Так, в статье А. Дружинина «“Метель”. – “Два гусара”. Повести графа Л. Н. Толстого» (1856) отмечается такая психологическая подоплека стремления к назидательности в искусстве, как жажда художника, особенно начинающего, выступить в роли учителя. Автор статьи убежден в несостоятельности и опасности подобных претензий, необходимости для осуществления проповедничества глубоких знаний и морально-нравственной зрелости. В данном случае предметом критики оказывается не только сама установка на дидактизм в литературе, но и уровень компетентности писателей-дидактиков в тех вопросах, которые они пытаются решить средствами искусства.

Утилитарный подход к искусству как следствие личных интересов литератора оказывается и в поле зрения Н. Ульянова, который обращает внимание на попытки идеологизации искусства, обусловленные стремлением отдельных писателей за счет резонансных тем удержаться на плаву, обрести успех. Утверждая, что о пережитых эмигрантами испытаниях целесообразно было бы поведать миру средствами публицистики, выбор для этой цели художественной литературы критик объясняет корыстным расчетом. Если публицистика, с ульяновской точки зрения, требует большого мастерства, эрудиции и профессионализма, то для художественных произведений «на “животрепещущую” тему... надо только облюбовать какой-нибудь затасканный литературный штамп и набить в нем руку» [40, с. 41]. Очевидна спорность ульяновских суждений о сущности и возможностях художественного творчества, но обращает на себя внимание то, что писатель осмысливает эту тему с позиций противника утилитаризма.

Заключение. В литературной критике представителей русской словесности, отстаивающих автономию искусства, выявляется целый комплекс причин утилитарного подхода к художественному творчеству. Последние обнажают разную степень внутренней расположенности художника к предпочтению прагматического взгляда на искусство, характеризуют уровень альтруизма творца при выборе этого пути, раскрывают особенности взаимодействия искусства с другими областями человеческой деятельности.

Отношение писателей, выступающих в защиту самооценности и самодостаточности художественного творчества, к позиции тех, кому присущ утилитарный взгляд на литературу, не является беспалляционно негативным. Оно различается в зависимости от подоплеку избираемого оппонентами эстетического ориентира: если стремление внести вклад в улучшение жизни общества, быть полезным своим соотечественникам в переломные и катастрофические эпохи часто вызывает уважение и поддержку, то прагматический подход к искусству, обусловленный конформизмом, личными амбициями, подвергается критике.

При наличии индивидуальных нюансов трактовки причин существования в писательской среде утилитарного взгляда на литературу многие художники слова – приверженцы автономии искусства – обозначают сходные мотивы попыток прагматического подхода к художественному творчеству, что свидетельствует в пользу объективности их умозаключений, большинство из которых сохраняет свою актуальность в настоящее время.

Список использованных источников

1. Сквозников, В. Д. «Искусство для искусства» / В. Д. Сквозников // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. – М., 1966. – Т. 3. – С. 193–197.
2. Благой, Д. Душа в заветной лире / Д. Благой // Новый мир. – 1971. – № 6. – С. 220–227.
3. Бухштаб, Б. Я. Фет: очерк жизни и творчества / Б. Я. Бухштаб. – Л.: Наука, 1974. – 135 с.
4. Горбунов, А. П. «Серапионовы братья» и К. Федин: библиогр. очерк / А. П. Горбунов. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. – 279 с.

5. Рябцева, Т. Ф. А. В. Дружинин – писатель: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т. Ф. Рябцева. – Л., 1980. – 169 л.
6. Максимов, Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Е. Максимов. – Л.: Совет. писатель, Ленингр. отд-ние, 1981. – 552 с.
7. Максимов, Д. Е. Брюсов-критик / Д. Е. Максимов // Сочинения: в 2 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1987. – Т. 2. – С. 5–26.
8. Дарк, О. Загадка Сирина / О. Дарк // Собр. соч.: в 4 т. / В. В. Набоков. – М., 1990. – Т. 1. – С. 403–409.
9. Юнгрен, А. Владимир Набоков как русский дэнди / А. Юнгрен // Классицизм и модернизм: сб. ст. / Тартус. ун-т, Стокгольм. ун-т, Ин-т славян. и балт. яз. – Тарту, 1994. – С. 184–194.
10. Аръев, А. Наша маленькая жизнь / А. Аръев // Собр. прозы: в 3 т. / С. Довлатов. – СПб., 1995. – Т. 1. – С. 5–22.
11. Аннинский, Л. А. Серебро и Чернь: русское, советское, славянское, всемирное в поэзии Серебряного века / Л. А. Аннинский. – М.: Кн. сад, 1997. – 219 с.
12. Вайль, П. Формула любви / П. Вайль // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / П. Вайль. – СПб., 1999. – С. 183–185.
13. Таркова, И. В. Тема творчества, эстетическая позиция В. Набокова и ее художественная реализация в произведениях русскоязычного цикла: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / И. В. Таркова; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 1999. – 24 с.
14. Минц, З. Г. Александр Блок и русские писатели / З. Г. Минц. – СПб.: Искусство, 2000. – 784 с.
15. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – Минск: Ин-т соврем. знаний, 2000. – 350 с.
16. Гавриленко, Т. А. Концепция «чистого искусства» в историко-литературном контексте середины XIX века: критико-эстетическая мысль и поэтическая практика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Т. А. Гавриленко; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2003. – 49 с.
17. Иванюшина, И. Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / И. Ю. Иванюшина; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2003. – 46 с.
18. Дерябина, Е. П. Литературное окружение и эстетическая позиция А. А. Фета в 1850-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. П. Дерябина; Новгород. гос. ун-т. – Великий Новгород, 2004. – 21 с.
19. Усачева, Я. С. Эллис – литературный критик: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Я. С. Усачева; Ин-т мировой лит. РАН. – М., 2004. – 19 с.
20. Ратькина, Т. Э. Литературная критика и эссеистика А. Д. Сияевского в оценках отечественной и зарубежной печати: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Т. Э. Ратькина; Моск. гос. ун-т. – М., 2009. – 24 с.
21. Антошина, Е. В. Понятие «Чистое искусство» в набоковедческом дискурсе первой половины XX / Е. В. Антошина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2016. – № 6 (60), ч. 3. – С. 12–14.
22. Шевцова, Л. И. Литературно-критическая деятельность А. В. Дружинина в 40–50-е годы XIX века / Л. И. Шевцова. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2016. – 179 с.
23. Эллис (Кобылинский Л. Л.). Неизданное и несобранное / Эллис (Л. Л. Кобылинский). – Томск: Водолей, 2000. – 480 с.
24. Цветаева, М. И. Сочинения: в 2 т. / М. И. Цветаева. – М.: Художеств. лит., 1988. – Т. 2. – 639 с.
25. Ульянов, Н. И. Внуки Лескова / Н. И. Ульянов // Критика русского зарубежья: в 2 ч. / сост., авт. примеч.: О. А. Коростелев, Н. Г. Мельников. – М., 2002. – Ч. 2. – С. 279–298.
26. Терц, А. В тени Гоголя / А. Терц. – М.: КоЛибри, 2009. – 672 с.
27. Фет, А. А. Сочинения: в 2 т. / А. А. Фет. – М.: Художеств. лит., 1982. – Т. 2. – 461 с.
28. Минский, Н. М. Старинный спор / Н. М. Минский // Критика русского символизма: в 2 т. / авт.-сост. Н. А. Богомолов. – М., 2002. – Т. 1. – С. 22–31.
29. Мережковский, Д. С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д. С. Мережковский. – М.: Совет. писатель, 1991. – 491 с.
30. Минский, Н. М. Заветы Пушкина [Электронный ресурс] / Н. М. Минский // А. С. Пушкин: pro et contra: личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология: в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 1. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/minskij_n_m/text_1899_zavety_pushkina.shtml. – Дата доступа: 25.04.2024.
31. Набоков, В. В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. / В. В. Набоков. – СПб.: Симпозиум, 2004. – Т. 1. – 608 с.
32. Набоков, В. В. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе. / В. В. Набоков; ред.-сост. Н. Мельников. – М.: Независимая газ., 2002. – 704 с.
33. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 446 с.
34. Брюсов, В. Я. Сочинения: в 2 т. / В. Я. Брюсов. – М.: Художеств. лит., 1987. – Т. 2. – 574 с.
35. Бурлюк, Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения / Д. Д. Бурлюк. – СПб.: Пушкин. фонд, 1994. – 381 с.
36. Блок, А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / А. А. Блок. – М.; Л.: Художеств. лит., 1960–1963. – 8 т.
37. Блок, А. А. Революция и культура / А. А. Блок // Диалог поэтов о России и революции / А. А. Блок, А. Белый. – М., 1990. – С. 471–489.
38. Воронский, А. К. Искусство, как познание жизни и современность / А. К. Воронский. – Иваново-Вознесенск: Основа, 1924. – 64 с.
39. Серапионовы братья: антология / сост., вступ. ст., примеч. Т. Ф. Прокопова. – М.: Школа-Пресс, 1998. – 640 с.
40. Ульянов, Н. И. Скрипты / Н. И. Ульянов. – Ann Arbor: Эрмитаж, 1981. – 226 с.
41. Шершеневич, В. Г. Искусство и государство / В. Г. Шершеневич // Жизнь и творчество рус. молодежи. – 1919. – № 28–29. – С. 5.

42. Шершеневич, В. Г. Листы имажиниста / В. Г. Шершеневич. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1997. – 526 с.
43. Замятин, Е. И. Сочинения / Е. И. Замятин. – М.: Книга, 1988. – 575 с.
44. Кропивницкий, Е. Л. Избранное: 736 стихотворений + другие материалы / Е. Л. Кропивницкий. – М.: Культура. – 2004. – 672 с.
45. Довлатов, С. Д. Блеск и нищета русской литературы: филол. проза / С. Д. Довлатов. – СПб.: Азбука, 2012. – 256 с.
46. Мережковский, Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. / Д. С. Мережковский. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914. – Т. 18. – 275 с.
47. Дружинин, А. В. Прекрасное и вечное / А. В. Дружинин. – М.: Современник, 1988. – 543 с.
48. Фет, А. А. Сочинения и письма: в 20 т. / А. А. Фет. – М.; СПб.: Акад. проект, 2002–2015. – Т. 3. – 2006. – 517 с.

References

1. Skvoznikov V. D. «Art for art's sake». *Brief literary encyclopedia: in 9 vol. Vol. 3.* Moscow, 1966, pp. 193–197 (in Russian).
2. Blagoi D. Soul in the treasured lyre. *Novyi mir* [New World], 1971, no. 6, pp. 220–227 (in Russian).
3. Bukhshtab B. Ya. *Fet: an essay on his life and work.* Leningrad, Nauka Publ., 1974. 135 p. (in Russian).
4. Gorbunov A. P. «*The Serapion Brothers*» and *K. Fedin: bibliographic essay.* Irkutsk, East Siberian Book Publishing House, 1976. 279 p. (in Russian).
5. Ryabtseva T. F. *A. V. Druzhinin – writer.* Ph. D. Thesis. Leningrad, 1980. 169 p. (in Russian).
6. Maksimov D. E. *Poetry and prose by Al. Blok.* Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1981. 552 p. (in Russian).
7. Maksimov D. E. Bryusov the critic. *V. Ya. Bryusov. Works: in 2 vol. Vol. 2.* Moscow, 1987, pp. 5–26 (in Russian).
8. Dark O. Sirin's riddle. *V. V. Nabokov. Collected works: in 4 vol. Vol. 1.* Moscow, 1990, pp. 403–409 (in Russian).
9. Yunggren A. Vladimir Nabokov as a Russian dandy. *Klassitsizm i modernizm: sbornik statei* [Classicism and modernism: collection of articles]. Tartu, 1994, pp. 184–194 (in Russian).
10. Ar'ev A. Our little life. *Collection of prose: in 3 vol. Vol. 1.* St. Petersburg, 1995, pp. 5–22 (in Russian).
11. Anninskii L. A. *Silver and Crowd: Russian, Soviet, Slavic, Worldwide in the poetry of the Silver Age.* Moscow, Knizhnyi sad Publ., 1997. 219 p. (in Russian).
12. Vail' P. Love formula. *Sergei Dovlatov: creativity, personality, destiny.* St. Petersburg, 1999, pp. 183–185 (in Russian).
13. Tarkova I. V. *The theme of creativity, the aesthetic position of V. Nabokov and its artistic realization in the works of the Russian-language cycle.* Abstract of Ph. D. diss. Vladivostok, 1999. 24 p. (in Russian).
14. Mints Z. G. *Alexander Blok and Russian writers.* St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2000. 784 p. (in Russian).
15. Skoropanova I. S. *Russian postmodernist literature: new philosophy, new language.* Minsk, Institute of Modern Knowledge, 2000. 350 p. (in Russian).
16. Gavrilenko T. A. *The concept of «pure art» in the historical and literary context of the mid-19th century: critical and aesthetic thought and poetic practice.* Abstract of Ph. D. diss. Vladivostok, 2003. 49 p. (in Russian).
17. Ivanyushina I. Yu. *Russian futurism: ideology, poetics, pragmatics.* Abstract of Ph. D. diss. Saratov, 2003. 46 p. (in Russian).
18. Deryabina E. P. *Literary environment and aesthetic position of A. A. Fet in the 1850s.* Abstract of Ph. D. diss. Veliky Novgorod, 2004. 21 p. (in Russian).
19. Usacheva Ya. S. *Ellis is a literary critic.* Abstract of Ph. D. diss. Moscow, 2004. 19 p. (in Russian).
20. Rat'kina T. E. *Literary criticism and essays by A. D. Sinyavsky in the assessments of the domestic and foreign press.* Abstract of Ph. D. diss. Moscow, 2009. 24 p. (in Russian).
21. Antoshina E. V. The notion “pure art” in the discourse of Nabokov's studies of the first half of the XX century. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2016, no. 6 (60), pt. 3, pp. 12–14 (in Russian).
22. Shevtsova L. I. *Literary and critical activity of A. V. Druzhinin in the 40–50s of the XIX century.* 2nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2016. 179 p. (in Russian).
23. Ellis (Kobylynskii L. L.). *Unreleased and uncollected.* Tomsk, Vodolei Publ., 2000. 480 p. (in Russian).
24. Tsvetaeva M. I. *Works: in 2 vol. Vol. 2.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. 639 p. (in Russian).
25. Ul'yanov N. I. Leskov's grandchildren. *Criticism of Russian diaspora. Part 2.* Moscow, 2002, pp. 279–298 (in Russian).
26. Terts A. *In the shadow of Gogol.* Moscow, KoLibri Publ., 2009. 672 p. (in Russian).
27. Fet A. A. *Works: in 2 vol. Vol. 2.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 461 p. (in Russian).
28. Minskii N. M. The old dispute. *Criticism of Russian symbolism. Vol. 1.* Moscow, 2002, pp. 22–31 (in Russian).
29. Merezkovskii D. S. *Still waters: articles and research of different years.* Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 491 p. (in Russian).
30. Minskii N. M. The testaments of Pushkin. *A. S. Pushkin: pro et contra: the personality and creativity of Alexander Pushkin in the assessment of Russian thinkers and researchers: anthology. Vol. 1.* St. Petersburg, 2000. Available at: http://az.lib.ru/m/minskij_n_m/text_1899_zavety_pushkina.shtml (accessed 25.04.2024) (in Russian).
31. Nabokov V. V. *Collected works of the American period. Vol. 1.* St. Petersburg, Simpozium Publ., 2004. 608 p. (in Russian).
32. Nabokov V. V. *Nabokov on Nabokov and other things: interviews, reviews, essays.* Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 2002. 704 p. (in Russian).
33. Nabokov V. V. *Lectures on Russian literature.* St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010. 446 p. (in Russian).
34. Bryusov V. Ya. *Works: in 2 vol. Vol. 2.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 574 p. (in Russian).
35. Burluk D. D. *Fragments from the memoirs of a futurist. Letters. Poems.* St. Petersburg, Pushkinskii Fond Publ., 1994. 381 p. (in Russian).

36. Blok A. A. *Collected works: in 8 vol.* Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1960–1963. 8 vol. (in Russian).
37. Blok A. A. Revolution and culture. *Dialogue of poets about Russia and the revolution.* Moscow, 1990, pp. 471–489 (in Russian).
38. Voronskii A. K. *Art as knowledge of life and modernity.* Ivanovo-Voznesensk, Osnova Publ., 1924. 64 p. (in Russian).
39. Prokopova T. F. (comp.). *Serapion brothers: anthology.* Moscow, Shkola-Press Publ., 1998. 640 p. (in Russian).
40. Ul'yanov N. I. *Scripts.* Ann Arbor, Ermitazh Publ., 1981. 226 p. (in Russian).
41. Shershenevich V. G. Art and the State. *Zhizn' i tvorchestvo russkoi molodezhi* [Life and Creativity of Russian Youth], 1919, no. 28–29, p. 5 (in Russian).
42. Shershenevich V. G. *Imagist sheets.* Yaroslavl, Upper Volga Book Publishing House, 1997. 526 p. (in Russian).
43. Zamyatin E. I. *Works.* Moscow, Kniga Publ., 1988. 575 p. (in Russian).
44. Kropivnitskii E. L. *Favorites: 736 poems + other materials.* Moscow, Kul'turnyi sloi Publ., 2004. 672 p. (in Russian).
45. Dovlatov S. D. *The brilliance and poverty of Russian literature: philological prose.* St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. 256 p. (in Russian).
46. Merezhkovskii D. S. *The complete works: in 24 vol. Vol. 18.* Moscow, I. D. Sytin Publ., 1914. 275 p. (in Russian).
47. Druzhinin A. V. *Beautiful and eternal.* Moscow, Sovremennik Publ., 1988. 543 p. (in Russian).
48. Fet A. A. *Works and letters: in 20 vol. Vol. 3.* Moscow, St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 517 p. (in Russian).

Информация об авторе

Данилович Татьяна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (ул. Советская, 18, 230030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tanya.tada@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2020-0857>

Information about the author

Tatiana V. Danilovich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University (18 Sovetskaya Str., Minsk 230030, Belarus). E-mail: tanya.tada@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2020-0857>

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА
LAW

УДК 336.011:347.73
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-333-341>

Поступила в редакцию 12.01.2024
Received 12.01.2024

С. П. Протасовицкий

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ФИНАНСОВ**

Аннотация. Раскрывается понятие финансовой деятельности в контексте неоклассической теории финансов. Автор предлагает свое видение названной деятельности на основе хозяйственной концепции финансов. Согласно данной концепции, финансовая деятельность относится к экономической (хозяйственной) деятельности, в связи с чем автор выявляет признаки последней. Подчеркивается, что она представляет собой деятельность по управлению имущественным состоянием ее субъекта. Автор делает вывод, что финансовая деятельность – это деятельность по управлению монетарным (финансовым) состоянием ее субъекта, включающая управление финансовым имуществом (совершение финансовых операций) и управление финансовыми рисками. При этом автор сопоставляет полученные научные результаты с известными концептуальными положениями о финансовой деятельности. Дается объяснение финансовых операций, под которыми предлагается понимать действия экономического субъекта, приводящие к желаемому изменению его финансовых активов и (или) финансовых долгов. Отмечается, что финансовая деятельность неразрывно связана с финансовыми услугами. Она делится на виды подобно хозяйствам, поэтому может быть государственной и частной. Приводится обоснование осуществления частной финансовой деятельности вне фискальных отношений.

Ключевые слова: финансы, хозяйство, экономическая (хозяйственная) деятельность, финансовая деятельность, финансовые операции, финансовые риски, неоклассическая теория финансов, хозяйственная концепция финансов

Для цитирования: Протасовицкий, С. П. Финансовая деятельность в неоклассической теории финансов / С. П. Протасовицкий // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 333–341. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-333-341>

Sergey P. Pratasavitski

Belarusian State University, Minsk, Belarus

FINANCIAL ACTIVITY IN THE NEOCLASSICAL THEORY OF FINANCE

Abstract. The article reveals the concept of financial activity in the context of the neoclassical theory of finance. The author proposes his vision of this activity on the basis of the economic concept of finance. According to this concept, financial activity refers to economic (business) activity, in connection with which the author identifies the signs of the latter. In conclusion it is argued that it is the activity for management of property condition of its subject. Continuing the thought from the general to the particular, the author comes to the conclusion that financial activity is the activity of managing the monetary (financial) condition of its subject, including the management of financial property (conducting financial transactions) and financial risk management. At the same time, the author compares the obtained scientific results with the known conceptual provisions on financial activity. An explanation of financial transactions is given, by which it is proposed to understand the actions of an economic entity leading to the desired change in its financial assets and (or) financial debts. It is noted that financial activity is inseparably connected with financial services. It is divided into types like economy; therefore, it can be public and private. The justification of private financial activities outside fiscal relations is given.

Keywords: Finance, Economy, Economic activity, Financial activity, Financial transactions, Financial services, Neoclassical theory of finance, Economic concept of finance

For citation: Pratasavitski S. P. Financial activity in the neoclassical theory of finance. *Vesti Natsyyanal'nai akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 333–341 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-333-341>

Введение. В последние десятилетия в отечественной финансовой литературе все больше внимания уделяется неоклассической теории финансов, что можно объяснить формированием рыночной экономики на постсоветском пространстве. Между тем в западной науке названная теория развивается с середины XX в., в то время, как отмечает И. В. Черняева, «в зарубежной теории финансов наступил переход от классического их толкования к неоклассическому» [1, с. 41]. «Классическая направленность финансовой науки, – поясняет П. А. Левчаев, – занималась изучением и рассмотрением сферы государственных финансов. Логику этого можно найти в том, что на данном этапе эволюции финансовых отношений фактор государства, его доходов, расходов, экономической мощи являлся определяющим» [2, с. 15]. «После Второй мировой войны, – продолжает ученый, – ситуация в финансовой сфере меняется: с одной стороны, получают развитие местные финансы, финансы специальных (внебюджетных) фондов, а с другой – возрастает роль финансов предприятий, корпораций, рынка капиталов. Наблюдается тенденция развития и детализации *всех сфер финансовых отношений*, обусловленная усложнением экономических взаимоотношений. Акцент исследования, в отличие от предыдущего этапа, переносится на *финансы предприятий, поведение на фондовом рынке*» [2, с. 16]. «Происходит становление нового этапа эволюции финансовых отношений – неоклассического», – заключает автор [2, с. 17].

В такой ситуации возникает потребность в переосмыслении понятийно-категориального аппарата финансового правоведения. Одно из центральных мест в нем занимает понятие финансовой деятельности. Его раскрытие в контексте неоклассической теории финансов является целью настоящей статьи.

Основная часть. При познании финансовой деятельности мы опираемся на ранее полученные научные результаты, которые образуют хозяйственную (неоклассическую) концепцию финансов. Поэтому сразу зафиксируем некоторые исходные положения.

Хозяйство – это динамическая (развивающаяся) система с функцией управления имущественным состоянием экономического субъекта, объединяющая данного субъекта, его имущество, экономическую деятельность и экономические потоки.

Имущественное состояние субъекта выражается в параметрах и свойствах его имущества на определенный момент времени. Мы также выделяем монетарное состояние (в узком смысле), которое сводится к параметрам финансового имущества. Последнее состоит из финансовых активов (денег, финансовых инструментов, финансовых требований) и (или) финансовых долгов.

Финансы представляют собой экономические потоки, отражающие изменение монетарного состояния экономического субъекта. Они присутствуют в любом современном хозяйстве.

Как можно заметить, представленные выше явления определены в терминах экономической науки. Вместе с тем они испытывают правовое воздействие и подлежат изучению с точки зрения права, потому входят в предмет юридической науки. Иными словами, находятся в области междисциплинарных исследований.

Следуя нашим теоретическим воззрениям на хозяйство и финансы, мы полагаем, что финансовая деятельность обладает признаками экономической (хозяйственной) деятельности. Следовательно, первая задача, которую нам предстоит решить, заключается в выявлении этих (родовых) признаков.

Анализ научной литературы об экономической деятельности обнаруживает близкие, но различные позиции в отношении ее понятия.

По мнению М. В. Геворкяна, «экономическую деятельность... можно определить как совокупность действий, представляющих собой производство, обмен и распределение материальных и духовных благ, осуществляемую... в целях удовлетворения материальных и духовных потребностей...» [3, с. 10]. И. И. Шувалов усматривает в ней действия на различных уровнях хозяйствования, направленные на производство, распределение, обмен и потребление благ посредством использования способностей и имущества в целях удовлетворения материальных и духовных потребностей [4, с. 65–66]. Н. Е. Савенко отмечает, что «экономическая деятельность – это процесс активных, волевых, целенаправленных и разумных действий... по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ (объектов гражданских прав) на основе... трудовых, финансовых и иных ресурсов, направленных на удовлетворение потребностей...» [5, с. 136]. С точки зрения С. В. Белых, она представляет собой хозяйственную

активность «по производству, распределению, перераспределению и потреблению материальных благ в рамках товарно-денежного обмена...» [6, с. 46].

Обобщение приведенных положений приводит к мысли, что экономическая деятельность охватывает действия в процессе общественного производства, направленные на удовлетворение потребностей.

Экономическую деятельность в смысле ведения хозяйства мы именуем хозяйственной. Понятие хозяйственной деятельности, представленное в законодательстве и научной литературе, подтверждает ее равнозначность экономической деятельности.

По мнению В. В. Лаптева, «хозяйственная деятельность – это деятельность по производству продукции, выполнению работ, оказанию услуг» [7, с. 25]. С точки зрения В. И. Стражева, она представляет собой деятельность по производству изделий, оказанию услуг, выполнению работ и созданию других возможных видов продукции, направленных на удовлетворение материальных и духовных потребностей [8, с. 43]. Как отмечают К. С. Частнова и Н. В. Калева, «хозяйственная деятельность – это совокупность всех трудовых действий людей, направленных на все стороны жизнедеятельности человечества для его удовлетворения в товарах (вещах), работах и услугах» [9, с. 283].

Более развернутое определение предлагают ученые кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета: «*Хозяйственная деятельность* – деятельность публичного и частного характера, представляющая собой совокупность хозяйственных операций, направленных на производство материальных и нематериальных благ, предназначенных для личного, семейного, прочего бытового потребления, либо для целей расширенного производства» [10, с. 18]. Сохраняя суть данной дефиниции, Ю. Г. Конаневич еще больше детализирует ее в своей публикации [11, с. 80].

Выявляя признаки экономической (хозяйственной) деятельности, впрочем, как и любой другой, мы обращаемся к основам теории деятельности. В самом общем виде, пишет А. Н. Леонтьев, «*деятельность* есть система процессов, осуществляющих отношение субъекта к действительности» [12, с. 202]. В. В. Давыдов находит в ней специфическую форму общественного существования людей, состоящую в целенаправленном изменении природной и социальной реальности [13, с. 39]. Отдельный фрагмент упомянутой действительности (реальности), в котором деятельность проявляет себя, образует ее предмет (объект). Согласно А. Н. Леонтьеву, «основной... характеристикой деятельности является ее предметность. Собственно, в самом понятии деятельности уже имплицитно содержится понятие ее предмета (Gegenstand). Выражение “беспредметная деятельность” лишено всякого смысла. Деятельность может *казаться* беспредметной, но научное исследование деятельности необходимо требует открытия ее предмета» [12, с. 67]. «Главное, что отличает одну деятельность от другой, – продолжает мысль А. Н. Леонтьев, – состоит в различии их предметов. Ведь именно предмет деятельности и придает ей определенную направленность» [12, с. 80]. Деятельность, подчеркивает А. Л. Никифоров, всегда имеет целенаправленный характер: «...Это такая активность, которая направлена на достижение сознательно поставленной цели. Бесцельная активность не является деятельностью» [14, с. 53]. Следовательно, экономическую (хозяйственную) деятельность мы должны выделять по предмету и цели.

Названная деятельность включена в систему хозяйства и призвана порождать экономические потоки, т. е. изменять состояние системы – имущественное состояние экономического субъекта. Таким образом, предметом экономической (хозяйственной) деятельности выступает имущественное состояние, а целью – желаемое имущественное состояние ее субъекта. В литературе встречаются различные формулировки цели хозяйствования: удовлетворение потребностей, получение дохода (М. Вебер [15, с. 19–20]); увеличение богатства, преодоление бедности (С. Н. Булгаков [16, с. 314]), но все они выражают стремление к желаемому имущественному состоянию.

Поскольку экономическая (хозяйственная) деятельность проявляется в изменении имущественного состояния, а целенаправленное изменение состояния есть управление им, мы можем заключить, что она сводится к управлению имущественным состоянием.

Теперь посмотрим на экономическую (хозяйственную) деятельность с иной точки зрения. Как отмечает Г. П. Щедровицкий, «работы Гегеля и Маркса утвердили рядом с традиционным пониманием деятельности другое, значительно более глубокое, согласно которому человеческая

социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как *исходная универсальная целостность*, значительно более широкая, чем сами “люди”. Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот: *она сама “захватывает” их и заставляет “вести” себя определенным образом* [17, с. 241]. При таком подходе «деятельность... оказывается *системой* с многочисленными и весьма разнообразными функциональными и материальными компонентами и связями между ними» [17, с. 242]. Изображая экономическую (хозяйственную) деятельность в виде системы, мы отождествляем ее с хозяйством, а системной функцией последнего является управление имущественным состоянием экономического субъекта. Следовательно, указанная деятельность находит себя в управлении имущественным состоянием.

В научной литературе экономическая (хозяйственная) деятельность определяется преимущественно через действия в процессе общественного производства. Многие авторы, судя по всему, усматривают ее предмет в экономических благах. Тогда исследуемая деятельность выражается в производстве, распределении, обмене и потреблении благ, которые образуют общественное производство в широком смысле. Мы же видим предмет деятельности в имущественном состоянии, а не имуществе (благах).

Таким образом, *экономическая (хозяйственная) деятельность представляет собой деятельность по управлению имущественным состоянием ее субъекта.*

Всякая деятельность, пишет Т. Котарбинский, складывается целиком и полностью из элементарных действий [18, с. 34]. В изложении А. Н. Леонтьева, «основными “составляющими” отдельных человеческих деятельностей являются осуществляющие их *действия*» [12, с. 81]. П. Р. Леиашвили обращает внимание, что отдельные действия, организованные в единую систему и выполняющие в ней строго определенные функции, должны подчиняться некоей единой конечной высшей цели, которая наполняет смыслом эту деятельность [19, с. 30].

Экономическая (хозяйственная) деятельность охватывает действия, направленные на достижение желаемого имущественного состояния ее субъекта. Во всем многообразии таких действий наблюдаются их совокупности, формирующие виды деятельности с частными целями, последовательная реализация которых ведет к желаемому имущественному состоянию. По общегосударственному классификатору ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности», утвержденному Постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85 (далее – ОКРБ 005-2011), виды такой деятельности сгруппированы в 88 разделов. Классификатор также различает основную, второстепенную и вспомогательную деятельность (ч. 6–13 п. 2). В научной литературе, кроме того, «экономическая деятельность делится на активную (по производству и реализации товаров, работ, услуг) и пассивную (размещение денежных средств в кредитные организации, передача имущества в аренду, в доверительное управление, распоряжение собственным имуществом, в том числе путем внесения в уставные капиталы организаций, и т. п.)» [20, с. 120].

Определив искомые признаки экономической (хозяйственной) деятельности, мы переходим к рассмотрению финансовой деятельности. Последняя упоминается в секции К (разделы 64–66) ОКРБ 005-2011, но включает лишь деятельность в сфере финансовых услуг, а также деятельность холдинговых и трастовых компаний, инвестиционных фондов и прочих финансовых организаций.

Инструкция о нормативах безопасного функционирования, утвержденная Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 11 июля 2022 г. № 257, называет финансовой деятельностью не только относимую к таковой по ОКРБ 005-2011, но и поручительство за третьих лиц, предусматривающее исполнение обязательств в денежной форме, выдачу гарантий, доверительное управление имуществом, профессиональное хранение (п. 2.64).

Согласно абз. 5 п. 2 Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Индивидуальная бухгалтерская отчетность», утвержденного Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 12 декабря 2016 г. № 104, финансовой считается «деятельность организации, приводящая к изменениям величины и состава внесенного собственного капитала, обязательств по кредитам, займам и иных аналогичных обязательств, если указанная деятельность не относится к текущей деятельности согласно учетной политике организации».

Финансовая деятельность выступает одной из основных категорий науки финансового права, поэтому в процессе ее познания мы учитываем работы финансовых правоведов.

По мнению С. В. Запольского, финансовой может быть «деятельность любого субъекта, связанная с созданием и использованием тех или иных денежных средств (финансовых ресурсов) внутри определенной системы...» [21, с. 77]. Е. Ю. Грачева усматривает в ней деятельность по управлению финансами и воздействию на общественные процессы с помощью финансов [22, с. 8]. С точки зрения Э. Д. Соколовой, финансовой является человеческая деятельность, обусловленная наличием в обществе товарно-денежных отношений и направленная на создание, распределение (перераспределение) и использование фондов денежных средств» [23, с. 87–88]. В. Ф. Попондопуло отмечает, что «финансовая деятельность – это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность финансовых организаций, направленная на систематическое получение прибыли от оказания различного рода финансовых услуг...» [24, с. 10].

Следует отметить, что в большинстве финансово-правовых публикаций рассматривается не финансовая деятельность в целом, а ее вид – государственная (публичная) финансовая деятельность, что, впрочем, характерно для классической (советской) теории финансов.

Понятие финансовой деятельности государства получило развитие в середине XX в. В то время М. А. Гурвич, а затем Е. А. Ровинский актуализировали исследования упомянутой деятельности и сформулировали ее определение. Они видели в ней деятельность государственных органов по планомерному собиранию (мобилизации), распределению и использованию денежных фондов [25, с. 17; 26, с. 23]. Такое понимание финансовой деятельности государства нашло поддержку в литературе и воспринято многими современными авторами.

Отечественная наука не обходит вниманием и частную финансовую деятельность. Э. Д. Соколова считает таковой деятельность хозяйствующих субъектов, функционирующих на праве частной собственности, и включает в нее действия, направленные на создание и использование фондов денежных средств, необходимость которых обусловлена наличием товарно-денежных отношений [23, с. 88]. Согласно Ю. Г. Конаневичу, частная финансовая деятельность связана с оказанием финансовых услуг субъектам частных финансовых отношений [27, с. 91]. Финансовой деятельностью организаций и домашних хозяйств С. В. Барулин именуется любая деятельность, сопряженную с извлечением денежных доходов и привлечением внешних источников финансовых ресурсов, а также с осуществлением текущих и инвестиционных расходов [28, с. 39–40].

Как видим, в законодательстве и научной литературе отсутствует единство представлений о финансовой деятельности. Однако мы можем выделить ключевые термины и выражения, которые позволяют понять ее природу: формирование (образование), распределение и использование денежных фондов; управление финансами; финансовые операции; денежные доходы и расходы; изменение собственного капитала и денежных долгов; финансовые услуги.

Экономические потоки, воплощающие финансы, отражают изменение монетарного состояния экономического субъекта, потому очевидно, что предметом финансовой деятельности выступает названное состояние. В то же время она относится к экономической (хозяйственной) деятельности. Следовательно, финансовая деятельность имеет аналогичную дефиницию, но вместо имущественного состояния на первый план выходит монетарное.

Таким образом, *финансовая деятельность представляет собой деятельность по управлению монетарным (финансовым) состоянием ее субъекта.*

Приведенная формулировка не вступает в противоречие с известными концептуальными положениями о финансовой деятельности. Управление монетарным состоянием не отрицает формирование (образование), распределение и использование денежных фондов. В научной литературе, к тому же, нередко отмечается управленческий характер финансовой деятельности.

Желаемое монетарное состояние, на достижение которого направлена финансовая деятельность, имеет субъективный характер и зависит от многих факторов, в том числе от нефинансового компонента имущественного состояния. Оно может принимать различные формы (конфигурации параметров), быть конкретным и абстрактным. В частном хозяйстве такое состояние обычно отражает идею максимизации количества денег в распоряжении, поскольку они обеспечивают приобретение благ для удовлетворения растущих потребностей. Между тем государственное

хозяйство стремится не к прибыли (доходу), а монетарному состоянию, позволяющему покрыть запланированные расходы.

Поскольку монетарное состояние характеризуется параметрами финансового имущества, в основе финансовой деятельности лежит управление финансовым имуществом, которое включает создание (выпуск), приобретение, прекращение и отчуждение финансовых активов, а также создание, принятие, прекращение и перевод финансовых долгов. Перечисленные действия мы именуем финансовыми операциями.

Термин «финансовая операция» определен в абз. 22 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем...» и означает сделку со средствами независимо от формы и способа ее осуществления. По нашему мнению, финансовая операция является хозяйственной, а, согласно абз. 29 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «О бухгалтерском учете и отчетности», хозяйственная операция – это действие или событие, приводящее к изменению активов, обязательств, собственного капитала, доходов, расходов. Следовательно, финансовая операция в контексте управления финансовым имуществом есть действие экономического субъекта, приводящее к желаемому изменению его финансовых активов и (или) финансовых долгов.

Финансовые операции дифференцируются по изменениям в финансовом имуществе, к которым они приводят, а также по юридическим основаниям их совершения. Разумеется, финансовые операции могут быть неосновательными и противоправными, в том числе преступными. В правовой форме они входят в состав юридических конструкций различной отраслевой принадлежности.

Многие виды экономической (хозяйственной) деятельности предусматривают продажу и, соответственно, оплату ее результатов (финансовые операции). Поэтому финансовая деятельность в виде названных операций распределена по множеству разделов ОКРБ 005-2011 и не ограничивается секцией К «Финансовая и страховая деятельность».

Финансовая деятельность не всегда приводит к своей цели. Она не исключает возможность нежелаемого изменения монетарного состояния. Другими словами, финансовая деятельность сопряжена с риском. Как пишет Н. М. Сабитова, «финансовая деятельность любого экономического субъекта... связана с финансовыми рисками» [29, с. 565]. «...Риск – подтверждает Е. В. Кудряшова, – это неотъемлемая характеристика любой деятельности и фактически ключевая составляющая финансовой деятельности» [30, с. 8]. Изложенное, конечно, не значит, что в отсутствие деятельности ее субъект ничем не рискует: даже простое обладание финансовыми активами несет в себе риск. Поэтому финансовая деятельность включает и управление финансовыми рисками.

Общие подходы к управлению рисками, в том числе финансовыми, изложены в международном стандарте ISO 31000:2018 «Управление рисками – Принципы и руководящие указания». Собственно, управление происходит на стадии обработки риска (англ. *risk treatment*) и включает один или несколько из перечисленных ниже вариантов поведения (п. 6.5.2 стандарта):

- избегание риска путем принятия решения не начинать и не продолжать рисковую деятельность;
- принятие риска для реализации связанной с ним возможности;
- устранение источника риска;
- изменение вероятности осуществления риска;
- изменение последствий осуществления риска;
- передача риска другому лицу;
- обоснованное удержание риска.

Изложенное позволяет развернуть определение финансовой деятельности: *это деятельность по управлению монетарным (финансовым) состоянием ее субъекта, включающая управление финансовым имуществом (совершение финансовых операций) и управление финансовыми рисками.*

Экономические субъекты обладают финансовыми активами, совершают финансовые операции и управляют финансовыми рисками преимущественно с использованием финансовых услуг. Во многих случаях управление монетарным (финансовым) состоянием без подобных услуг невозможно – финансовая деятельность неразрывно связана с ними.

Монетарное (финансовое) состояние есть компонент имущественного состояния, потому управление им осуществляется в рамках хозяйства. В национальной экономике мы выделяем частные,

приравненные к ним и государственные хозяйства. Аналогичное деление свойственно и финансовой деятельности.

Финансовые операции практически всегда совершаются в паре и приводят к изменениям в финансовом имуществе двух хозяйств. К примеру, платеж подразумевает пару «отчуждение денег – приобретение денег», что отражается в изменении финансовых активов плательщика и бенефициара. А теперь рассмотрим платеж из частного хозяйства в государственное, скажем, налоговый. Можем ли мы утверждать, что частная организация, уплачивая налог, совершает акт частной финансовой деятельности, а государство, получая налоговый платеж, – акт государственной финансовой деятельности? С одной стороны, при уплате налога происходят изменения в частном и казенном финансовом имуществе. С другой стороны, эти акты входят в публично-правовую конструкцию исполнения налогового обязательства (ст. 42 Налогового кодекса Республики Беларусь), т. е. подчиняются одним и тем же нормам. Но смысл выделения частной финансовой деятельности заключается в ее особом правовом режиме, а в приведенном примере он теряется. Выход мы видим в том, чтобы подобные акты субъекта частного хозяйства квалифицировать как участие в государственной финансовой деятельности, а не осуществление частной финансовой деятельности. Такое участие мы фиксируем всегда, когда происходит движение финансового имущества между казной и частным хозяйством.

В процессе государственной финансовой деятельности возникают казенные, или фискальные отношения. Последние традиционно отождествляются с налоговыми (бюджетными) отношениями, но в нашем понимании они не ограничиваются бюджетом, а связаны с казной в целом. Впрочем, здесь мы разделяем позицию научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета: «...*фискальные правоотношения* – это общественные отношения, складывающиеся по поводу существования казны...» [31, с. 176]. Следовательно, частная финансовая деятельность осуществляется вне фискальных отношений.

Заключение. Финансовая деятельность в хозяйственной (неоклассической) концепции финансов относится к экономической (хозяйственной) деятельности. Последняя представляет собой деятельность по управлению имущественным состоянием ее субъекта и направлена на достижение желаемого имущественного состояния.

Финансовая деятельность – это деятельность по управлению монетарным (финансовым) состоянием ее субъекта, включающая управление финансовым имуществом (совершение финансовых операций) и управление финансовыми рисками.

Финансовые операции состоят из действий экономического субъекта, приводящих к желаемому изменению его финансовых активов и (или) финансовых долгов. Финансовые риски, напротив, отражают возможность нежелаемого изменения монетарного (финансового) состояния.

Список использованных источников

1. Черняева, И. В. Современная теория финансов и эффективность воспроизводственных процессов / И. В. Черняева // Финансы и кредит. – 2008. – № 32. – С. 40–45.
2. Левчаев, П. А. Финансы организаций: учеб. / П. А. Левчаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 386 с.
3. Геворкян, М. В. Конституционно-правовые основы экономической деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / М. В. Геворкян; МГУ. – М., 2012. – 33 с.
4. Шувалов, И. И. Понятие экономической деятельности в современном праве России / И. И. Шувалов // Lex russica. – 2020. – № 6. – С. 61–67.
5. Савенко, Н. Е. Экономическая деятельность: понятие, сущность и признаки в контексте права и экономики / Н. Е. Савенко // Власть Закона. – 2022. – № 4. – С. 124–139.
6. Белых, С. В. Экономическая деятельность как конституционно-правовая категория: понятие, признаки / С. В. Белых // Бизнес, менеджмент и право. – 2021. – № 3. – С. 44–47.
7. Предпринимательское (хозяйственное) право: учеб. / Н. Н. Вознесенская [и др.]; под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 560 с.
8. Стражев, В. И. Хозяйственная деятельность, ее структура и содержание как объект бухгалтерского учета и анализа / В. И. Стражев // Бухгалтерский учет и анализ. – 2015. – № 4. – С. 42–45.
9. Частнов, К. С. Понятие «хозяйственная деятельность» / К. С. Частнов, Н. В. Калеев // Балтийский гуманитар. журн. – 2016. – Т. 5, № 3. – С. 282–284.

10. Хозяйственное право: электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / Н. Л. Бондаренко [и др.]; БГУ, юрид. фак., каф. хозяйственного права. – Минск: БГУ, 2022. – 197 с.
11. Конаневич, Ю. Г. Публичная хозяйственная деятельность как вид хозяйственной деятельности / Ю. Г. Конаневич // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2023. – № 2. – С. 73–83.
12. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2004. – 352 с.
13. Davydov, V. V. The Content and Unsolved Problems of Activity Theory / V. V. Davydov // Perspectives on Activity Theory / ed. by Y. Engeström, R. Miettinen, R. Punamäki. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 39–52.
14. Никифоров, А. Л. Деятельность, поведение, творчество / А. Л. Никифоров // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – С. 52–69.
15. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / М. Вебер; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2017. – Т. II. Общности. – 429 с.
16. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 464 с.
17. Щедровицкий, Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Г. П. Щедровицкий // Щедровицкий Г. П. Избранные труды = Selected works. – М.: Шк. культ. политики, 1995. – С. 233–280.
18. Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе / Т. Котарбинский; пер. Л. В. Васильева, В. И. Соколовского. – М.: Экономика, 1975. – 269 с.
19. Леиашвили, П. Экономическая деятельность: телеологический анализ / П. Леиашвили. – Тбилиси: Сиахле, 2011. – 194 с.
20. Ручкина, Г. Ф. От предпринимательского права – к экономическому праву / Г. Ф. Ручкина // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 118–122.
21. Запольский, С. В. Теория финансового права: научные очерки / С. В. Запольский. – М.: РАП, 2010. – 371 с.
22. Грачева, Е. Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль в системе социального управления / Е. Ю. Грачева // Финансовое право. – 2003. – № 2. – С. 8–12.
23. Финансовое право: учеб. / под общ. ред. Э. Д. Соколовой; отв. ред. А. Ю. Ильин. – М.: Проспект, 2019. – 592 с.
24. Попондопуло, В. Ф. Финансовое право: понятие, природа, источники / В. Ф. Попондопуло // Финансовое право. – 2020. – № 1. – С. 8–14.
25. Гурвич, М. А. Советское финансовое право / М. А. Гурвич. – М.: Госюриздат, 1952. – 324 с.
26. Ровинский, Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права / Е. А. Ровинский. – 2-е изд., стер. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 176 с.
27. Конаневич, Ю. Концепция финансового права / Ю. Конаневич. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2016. – 268 с.
28. Барулин, С. В. Финансы: учеб. / С. В. Барулин. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2015. – 640 с.
29. Сабитова, Н. М. Финансовые риски и финансовая деятельность публично-правовых образований / Н. М. Сабитова // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 565–578.
30. Кудряшова, Е. В. Право на риск как ограничитель публично-правового регулирования финансовых отношений / Е. В. Кудряшова // Финансовое право. – 2020. – № 2. – С. 8–11.
31. Бондаренко, Н. Л. К вопросу об институционализации фискального права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Байкальские компаративистские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22–23 апр. 2022 г. / отв. ред. И. А. Минникес. – Иркутск: Изд. дом БГУ, 2022. – С. 173–182.

References

1. Chernjaeva I. V. Modern Theory of Finance and the Effectiveness of Reproductive Processes. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2008, no. 32, pp. 40–45 (in Russian).
2. Levchaev P. A. *Organization's Finances*. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. 386 p. (in Russian).
3. Gevorkjan M. V. *Constitutional and Legal Foundations of Economic Activity in the Russian Federation. Ph. D. leg. sci. diss.* Moscow, 2012. 33 p.
4. Shuvalov I. I. Concept of Economic Activity in Modern Russian Law. *Lex russica* [Russian Law], 2020, no. 6, pp. 61–67 (in Russian).
5. Savenko N. E. Economic Activity: Concept, Essence and Features in the Context of Law and Economics. *Vlast' Zakona* [The Rule of Law], 2022, no. 4, pp. 124–139 (in Russian).
6. Belyh S. V. Economic Activity as a Constitutional and Legal Category: Concept, Signs. *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management and Law], 2021, no. 3, pp. 44–47 (in Russian).
7. Laptev V. V., Zankovskii S. S. *Business Law*. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. 560 p. (in Russian).
8. Strazhev V. I. Economic Activity, its Structure and Content as an Object of Accounting and Analysis. *Buhgalterskij uchet i analiz* [Accounting and Analysis], 2015, no. 4, pp. 42–45 (in Russian).
9. Chastnov K. S., Kaleev N. V. Concept of “Economic Activity”. *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2016, vol. 5, no. 3, pp. 282–284 (in Russian).
10. *Business Law*. Minsk, BSU Publ., 2022. 197 p. (in Russian).
11. Konanovich Ju. G. Public Economic Activity as a Type of Economic Activity. *Sacyjal'na-jekanamichnyja i pravavyja dasledavanni* [Socio-Economic and Legal Studies], 2023, no. 2, pp. 73–83 (in Russian).

12. Leont'ev A. N. *Activity. Conscience. Personality*. Moscow, Smysl Publ., Akademija Publ., 2004. 352 p. (in Russian).
13. Davydov V. V. The Content and Unsolved Problems of Activity Theory // *Perspectives on Activity Theory*. Ed. by Y. Engeström, R. Miettinen, R. Punamäki. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, pp. 39–52.
14. Nikiforov A. L. *Activity, Behavior, Creativity. Activity: Theories, Methodology, Problems*. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 52–69 (in Russian).
15. Weber M. *Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. Vol. II. Generalities*. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki Publ., 2017. 429 p. (in Russian).
16. Bulgakov S. N. *Philosophy of the Economy*. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2009. 464 p. (in Russian).
17. Shhedrovickij G. P. Initial Representations and Categorical Means of Activity Theory. *Shhedrovickij G. P. Selected Works*. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki, 1995, pp. 233–280 (in Russian).
18. Kotarbinskij T. *Treatise on Good Work*. Moscow, Jekonomika Publ., 1975. 271 p. (in Russian).
19. Leiashvili P. *Economic Activity: Teleological Analysis*. Tbilisi, Siahle Publ., 2011. 194 p. (in Russian).
20. Ruchkina G. F. *From Entrepreneurial Law to Economic Law. Gosudarstvo i parvo* [State and Law], 2012, no. 2, pp. 118–122 (in Russian).
21. Zapol'skij S. V. *Theory of Financial Law: Scientific Essays*. Moscow, RAP Publ., 2010. 371 p. (in Russian).
22. Gracheva E. Yu. Financial Activity and Financial Control in the Social Management System. *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2003, no. 2, pp. 8–12 (in Russian).
23. Sokolova E. D. *Financial Law*. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 592 p. (in Russian).
24. Popondopulo V. F. *Financial Law: Concept, Nature, Sources. Finansovoe parvo* [Financial Law], 2020, no. 1, pp. 8–14 (in Russian).
25. Gurvich M. A. *Soviet Financial Law*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1952. 324 p. (in Russian).
26. Rovinskii E. A. *Basics of the Theory of Soviet Financial Law*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2018. 176 p. (in Russian).
27. Konanevich Yu. *A Concept of Financial Law*. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing, 2016. 268 p. (in Russian).
28. Barulin S. V. *Finance*. Moscow, KNORUS Publ., 2015. 640 p. (in Russian).
29. Sabitova N. M. Financial Risks and Financial Activities of Public Legal Entities. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2018, vol. 24, no. 3, pp. 565–578 (in Russian).
30. Kudryashova E. V. The Right to Risk as a Limiter of Public Law Regulation of Financial Relations. *Finansovoe parvo* [Financial Law], 2020, no. 2, pp. 8–11 (in Russian).
31. Bondarenko N. L., Konanevich Yu. G., Gladkaya E. N. On the Issue of Institutionalization of Fiscal Law. *Baikal Comparative Readings, Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, BSU Publ., 2022, pp. 173–182 (in Russian).

Информация об авторе

Протасовицкий Сергей Петрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: hello@prata.me. <https://orcid.org/0009-0002-9304-168X>

Information about the author

Sergey P. Pratasavitski – Ph. D. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law, Law Faculty Belarusian State University (8 Leningadskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: hello@prata.me. <https://orcid.org/0009-0002-9304-168X>

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 338.47
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-342-352>

Поступила в редакцию 01.07.2024
Received 01.07.2024

Т. С. Вертинская

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ГАЗОМОТОРНОГО ТОПЛИВА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В АСПЕКТЕ СОЮЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Аннотация. Рассматривается новое направление белорусско-российского экономического сотрудничества в области использования природного газа в качестве моторного топлива. Анализируется состояние рынка газомоторного топлива (ГМТ) в Беларуси. По результатам проведенного анкетирования определены проблемы и основные ограничения в этой области. Показана актуальность разработки государственных стратегических документов (концепции, программы) в целях стимулирования использования ГМТ в Беларуси и в перспективе формирования объединённого рынка ГМТ Союзного государства. Обоснованы основные положения перспективной белорусской модели формирования рынка ГМТ, включающие: принцип этапности, начиная с реализации конкурентных преимуществ Беларуси в этой области и обеспечения сопряженности всех структурных элементов рынка; секторальный подход к использованию ГМТ в отдельных сегментах транспортных средств; формирование условий для позиционирования Беларуси как инкубатора и технико-экономического испытательного полигона в области разработки и внедрения новых технологий в применении ГМТ; реализация различных пилотных проектов, демонстрационных зон, технико-экономических испытательных полигонов как точек роста в этой области; запуск механизмов рыночного саморазвития сектора ГМТ на уровне владельцев личного автотранспорта; меры по формированию объединенного рынка ГМТ Республики Беларусь и Российской Федерации. Сделан вывод о потенциальных эколого-экономических эффектах от применения природного газа в качестве моторного топлива в Беларуси в определенных сегментах транспорта, где использование электротранспорта технологически невозможно или экономически неэффективно.

Ключевые слова: автомобильная техника, газомоторное топливо, государственная политика, объединенный рынок, промышленный потенциал, Союзное государство, стратегическое планирование

Для цитирования: Вертинская, Т. С. Перспективы формирования рынка газомоторного топлива в Республике Беларусь в аспекте союзного строительства / Т. С. Вертинская // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 342–352. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-342-352>

Tatyana S. Vertinskaya

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**PROSPECTS FOR THE FORMATION OF THE GAS MOTOR FUEL MARKET
IN THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE ASPECT OF UNION CONSTRUCTION**

Abstract. The relevance of the development of a new direction of Belarusian-Russian economic cooperation in the field of using natural gas as a motor fuel has been determined. The state of the gas motor fuel (GMF) market in Belarus is considered; based on the results of the survey, problems and main limitations in this area are identified. The feasibility of developing state strategic documents (concepts, programs) in order to stimulate the use of gas fuel in Belarus and in the future to form a unified gas fuel market of the Union State is shown. The main provisions of the promising Belarusian model for the formation of the gas motor fuel market are substantiated, including: the principle of stages, starting with the implementation of the competitive advantages of Belarus in this area and ensuring the interconnection of all structural elements of the market; sectoral approach to the use of gas turbine engines in individual vehicle segments; creating conditions for positioning Belarus as an incubator and technical and economic testing ground in the region for the development and implementation of new technologies in the use of hydrocarbons; implementation of various pilot projects, demonstration zones, feasibility testing sites as growth points in this area; launching mechanisms for market self-development of the gas transportation sector at the level of owners of personal vehicles; measures to form a unified market for gas motor fuel of the Republic of Belarus and the Russian Federation. A conclusion

is drawn about the potential environmental and economic effects of the use of natural gas as a motor fuel in Belarus in certain transport segments where the use of electric transport is technologically impossible or economically ineffective.

Keywords: automotive technology, gas motor fuel, state policy, united market, industrial potential, Union State, strategic planning

For citation: Vertinskaya T. S. Prospects for the formation of the gas motor fuel market in the Republic of Belarus in the aspect of union construction. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 342–352 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-342-352>

Введение. Белорусско-российские экономические связи, актуальность которых определяется сложившейся геополитической ситуацией, а также усилением санкционного давления со стороны коллективного Запада, ставят перед учеными задачу выявления новых ниш взаимовыгодного экономического сотрудничества, направленного на укрепление интеграционных связей Беларуси и России в рамках Союзного государства. Одним из возможных направлений развития союзных отношений может рассматриваться сфера применения газомоторного топлива (ГМТ). Несмотря на тот факт, что для Беларуси газ – это привозное сырье и одним из приоритетов развития белорусской экономики в настоящее время является использование электричества как альтернативного вида топлива на транспорте, развитие сотрудничества в сфере ГМТ может быть экономически выгодным для Беларуси и внести вклад в союзное строительство.

Так, использование ГМТ позволяет существенно снизить транспортные издержки в экономике страны. Значительная доля транспортных издержек связана, прежде всего, с высокой себестоимостью перевозок и существенной долей амортизированного парка транспортных средств. По данным Ассоциации международных автомобильных перевозчиков (БАМАП), доля затрат на топливо при осуществлении международных автомобильных перевозок составляет в Беларуси 35 %. Согласно оценкам ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», использование ГМТ на транспорте в год по отношению к применению традиционных нефтяных видов моторного топлива снижает годовые затраты для легкового автомобиля в 2–3 раза, для седельного тягача в 1,8–2,3 раза.

При этом дополнительным преимуществом метана является его высокая экологическая эффективность, что крайне актуально в контексте повестки декарбонизации экономики и снижения уровня загрязнения окружающей среды, где выбросы от мобильных источников (транспорт) в 2021 г. занимали более 60 % от общего объема выбросов в окружающую среду.

Развитие научно-технологической и производственной базы по применению природного газа на транспорте связано с внедрением новых технологий, привлечением инновационных, научных, технологических решений с учетом лучших мировых практик. Тем самым будет обеспечен вклад в реализацию политики импортозамещения оборудования для производства природного газа (КПГ, СПГ)¹, а также в развитие машиностроительной отрасли – производство отечественного транспорта на ГМТ. Это в свою очередь направлено на создание дополнительных высокопроизводительных рабочих мест в республике и активизацию малого и среднего бизнеса в сервисном обслуживании газобаллонных автомобилей с соответствующими налоговыми отчислениями в бюджет.

Значительные резервы заключаются в наращивании экспортного потенциала республики на основе поставок на зарубежные рынки, прежде всего в Российскую Федерацию, производимой в стране автомобильной техники, использующей природный газ.

Значимость формирования газомоторного сектора определяется также возможностью укрепления транзитного потенциала. Так, создание производственно-сбытовой инфраструктуры сжиженного природного газа (СПГ) на территории Беларуси могло бы служить дальнейшему разви-

¹ СПГ – сжиженный природный газ (очищенный от примесей природный газ (метан), с преимущественным содержанием метана, переведенный в жидкое состояние путем конденсации при криогенных температурах). При атмосферном давлении температура конденсации природного газа составляет порядка –161,5 °С. В процессе сжижения природного газа происходит уменьшение его объема ориентировочно в 600 раз. СПГ представляет собой нетоксичную жидкость с относительно высокой массовой теплотой сгорания.

КПГ – компримированный природный газ (вид моторного топлива, получаемый при сжатии метана на АГНКС до высокого давления).

СУГ – сжиженный углеводородный газ (продукт переработки нефти, смесь сжиженных под давлением легких углеводородов с температурой кипения от –50 до 0 °С). В документах встречаются следующие названия: пропан-бутан, газ ПБА.

тию международных транспортных коридоров, проходящих по территории страны, а также задействию потенциала газопроводов.

Теоретический базис исследований по использованию природного газа в качестве моторного топлива формируется в настоящее время по нескольким направлениям.

Во-первых, речь идет о научных исследованиях, которые касаются мониторинга и анализа мировых тенденций применения ГМТ, а также обобщения страновых практик в этой области. Здесь можно указать аналитические обзоры, которые на регулярной основе публикуют Национальная газомоторная ассоциация России, Газпром, аналитическое агентство Natural Gas Vehicle Global (NGV) и другие участники рынка ГМТ [1–3].

Во-вторых, значительный вклад в развитие теоретического базиса рассматриваемой проблемы вносят работы по оценке технологической, экономической и экологической эффективности использования природного газа. По этому направлению разработано значительное количество методических рекомендаций, позволяющих проводить оценки на различных управленческих уровнях: национальном [4; 5], региональном [6; 7], на уровне предприятия [8–9]. Особое место занимают методические разработки по экологической эффективности применения ГМТ [10; 11].

В-третьих, развитие теоретической основы научных исследований в области ГМТ определяется практико-ориентированными разработками в области государственного регулирования, механизмов стимулирования развития этого сектора экономики. Для Беларуси представляют интерес научные положения, выводы и рекомендации по совершенствованию государственной политики в области применения ГМТ Российской Федерации [12; 13].

В Республике Беларусь исследования по данной проблематике находятся на начальной стадии. Одним из значимых является научное исследование, проведенное ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», по теме «Технико-экономическое обоснование эффективности и перспективности использования природного газа в качестве моторного топлива в Республике Беларусь». Вышеизложенное свидетельствует о целесообразности более глубокого изучения проблемы применения ГМТ в Беларуси с учетом как потенциальных выгод, так и существующих рисков.

Состояние рынка ГМТ в Беларуси. Основными участниками формируемого белорусского рынка ГМТ являются: граждане и предприятия, осуществляющие эксплуатацию газомоторной техники; производители техники, работающей на ГМТ (КПГ и СПГ); производители и поставщики газобаллонного оборудования; объекты сервисной инфраструктуры, занимающиеся переоборудованием транспортных средств для использования ГМТ и оказанием иных услуг; органы государственного управления, обеспечивающие реализацию политики применения ГМТ на транспорте в Беларуси.

Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, по состоянию на конец 2022 г. парк автомобильных транспортных средств Республики Беларусь насчитывал 3523 тыс. транспортных средств, при этом категория легковых автомобилей, численность которых составляла около 3100 тыс. ед., или 88,0 % от общего количества автотранспортных средств, является наиболее многочисленной. В собственности физических лиц находится большая часть легковых автомобилей (95,81 %), а в собственности юридических – автобусы, троллейбусы, специализированные пассажирские транспортные средства (73,8 %) и грузовые автомобили (63,4 %). Всего в собственности граждан находилось 88,4 % от общего числа автомобилей, организациям принадлежит 11,6 %.

Согласно данным ОАО «Газпром трансгаз Беларусь», в 2023 г. численность газобаллонных транспортных средств, использующих природный газ в качестве моторного топлива (КПГ), составляла 16,0 тыс. единиц, или 0,45 % от общего количества зарегистрированных автомобилей в Республике Беларусь. Наибольшую долю в структуре газомоторного парка составляют легковые автомобили (72,8 %), затем следуют малотоннажные и грузопассажирские автомобили (тип Газель, Кадди) (21,1 %), на грузовики и автобусы приходится 2,6 и 3,5 % соответственно.

В разрезе сегментов транспортных средств на ГМТ речь идет об использовании автомобильной техники по следующим направлениям: 1) легковой личный транспорт или использование в коммерческих целях для перевозки пассажиров (таксопарки); 2) пассажирский транспорт (в настоящее время в Республике Беларусь находятся в эксплуатации 27 единиц автобусов МАЗ, работающих на КПГ); 3) коммунальная техника (мусоровозы, дорожно-уборочные машины), выпуск которой

налажен в Беларуси на Минском автомобильном заводе; 4) использование автомобильной техники в сельском хозяйстве (речь идет о 50 зерноуборочных комбайнах «ПАЛЕССЕ GS4118K», произведенных на ОАО «Гомсельмаш» и работающих на КПП, которые были распределены в 16 агрохозяйств Гомельской области).

Розничная сеть заправок компримированного газа (КПП) включает 28 стационарных автомобильных газонаполнительных компрессорных станций (АГНКС), предназначенных для подготовки, компримирования природного газа и заправки транспорта, которые принадлежат ОАО «Газпром трансгаз Беларусь».

Анализ распределения объемов реализации КПП по типам населенных пунктов показал, что 71 % объемов реализуется в г. Минске (4 АГНКС, 27 %) и областных центрах (9 АГНКС, 44 %). На остальные населенные пункты, в которых функционируют 15 АГНКС, приходится 29 % от общего объема реализации КПП в Республике Беларусь. Это объясняется концентрацией деловой активности в крупных городах и особенно в г. Минске.

В Беларуси комплекс сервисных услуг выполняется на пунктах переоборудования, ремонта и регулировки газобаллонного оборудования. В настоящее время в стране оказанием услуг по ремонту и регулировке газовой аппаратуры занимаются около 20 организаций, а освидетельствованием газовых баллонов – около 10.

Основными производителями транспортной техники в Беларуси, использующей природный газ в качестве моторного топлива, являются: ОАО «БЕЛАЗ» – управляющая компания холдинга «БЕЛАЗ-ХОЛДИНГ», ОАО «Минский автомобильный завод» – управляющая компания холдинга «БЕЛАВТОМАЗ», Холдинг «ГОМСЕЛЬМАШ», ООО «МАЗ-Вейчай», ОАО «Минский тракторный завод» и другие, которые имеют в своем активе опытные и серийные модели транспортной техники на ГМТ.

Органами государственного управления, в зоне ответственности которых находятся вопросы применения природного газа в качестве моторного топлива, являются Минпром, Минэкономики, Минэнерго, Минтранс, Минприроды, Госстандарт, МЧС Республики Беларусь, а также органы управления Союзного государства Беларуси и России.

Следует отметить, что в прошлом в республике была наработана определенная практика использования ГМТ на транспорте. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 мая 2000 г. № 671 «О создании комиссии по вопросам использования газа в качестве моторного топлива» была разработана Государственная программа использования газа в качестве моторного топлива для автотранспортных средств на 2003–2005 гг. и на период до 2010 г.

В дальнейшем комплексные мероприятия по расширению применения природного газа в качестве моторного топлива разрабатывались, начиная с 2013 по 2020 г., согласно Постановлению Министерства экономики Республики Беларусь от 29 апреля 2013 г.

Дорожная карта мероприятий по реализации Национальной программы поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 гг., разрабатываемая в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 августа 2016 г. № 604, также предусматривала: обеспечение вхождения белорусской экспортной продукции в сегмент рынка техники на ГМТ; создание с партнерами Союзного государства Беларуси и России, СНГ, ЕАЭС крупных совместных предприятий с уровнем локализации, достаточным для получения субсидий на рынках третьих стран.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствуют рабочие программы, способствующие развитию газомоторного рынка. Одна из причин – это реализация нового приоритета – развитие электротранспорта в рамках реализации Комплексной программы развития электротранспорта на 2021–2025 гг., которая утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 апреля 2021 г. № 213.

Не разработан в стране и специальный механизм стимулирования использования газа в качестве моторного топлива. Между тем имеет место программный метод финансирования проектов, который может быть использован и для производства автомобильной техники на ГМТ.

В частности, такие проекты могут быть реализованы в рамках выполнения государственных научно-технических программ (далее – ГНТП). В 2021–2025 гг. выполняются 14 таких ГНТП, в том числе «Инновационное машиностроение и машиностроительные технологии» (госзаказчик –

Минпром). Так, по итогам выполнения подпрограммы «Автотракторокомбайностроение» ОАО «БЕЛАЗ» (управляющая компания холдинга «БЕЛАЗ-ХОЛДИНГ») на основе собственной разработки в 2022 г. произвело и поставило на экспорт (в Российскую Федерацию) 2 карьерных самосвала, использующих природный газ в качестве моторного топлива, на сумму 5,1 млн руб. (1,7 млн долл. США).

По итогам выполнения Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. обеспечен выход на проектную мощность мини-АГНКС и передвижных АГЗ компримированным природным газом на базе ОАО «Новогрудский завод газовой аппаратуры».

Еще один источник – это финансовые средства местных инновационных фондов, которые также были использованы в республике. В частности, проект «Разработать, изготовить и испытать экспериментальный образец перспективного зерноуборочного комбайна на газовом топливе», выполненный ОАО «Гомсельмаш», профинансирован за счет средств инновационного фонда Гомельского областного исполнительного комитета.

Для определения дальнейших направлений развития сектора ГМТ в структуре белорусской экономики интерес могут представлять результаты проведенного ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» анкетирования физических и юридических лиц, которые уже используют транспортные средства на газе. Было опрошено 90 человек, обобщение полученных данных показало следующие результаты.

Большая часть опрошенных (91,3 %) осуществляют внутривнутриреспубликанские перевозки и только 8,7 % из числа респондентов – в соседние регионы Российской Федерации, в основном на автомобилях, использующих СУГ.

В числе наиболее значимых факторов, препятствующих использованию ГМТ на транспорте, в порядке убывания были указаны: отсутствие заправок, высокая стоимость новых транспортных средств на газе, недостаток мер государственной поддержки и высокая стоимость переоборудования машин. Также была отмечена проблема неравномерности покрытия территории страны сетью автозаправочных станций на КПП, особенно это касается регионов на севере Республики Беларусь. Во многих крупных городах, в том числе областных центрах, респонденты отмечали проблему отсутствия комплексных услуг для клиентов на АГНКС. Из-за недостаточной развитости сети АГНКС и пунктов бескомпрессорных заправок многие опрошенные отмечали наличие очередей на автозаправках. В то же время в качестве незначительных факторов, влияющих на принятие решения о переводе транспортных средств на газ, указывались отсутствие запасных частей и недостаток квалифицированных кадров.

Для перспектив развития рынка ГМТ интерес представляют ответы респондентов на вопрос о способах приобретения техники. Большинство опрошенных рассматривают возможность по обновлению своего автопарка. Примерно в равной доле распределились ответы на вопрос: закупка новых ТС (60 %) или переоборудование имеющегося автотранспорта (58,9 %). В целом, высказывалось мнение, что для стимулирования развития парка транспортных средств, использующих ГМТ, необходимо строительство новой автозаправочной инфраструктуры на ГМТ; проведение льготной кредитной политики для приобретения нового транспорта на ГМТ, особенно использующих КПП.

Таким образом, проведенный анализ состояния сектора использования ГМТ на транспорте в стране выявил следующие препятствия и ограничения.

Во-первых, *организационно-экономические факторы*: необходимость импорта природного газа в силу ограниченности сырьевой базы, что требует дополнительных финансовых средств и повышает риски энергетической безопасности страны; ограниченный парк автотранспорта на ГМТ; недостаточное количество автомобильных газонаполнительных компрессорных станций; отсутствие объектов газозаправочной инфраструктуры сжиженным природным газом (КриоАЗС); низкий уровень серийного производства транспорта с использованием ГМТ; отсутствие импортных комплектующих для газового двигателя и газового баллона, в том числе по причине санкционной политики; высокая стоимость производства транспортных средств, что требует финансовой поддержки, субсидий, повышения доступности кредитов; по отдельным сегментам (внутрипроизводственный, а также легкий коммерческий транспорт) конкуренция со стороны электротранспорта.

Во-вторых, *технологические барьеры*: ограниченные возможности перевода существующего парка транспортных средств на ГМТ из-за конструктивных особенностей, значительного износа транспортных средств и по другим причинам; увеличение холостого пробега транспортного средства ввиду отдаленности АГНКС от производственных баз и маршрутов движения; существенные недостатки при эксплуатации техники, связанные с увеличением веса, габаритов.

В-третьих, *институциональные и управленческие условия*: отсутствие в Беларуси мер государственной поддержки и стимулирования применения природного газа в качестве моторного топлива, в том числе возможности использования лизинга, банковских кредитов, а также ссуд на производство техники; слабая координация управленческой деятельности заинтересованных министерств и ведомств (Минэкономики, Минпрома, Минэнергетики, Минприроды, НАН Беларуси и др.); не достигнута синхронизация в развитии парка газомоторных транспортных средств, мощностей по производству ГМТ, газотранспортной и сервисной инфраструктуры; низкая информированность о возможностях и преимуществах природного газа в качестве моторного топлива; отсутствие полной информации и статистических данных о состоянии развития рынка ГМТ в Беларуси; недостаток квалифицированного обслуживающего персонала по транспорту на КПП и СПГ; не использована в полной мере площадка Союзного государства Беларуси и России для формирования рынка ГМТ в Беларуси.

Цели, принципы и задачи государственной политики в области использования ГМТ. Предпочтительная цель государственной политики Беларуси в области применения природного газа в качестве ГМТ заключается в создании институциональных и более благоприятных организационно-экономических условий для участников рынка ГМТ на основе разработки документов стратегического планирования.

В качестве основных принципов государственного регулирования использования альтернативных видов моторного топлива целесообразно рассматривать следующие:

укрепление энергетической безопасности, рациональное использование национальных ресурсов нефти на основе расширения перечня альтернативных видов моторного топлива;

обеспечение социально-экономической, экологической эффективности использования топливно-энергетических ресурсов на основе расширения применения более экологичных видов моторного топлива и, как следствие, декарбонизация экономики и энергетических систем;

сочетание рыночных стимулов и механизмов государственного регулирования развития сектора альтернативного моторного топлива в стране;

реализация секторального подхода к использованию альтернативных видов моторного топлива, исходя из критериев технической возможности и наибольшей экономической эффективности в отдельных сегментах транспорта;

применение комплексного и сбалансированного подхода в части создания условий для честной конкуренции и право выбора для потребителя различных альтернативных видов топлива.

Для реализации отмеченных принципов целесообразно решение следующих задач государственной политики в рассматриваемой сфере:

повышение уровня научного потенциала республики за счет расширения научных исследований и научно-технологических разработок в нефтегазовых и смежных областях;

организация научного обеспечения стандартизации, аттестации и оценки соответствия автотранспорта на ГМТ, его безопасной эксплуатации на дорогах общего пользования;

формирование собственной сырьевой базы ГМТ на основе реализации проектов в области создания малотоннажных заводов по производству СПГ;

наращивание производственного потенциала республики на основе производства высокотехнологичной и инновационной продукции для выпуска газомоторной техники и газобаллонного оборудования;

реализация политики импортозамещения в области производства машин и оборудования на газе, в том числе с Российской Федерацией;

укрепление экспортного потенциала страны путем расширения присутствия Беларуси на мировых рынках машин и оборудования на ГМТ, включая Российскую Федерацию;

развитие современной сервисной и удобной газозаправочной инфраструктуры (сети стационарных и мобильных средств заправки ГМТ), интегрированной в международные транспортные коридоры, проходящие через территорию Беларуси, а также транспортную сеть Российской Федерации;

снижение экологической нагрузки от транспорта, особенно в городских условиях, и повышение уровня экологической безопасности транспортного комплекса страны;

стимулирование деятельности юридических и физических лиц, направленное на использование ГМТ;

формирование правовой и институциональной основы для развития белорусского рынка ГМТ и в перспективе объединенного рынка ГМТ с Российской Федерацией;

повышение уровня осведомленности о преимуществах ГМТ и безопасности его использования;

подготовка документов стратегического планирования развития газомоторного рынка Республики Беларусь (речь может идти о Концепции применения импортозамещающих технологий в газовой, машиностроительной и транспортной отраслях в Республике Беларусь или Комплексной целевой программе расширения использования природного газа в качестве моторного топлива в Республике Беларусь).

В качестве положений *перспективной белорусской модели формирования рынка ГМТ*, которые могут явиться основой вышеуказанных документов, предлагается следующее [14].

Во-первых, *рынок ГМТ планируется формировать поэтапно, реализуя имеющийся задел и конкурентные преимущества Беларуси в этой области, а также обеспечивая сопряженность всех структурных элементов рынка.*

В условиях отсутствия в республике полноценного рынка ГМТ и недостаточности государственного регулирования разработка мер по применению природного газа в качестве моторного топлива должна быть направлена в первую очередь на:

дальнейшее укрепление научно-технической базы в этой области;

поддержку производителей транспортных средств серийного выпуска на ГМТ и газового оборудования;

развитие заправочной и сервисной инфраструктуры;

создание малотоннажных производств сниженного газа;

стимулирование потребителей к использованию транспорта на ГМТ.

Во-вторых, *обеспечение секторального подхода к использованию ГМТ в отдельных сегментах транспортных средств (карьерная, сельскохозяйственная, дорожно-строительная, коммунальная техника, пассажирский, коммерческий, личный транспорт и др.).*

Критерии распределения различных видов топлива (СПГ, СУГ, КПП, электричество):

1) технические и экономические характеристики топлива, позволяющие более эффективно использовать данный вид топлива в соответствующем сегменте;

2) достигнутый уровень автомобилестроения для данного сегмента транспортных средств с учетом эффективного использования рассматриваемого вида моторного топлива;

3) наличие транспортных средств в Беларуси, использующих данный вид топлива;

4) перспективы развития сектора экономики, где планируется использование транспортных средств на ГМТ;

5) наличие сервисной и газозаправочной инфраструктуры и условия доступа к этим объектам транспортных средств, работающих в данном сегменте.

Реализация предложенных критериев позволила выделить приоритетные сферы применения ГМТ на транспорте в Беларуси (таблица).

В-третьих, *формирование в Беларуси правовых и организационно-экономических условий для позиционирования страны как инкубатора и технико-экономического испытательного полигона в области разработки и внедрения новых технологий использования природного газа в качестве моторного топлива.*

Оно направлено на развитие производства транспортных средств с применением ГМТ на основе реализации созданного производственного и научно-технологического потенциала и усиления международной экономической специализации в сегменте большегрузной карьерной техники

Сегменты использования альтернативных видов моторного топлива для различных видов транспортных средств**Segments of use of alternative types of motor fuel for different types of vehicles**

Вид транспорта	КПГ	СПГ	СУГ	Электричество
Легковой и легкий коммерческий транспорт	Э	Н	Э	Э
Уборочная и коммунальная техника	Э	Э	Д	Н
Дорожно-строительная техника	Н	Э	Н	Н
Общественный транспорт	Э	Э	Н	Э
Магистральный грузовой и пассажирский транспорт	Д	Э	Н	Н
Крупнотоннажная и сельскохозяйственная техника	Д	Э	Н	Н
Внутрипроизводственный транспорт	Д	Н	Д	Э
Железнодорожный транспорт	Н	Э	Н	Э
Речной транспорт	Н	Э	Н	Э

Условные обозначения: Э – эффективно; Д – доступно; Н – нецелесообразно.

в рамках региональных объединений, членами которых является Беларусь, а также мировой экономики в сегменте большегрузной карьерной техники.

В качестве одного из ключевых проектов в настоящее время рассматривается возможность создания *Центра технологических компетенций по газомоторному топливу* (далее – ЦТК ГМТ). По оценкам экспертов, основным функциональным назначением ЦТК ГМТ является консолидация всего спектра компетенций, необходимых для обеспечения выпуска конкурентоспособной газовой техники и оборудования в кооперации с республиканскими машиностроительными предприятиями и зарубежными партнерами. ЦТК ГМТ может рассматриваться в качестве универсального аутсорсингового конструкторского бюро и производителя пакетных решений по газовым топливным системам, осуществляющего свою работу в интересах и в кооперации с предприятиями, выпускающими базовую технику, потенциально подходящую для установки газовых двигателей и топливных систем. ЦТК ГМТ в перспективе может послужить союзным экспортным центром, на продукцию или компонентную базу которого (в том числе произведенную в рамках кооперационных проектов с российскими предприятиями) могут распространяться меры государственной поддержки, выделяемые в настоящее время машиностроительным и производственным компаниям в сфере ГМТ в Российской Федерации.

Первичное размещение и дальнейшее развитие ЦТК ГМТ в качестве инжинирингового, инновационного и производственного центра целесообразно также рассматривать на территории Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень». Такое решение позволит в перспективе создать целый кластер газомоторного направления, обеспечить эффективную реализацию проектов технологического развития в кооперации с зарубежными партнерами и создать уникальную демонстрационную площадку.

В-четвертых, в целях обеспечения комплексного исполнения рынка ГМТ создание точек роста на основе реализации различных пилотных проектов, демонстрационных зон, технико-экономических испытательных полигонов, в числе которых следующее:

создание малотоннажных производств сжиженного природного газа на территории республики. В настоящее время прорабатывается вопрос о проекте строительства первой в республике установки по производству сжиженного природного газа (СПГ) для его последующего использования машиностроительными предприятиями и логистическими компаниями в качестве моторного топлива. Местом размещения малотоннажной установки определен Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень»;

реализация пилотных проектов, где будут тестироваться новая техника и отрабатываться организационно-технические схемы заправки транспортных средств в реальных условиях (на примере организаций сельского, жилищно-коммунального хозяйств, карьерных горнодобывающих предприятий, автобусных парков, осуществляющих пассажирские перевозки в пригородных маршрутах и между районными городами и др.);

организация экспериментальных площадок, испытательных стендов по производству и испытаниям двигателей и техники на СПГ;

формирование эффективных технологических коопераций и углубление международного сотрудничества в рассматриваемой сфере.

В-пятых, формирование институциональных и организационных условий для активизации рыночных отношений в секторе ГМТ для запуска механизмов саморазвития.

Наиболее активными участниками рынка использования транспорта на ГМТ и его доминирующими потребителями являются индивидуальные владельцы транспорта, оборудованного газовыми баллонами, субъекты предпринимательства, включая таксопарки и др. Драйвером дальнейшего развития рыночных отношений в этом сегменте могут стать сервисная инфраструктура и дополнительные стимулирующие меры, реализуемые на государственном уровне и (или) с участием заинтересованных участников рынка ГМТ на коммерческой основе.

В-шестых, как перспективное направление следует рассматривать создание объединенного рынка ГМТ Республики Беларусь и Российской Федерации.

Ключевыми направлениями развития белорусско-российского сотрудничества в этой области могут стать следующие:

обеспечение равных условий в рамках исполнения принятых в Беларуси и России программ стимулирования природного газа (КПГ/СПГ) в качестве моторного топлива;

сопряжение и увязка основных положений Комплексной программы развития рынка ГМТ в Российской Федерации на период до 2035 г. с планируемыми мероприятиями по развитию рынка ГМТ в Беларуси, а также синхронизация с подпрограммой «Развитие газомоторного топлива» Государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики»;

разработка генеральной схемы размещения объектов производственной, заправочной, сервисной и обеспечивающей инфраструктуры СПГ на территории Республики Беларусь в увязке со стратегическими документами Российской Федерации в этой области и обеспечение интегрированного варианта с размещением российской заправочной инфраструктуры вдоль международных транспортных коридоров, проходящих по территории двух стран;

разработка на совместной основе с Российской Федерацией Комплексной целевой программы реализации проектов по созданию газовой инфраструктуры в целях расширения рынка использования природного газа на территории Республики Беларусь;

активизация научно-технологического сотрудничества научных и образовательных организаций и структур Беларуси и России в области разработки и внедрения эффективных технологических решений для использования ГМТ карьерной, коммунальной и дорожно-строительной, сельскохозяйственной и другой техникой;

разработка и реализация совместных импортозамещающих проектов по производству транспортных средств с использованием ГМТ, в том числе с локализацией на территории Российской Федерации и обеспечением условий субсидирования белорусских производителей;

проработка вопроса о возможном участии белорусских производителей техники на ГМТ, а также научно-технологических структур в формируемых, согласно проекту Концепции развития рынка газомоторного топлива, в Российской Федерации на период до 2035 г. территориальных производственных газомоторных кластерах;

инициирование вопроса о распространении механизма, реализуемого в Российской Федерации в рамках проекта «Народное топливо», на территорию Республики Беларусь;

в целях усиления координации в области регулирования развития рынка ГМТ Союзного государства по аналогии с Российской Федерацией в Торгово-промышленной палате Беларуси создание подкомитета по ГМТ на базе Комитета по развитию экспорта и внешнеэкономической интеграции. Совместная деятельность подкомитетов будет способствовать сближению условий функционирования объединенного рынка природного газа, используемого в качестве моторного топлива в Союзном государстве;

при разработке дорожной карты по реализации межправительственного Соглашения о единой промышленной политике от 15 февраля 2023 г. предусмотреть включение вопросов о перспективе развития объединенного рынка ГМТ в рамках Союзного государства;

внесение предложения о рассмотрении вопросов развития объединенного рынка ГМТ Союзного государства в деятельность отраслевой рабочей подгруппы по импортозамещению в сфере машиностроения для топливно-энергетического комплекса, созданной Министерством энергетики Республики Беларусь и Министерством промышленности и торговли Российской Федерации; проведение активной совместной работы по привлечению финансовых институтов ЕАЭС и СНГ для финансирования проектов по развитию инфраструктуры международных транспортных коридоров на ГМТ.

Заклучение. Таким образом, разработанные предложения определяют новый вектор белорусско-российских экономических связей в формате дальнейшего строительства Союзного государства и формирования в перспективе объединенного рынка ГМТ. Для Республики Беларусь в ближайшей перспективе при реализации разработанных рекомендаций по стимулирующим механизмам появится возможность для наращивания производственного потенциала автомобильной техники и оборудования на ГМТ, в том числе в рамках совместных импортозамещающих проектов; наработки навыков и компетенций по газомоторной тематике; расширения экспортных товарных позиций; увеличения транзитных поставок через территорию Беларуси. Немаловажными для республики являются потенциальные эколого-экономические эффекты от применения природного газа в качестве моторного топлива в определенных сегментах транспорта, где использование электротранспорта технологически невозможно или экономически неэффективно.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Технико-экономическое обоснование перспективы использования природного газа в качестве моторного топлива в Республике Беларусь» по договору между ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» и ОАО «Газпром трансгаз Беларусь».

Acknowledgements. The article was prepared as part of the research project “Feasibility study of the prospects for using natural gas as a motor fuel in the Republic of Belarus” under an agreement between the State Scientific Institution “Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus” and OJSC “Gazprom Transgaz Belarus”.

Список использованных источников

1. Аналитическая справка: «Виды газомоторного топлива» [Электронный ресурс] // Национальная газомоторная ассоциация. – Режим доступа: <https://ngvrus.ru/file/info/library/sravnitelnaya-spravka-prirodnogo-gaza-i-sug.pdf>. – Дата доступа: 09.11.2023.
2. Использование природного газа в качестве моторного топлива [Электронный ресурс] // Газпром экспорт. – Режим доступа: http://www.gazpromexport.ru/files/Gas_Motor_Fuel_2018_RU.pdf385.pdf. – Дата доступа: 18.12.2023.
3. Люгай, С. В. Научно-технические задачи в области использования природного газа в качестве моторного топлива / С. В. Люгай // Газовая пром-сть. – 2018. – № 1 (766). – С. 14–23.
4. Брижань, В. В. Оценка экономической эффективности от перевода грузового автотранспорта на компримированный природный газ в качестве моторного топлива / В. В. Брижань, С. И. Шиян // Наука. Техника. Технологии (политехн. вестн.). – 2020. – № 2. – С. 300–314.
5. Евстифеев, А. А. Методика определения границы экономической эффективности перехода на природный газ в качестве моторного топлива / А. А. Евстифеев, М. Л. Балашов // Транспорт на альтернатив. топливе. – 2013. – № 2 (32). – С. 4–5.
6. Каравайков, В. М. Комплексная оценка эколого-экономической эффективности использования альтернативного моторного топлива в регионе / В. М. Каравайков, С. В. Гаркушина // Регион. экономика: теория и практика. – 2009. – № 3. – С. 9–14.
7. Шамин, М. В. Оценка экономической и экологической эффективности перевода подвижного состава УФС Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на альтернативные виды топлива / М. В. Шамин // Моск. экон. журн. – 2020. – № 3. – С. 189–200. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10194>
8. Экономическое обоснование перевода парка автомобилей на газовое топливо [Электронный ресурс] / Е. Н. Хаматнурова [и др.] // Интернет-журн. «Науковедение». – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.15862/26EVN614>. – Дата доступа: 21.04.2024.
9. Нестеренко, И. С. Об экономической эффективности перевода автомобилей на газовое топливо [Электронный ресурс] / И. С. Нестеренко, Г. А. Нестеренко, В. С. Талызин // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2022. – № 12 (126). – Режим доступа: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.126.43>. – Дата доступа: 21.04.2023.
10. Экологическая эффективность производства и использования природного газа на основе оценки полного жизненного цикла / О. Е. Аксютин [и др.] // Вести газовой науки. – 2017. – № 5 (33). – С. 3–11.
11. На пути к экологически чистой промышленности и улучшенному мониторингу качества воздуха в Казахстане [Электронный ресурс]: программа совмест. экон. исслед. (ПСЭИ) / Всемир. банк, М-во окружающей среды и вод. ресурсов Казахстана. – Приштина, 2013. – Режим доступа: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/304541468292529914/pdf/839150RUSSIAN00ality0Monitoring0Rus.pdf>. – Дата доступа: 09.06.2023.

12. Сурнов, А. В. Стратегия развития рынка газомоторного топлива Российской Федерации / А. В. Сурнов // Газовая пром-сть. – 2015. – № 3 (728). – С. 10–15.

13. Государственная программа Российской Федерации «Расширение использования природного газа в качестве газомоторного топлива» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gazpronin.ru/DraftNGVprogramRus.pdf>. – Дата доступа: 13.07.2023.

14. Состояние, потенциал и перспективы использования газомоторного топлива на транспорте в Республике Беларусь. Вып. 1 (январь 2024 г.) / Т. С. Вертинская [и др.]; науч. ред. Т. С. Вертинская. – Минск: Право и экономика, 2024. – 77 с.

References

1. Analytical report: “Types of gas motor fuel”. *National Gas Vehicles Association*. Available at: <https://ngvrus.ru/file/info/library/sravnitel'naya-spravka-prirodnogo-gaza-i-sug.pdf> (accessed 09.11.2023) (in Russian).

2. Use of natural gas as a motor fuel. *Gazprom export*. Available at: http://www.gazpromexport.ru/files/Gas_Motor_Fuel_2018_RU.pdf385.pdf (accessed 18.12.2023) (in Russian).

3. Lyugai S. V. Scientific and technical problems in the field of using natural gas as a motor fuel. *Gazovaya promyshlennost' = Gas Industry*, 2018, suppl. 1 (766), pp. 14–23 (in Russian).

4. Brizhan V. V., Shiyan S. I. Evaluation of economic efficiency from the transfer of trucks for compressed natural gas as a motor fuel. *Nauka. Tekhnika. Tekhnologii (politekhnikeskii vestnik) = Science. Engineering. Technology (polytechnical bulletin)*, 2020, no. 2, pp. 300–314 (in Russian).

5. Evstifeev A. A., Balashov M. L. Technique of definition of border of economic efficiency of transition to natural gas as motor fuel. *Transport na al'ternativnom toplive = Alternative Fuel Transport*, 2013, no. 2 (32), pp. 4–5 (in Russian).

6. Karavaikov V. M., Garkushina S. V. Comprehensive assessment of the ecological and economic efficiency of using alternative motor fuel in the region. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2009, no. 3, pp. 9–14 (in Russian).

7. Shamin M. V. Evaluation of the economic and environmental efficiency of the transfer of rolling stock of the UFPS of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra to alternative fuels. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*, 2020, no. 3, pp. 189–200 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10194>

8. Khamatnurova E. N., Chursina Yu. A., Khakimov F. Zh., Minhaydarov A. R. Economic justification of the transfer vehicle fleet to gas. *Internet-zhurnal “Naukovedeniye”* [Internet Journal “Science Studies”], 2014, no. 6. Available at: <http://dx.doi.org/10.15862/26EVN614> (accessed 21.04.2024) (in Russian).

9. Nesterenko I. S., Nesterenko G. A., Talizin V. S. On the economic efficiency of conversion of vehicles to gas fuel. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2022, no. 12 (126). Available at: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.126.43> (accessed 21.04.2023) (in Russian).

10. Aksyutin O. Ye., Ishkov A. G., Romanov K. V., Pystina N. B., Akopova G. S., Kosolapova Ye. V. Ecological efficiency of production and application of natural gas on the basis of its full life cycle estimation. *Vesti gazovoy nauki*, 2017, no. 5 (33), pp. 3–11 (in Russian).

11. World Bank, Ministry of Environment and Water Resources of Kazakhstan. *Towards cleaner industry and improved air quality monitoring in Kazakhstan: Joint Economic Research Program (JERP)*. Prishtina, 2013. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/132151468047791898/pdf/839150WP0P133300Box0382116B00OU090.pdf> (accessed 09.06.2023).

12. Surnov A. V. Strategy for the development of the gas motor fuel market of the Russian Federation. *Gazovaya promyshlennost' = Gas Industry*, 2015, suppl. 3 (728), pp. 10–15 (in Russian).

13. State program of the Russian Federation “Expanding the use of natural gas as a motor fuel”. Available at: <https://gazpronin.ru/DraftNGVprogramRus.pdf> (accessed 13.07.2023) (in Russian).

14. Vertinskaya T. S. (ed.). *Status, potential and prospects for the use of gas motor fuel in transport in the Republic of Belarus. Issue 1 (January 2024)*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2024. 77 p. (in Russian).

Информация об авторе

Вертинская Татьяна Сергеевна – доктор экономических наук, доцент, руководитель Центра мировой экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vertinskaya.tanya@gmail.com

Information about the author

Tatyana S. Vertinskaya – D. Sc. (Econ.), Associate Professor, Head of the Center for World Economy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: vertinskaya.tanya@gmail.com